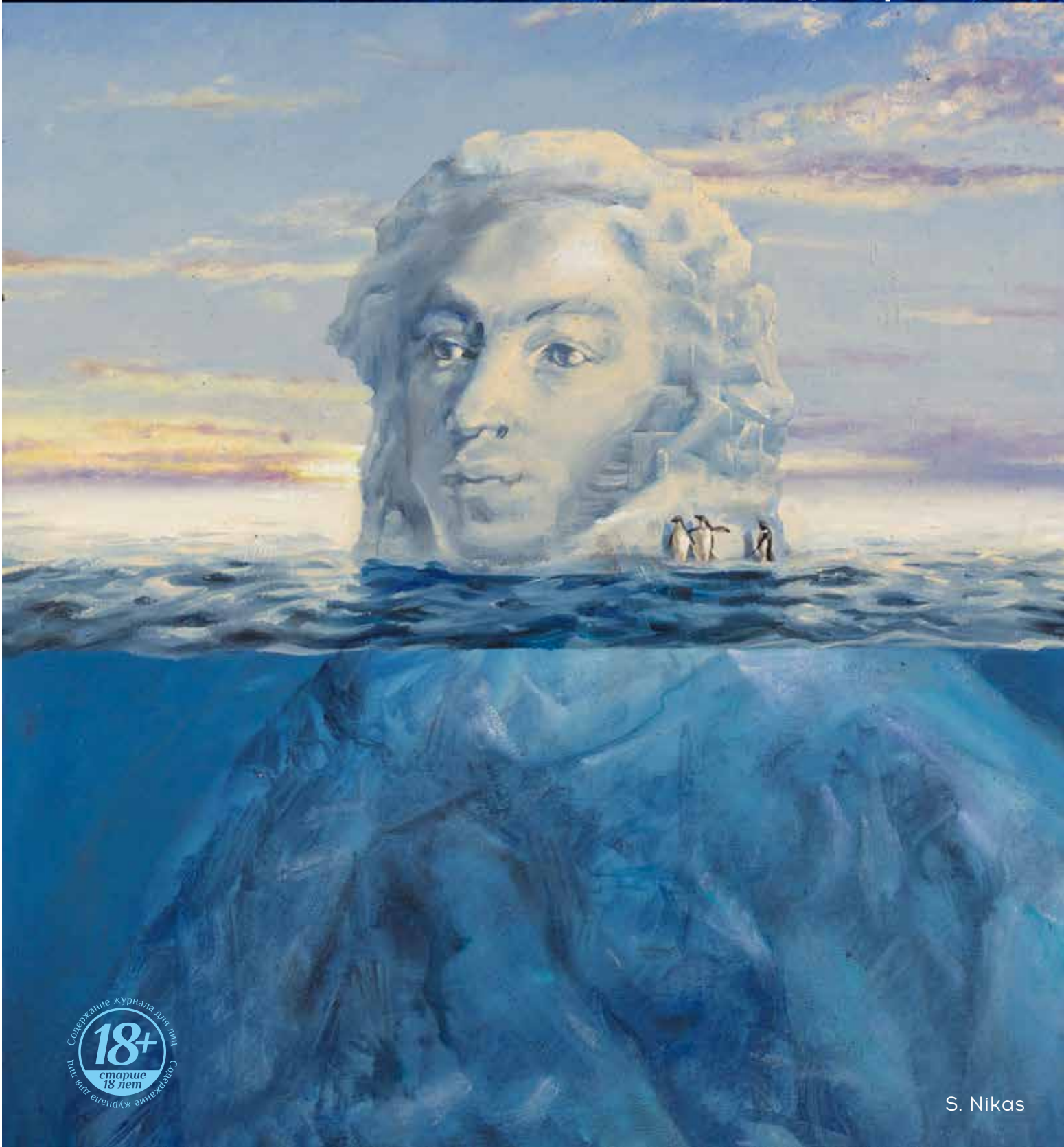

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 12 (63)
декабрь, 2021

S. Nikas

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами декабрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ». Завершается 2021 год – Год науки и технологий. Сложный, но в целом удачный для издания год.

«Александръ» в уходящем году преобразился внешне благодаря нашему другу – замечательному художнику Никасу Сафронову, журнал заиграл новыми красками и выстроил высококачественные композиции. Повышается и уровень публикуемых произведений, многие из которых увидели свет впервые именно в нашем журнале. Есть чем гордиться и есть над чем работать, чтобы не опускать взятую высокую планку.

Декабрьский «Александръ» содержит произведения в основном моих земляков – уроженцев Тамбовской области. И тому есть объективные причины: не секрет, что журнал родился на Тамбовщине, существенную финансовую помощь в виде грантовой поддержки оказывает администрация Тамбовской области, и в конце года администрация города Мичуринска выделила на безвозмездной основе помещение для Социального центра «Александръ» – некоммерческой организации, которая является учредителем журнала. Прошу обратить внимание на новый юридический адрес: 393761, Тамбовская область, г. Мичуринск, ул. Полтавская, д. 101, пом. 3, АНО «Социальный центр «Александръ»».

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор
(главный научный сотрудник Всероссийского научно-
исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии)

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Заканчивается 2021 год, объявленный в России Годом науки и технологий. В нашей стране наука и образование традиционно имеют особое значение, ничуть не меньшее, чем наши бескрайние просторы и природные, в том числе водные, ресурсы.

Наука, образование и культура как для всего российского общества, так и для отдельного русского человека – это то, что определяет наш национальный менталитет и, несомненно, является основой для консолидации всего народа. Вместе с тем совокупный потенциал социальной сферы, объединяющий в себе науку, образование и культуру, является также мощным фактором экономического развития и политической стабильности нашей страны.

В этом мире ничего не бывает случайным, и, наверное, совершенно не случайно, что в Год науки именно рыбохозяйственная наука отмечает свой замечательный 140-летний юбилей. Рыболовство помогает всей российской науке динамично развиваться. Изучая водные биоресурсы, учёные дают оперативные прогнозы и определяют объёмы вылова, заботясь о бережном сохранении даров морей и океанов для будущих поколений.

Приятно, что большинство авторов декабрьского «Александра» являются уроженцами Тамбовской области, региона, где посчастливилось плодотворно работать, как говорится, «в самом сердце России».

Дорогие друзья! Примите искренние поздравления с Новым, 2022 годом!

Желаю вам новых творческих побед, побольше радостных моментов, которые превратятся в приятные воспоминания, и встреч с преданными друзьями и любимыми домочадцами.

Кирилл КОЛОНЧИН,
директор Всероссийского научно-исследовательского института
рыбного хозяйства и океанографии
(с 2001 по 2008 год заместитель главы администрации Тамбовской области)

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ПУШКИН

Журнал издан за счёт грантов, выделенных из бюджета Тамбовской области, предоставляемых в целях финансового обеспечения затрат на реализацию лучших социально значимых проектов в средствах массовой информации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 12 (63), декабрь 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.12.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ФЛАГМАН НАУКИ

- 6** Кирилл Колончин.
Антарктические исследования

ПОЭЗИЯ

- 18** Валентин Суховский
23 Екатерина Козырева

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- Анатолий Солопов.
25 Рождество
26 Царевна

ЖИТЕЙСКОЕ

- 34** Виктор Фоменков.
Дед Егор

ИЗ ИСТОРИИ

- 37** Виктор Елисеев.
Поведала земская марка

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 40** Николай Чербаев.
Здесь всё сердцу близко

ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

- Александр Литровенко.
43 Патриотами не рождаются
45 Трофейная юбчонка

АФОРИЗМЫ

- 49** Виктор Фёдоров.
Размышления наедине

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

- 51** Наталья Меркушова.
Две встречи

ЛИРИКА

- 53** Александр Трунов.
Рефлексия

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 56** Татьяна Никитина.
Селигерская (Владимирская) икона
Божией Матери

ПАМЯТЬ

- 59** Владимир Чистяков

СУДЬБЫ

- 60** Евгений Голоднов.
Любимая ученица Айседоры Дункан

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 66** Ольга Наркевич (Левицкая).
Как дни последние пронзительны...
68 Жанна Ташма.
Дом с колокольчиками

ПОЧТИ МЕМУАРЫ

- 70** Валерий Седых.
Счастливое детство, или Как хорошо
мы плохо жили

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

- 86** Александр Ралот.
Тайна мыса Джексон

ДЕТЯМ

- 92** Наталья Баранова.
Как Маугли и Сильфида
утомили Никитку

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Памяти Героя России

ВКЛАД СССР И РОССИИ В ИЗУЧЕНИЕ БИОРЕСУРСОВ АНТАРКТИКИ

Предположения о существовании южного континента высказывались ещё античными авторами (Аристотель и др.), которые полагали, что в Южном полушарии находится соединённый с Африкой материк, противостоящий северным континентам и уравнивающий их. Отсюда он получил и своё название – *anti arctos* (противостоящий медведю, т. е. Арктике).

Мореплаватели неоднократно предпринимали попытки найти Антарктиду, но долгое время никому из них это не удавалось. Кругосветное путешествие английского мореплавателя Джеймса Кука в 1772–1775 годах в значительной степени было посвящено поискам Антарктиды. Кук поставил под сомнение саму возможность существования Антарктического материка и утверждал, что область, лежащая за Южным полярным кругом, бесполезна для человечества. Ошибочные выводы Кука значительно затормозили дальнейшие поиски Антарктиды.

Русские учёные-мореплаватели – И. Ф. Крузенштерн, Г. А. Сарычев, В. М. Головнин и др., – основываясь на научных данных,

неоднократно высказывали мысль о том, что выводы Кука ошибочны, и утверждали, что южный материк существует.

Открытие Антарктики как материка принадлежит русской кругосветной военно-морской экспедиции под руководством Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, которые на шлюпах «Восток» и «Мирный» подошли к Антарктике 28 января 1821 года. Русская экспедиция открыла остров Петра I, Землю Александра II и несколько островов в группе Южных Шетландских островов.

Предложения по возобновлению исследований в Антарктиде возникли в СССР при подготовке Второго Международного полярного года (МПГ) (1932–33). В Программе исследований предполагалась организация полярной станции на о. Петра I и проведение океанографических исследований моря Росса. В те годы специальных судов для выполнения экспедиционных работ не было, поэтому предполагалось использовать одно из судов советской китобойной флотилии «Алеут». Но в силу ряда причин этим планам не суждено было осуществиться. Эти проекты для того времени были вполне актуальны. Так, с начала XX века по 1953 год Великобритания, Аргентина, Чили, Норвегия, Франция, Австралия и Новая Зеландия объявили свои территориальные претензии на Антарктиду. Отметим, что ещё в 1938 году МИД СССР выступил с официальной нотой протеста в адрес правительства Норвегии в связи с тем, что оно объявило о претензиях на свой сектор в Антарктиде, который на сегодняшний день никем не признан. И тогда же СССР провозгласил идею о том, что Антарктида должна принадлежать всему человечеству.

После завершения Великой Отечественной войны Министерством рыбного хозяйства СССР с целью реализации стратегии перспективного развития рыбохозяйственной отрасли, заключающейся в поиске и описании новых промысловых районов и объектов, а также в исследовании среды обитания для оценки её биопродуктивности, были проведены широкомасштабные комплексные экспедиции по всему Мировому океану.

В 1946 году был разработан проект Морской антарктической экспедиции СССР под руководством директора ВАИ В. Х. Буйницкого. В 1947 году в связи с созданием китобойной флотилии «Слава» начались советские исследования в антарктических водах. В этих работах принимали участие специалисты и Государственного океанографического института ГУГМС при СМ СССР, и Всесоюзного института рыбного хозяйства и океанографии Минрыбхоза СССР. С этого времени началось системати-

ческое изучение южнополярных вод, которое продолжается и в настоящее время.

В 1950 году, учитывая складывающуюся международную практику по провозглашению территориальных претензий на Антарктиду, СССР направил меморандум о том, что оставляет своё право претендовать на весь Антарктический континент как его первооткрыватель. Однако к тому времени международная ситуация требовала подтверждения своих заявлений реальным присутствием в Антарктиде. Конкретные планы исследования Антарктиды были приурочены к подготовке крупного научного события того времени – Международного геофизического года (МГГ) (1957–1958). 13 июля 1955 года Совет Министров СССР издал постановление об организации Комплексной антарктической экспедиции (КАЭ) Академии наук СССР. Научное руководство экспедиционными исследованиями было возложено на АН СССР, а техническое и морское обеспечение – на Главное управление Северного морского пути (ГУСМП) Минфлота СССР.

30 ноября 1955 года из порта Калининград в свой первый антарктический рейс вышел дизель-электроход «Обь» во главе с капитаном, известным полярным судоводителем И. А. Маном. 5 января 1956 года судно подошло к побережью моря Дейвиса, где 13 февраля 1956 года была открыта первая советская антарктическая станция, получившая название «Мирный» в честь одного из шлюпов первой русской экспедиции. Возглавил первую КАЭ известный полярный учёный, заместитель директора АНИИ Герой Советского Союза М. М. Сомов. Участниками первых КАЭ были созданы антарктические станции Пионерская, Оазис, Комсомольская, Восток, Советская, Полюс недоступности, Лазарев и Новолазаревская.

1 декабря 1959 года 12 государствами, включая СССР, был подписан Международный договор об Антарктике, гарантировавший свободу научных исследований всех стран – участниц договора и обязательство использовать антарктическую зону к югу от шестидесятой параллели исключительно в мирных целях.

Международное сотрудничество в Антарктике оказалось очень плодотворным. Действуя в духе согласованных решений, экспедиции различных стран осуществляют непосредственный обмен учёными, информацией, оказывают друг другу необходимую помощь. Более сорока лет российские учёные работают в южнополярной области. Ежегодно к берегам Антарктиды отправляются суда Российской антарктической экспедиции для продолжения обширного комплекса научных наблюдений.

Первые советские экспедиционные исследования промысловых ресурсов криля были выполнены БалтНИРО на судне РТ «Муксун» в Атлантической части Антарктики. Итоги исследований, проведённых в 1961–1964 годах на РТ «Муксун», определили возможности и перспективы промысла и использования криля. В программу первых рейсов входили исследования по гидрологии, биологии криля и технологии получения кормовой муки, испытания разных конструкций орудий лова. Материалы, полученные в экспедициях, были обобщены в специальном сборнике трудов АтлантНИРО «Антарктический криль», вышедшем в 1965 году. Авторами статей сборника были участники этих экспедиций: Р. Н. Буруковский, В. Н. Седов, Б. А. Ярогов и другие. Результаты этих исследований получили широкую известность за рубежом, а первая экспедиция «Муксуна» заслуженно считается началом мирового рыбохозяйственного исследования криля и его промысла. Экспериментальные работы по освоению промысла были продолжены АтлантНИРО летом 1964 и 1965 годов на судах типа СРТ-Р и СРТ-М. В 1964 году ВНИРО были начаты комплексные научно-исследовательские экспедиции на НПС «Академик Книпович» – флагмане научно-исследовательского флота Министерства рыбного хозяйства СССР, первом наиболее оснащённом корабле из серии научно-промысловых судов, укомплектованном современными на то время лабораториями и оборудованием, которое позволяло проводить сбор и обработку материалов по гидрологии, гидрохимии, ихтиопланктону, бентосу и др.

Начиная с первой южноатлантической экспедиции (сезон антарктического лета 1964/1965 г.) до начала 90-х годов на НПС «Академик Книпович» сотрудники ВНИРО проводили планомерное поэтапное изучение биоресурсов Антарктики в целом, и в частности антарктических рыб, криля и других гидробионтов. Благодаря обстоятельной предварительной подготовке к первому рейсу НПС «Академик Книпович», проведённой его руководителем профессором Ю. Ю. Марти, специалистами ВНИРО были учтены практически все имевшиеся в литературе данные об океанографических условиях Антарктики и сопредельных районов, составе гидробионтов и их распределении. Материалы по зоогеографии, полученные в экспедициях английского комитета «Дисковери» (1925–1929), и данные Советской антарктической экспедиции (САЭ) были использованы в качестве отправной точки для рыбохозяйственного изучения Южного океана. Руководил экспедицией опытейший промысловый ихтиолог Ю. Ю. Марти, а его заместителем был морской геолог Д. Е. Гершанович. В составе работали шесть научных отрядов: океанографический, гидробиологический, ихтиологический, подводных и донных исследований и фотографирования техники добычи рыбы и технологический, возглавляемые высококвалифицированными специалистами ВНИРО с большим опытом экспедиционных работ. В работах экспедиции участвовал заведующий лабораторией Польского института морского рыболовства С. П. Возняк.

В состав научной группы первой экспедиции на НПС «Академик Книпович» вошли океанологи и гидрохимики: И. К. Авилов, А. А. Елизаров, В. В. Масленников, А. П. Волковинский, С. Г. Орадовский, А. Михайловский; гидробиологи: И. П. Канаева, В. А. Павлов, В. В. Шевцов, Р. Р. Макаров; ихтиологи: Д. А. Шубников, Ю. Е. Пермитин, Б. П. Пшеничный, В. Я. Ермохин и К. В. Шуст; специалисты по технике добычи: М. Я. Гройсман, Э. А. Карпенко, Г. П. Степанов; технологи: М.И. Крючкова, О. К. Макаров; специалист по радиоактивному измерению В. Н. Ткаченко; водолазные специалисты: А. Н. Рагулин

и Р. Г. Воронов; а также фото- и кинооператоры, специалисты по гидроакустическим съёмкам и другие. В последующих рейсах в Антарктику «эстафету» приняли: М. А. Богданов, В. А. Бородатов, В. А. Лестев, Т. Г. Любимова, Е. В. Владимирская, Б. Н. Котенев, В. П. Быков, А. Н. Козлов, З. С. Сильянова, И. П. Зарихин, И. А. Пинская и многие другие сотрудники ВНИРО.

В 1965–1966 годах были начаты исследования в Тихоокеанском и Индийском секторах Антарктики (Новозеландский район, море Беллинсгаузена, море Амундсена, море Росса, море Дюрвиля, акватория к югу от 40° ю. ш., между 20 и 90° в. д.).

В ресурсных исследованиях вод Антарктики принимали участие специалисты ВНИРО, АтлантНИРО, ПИНРО, ТИНРО, ЮгНИРО. Исследования проводились на НПС «Атлант», «Эврика», «Скиф», «Геракл», «Профессор Дерюгин» и др. Огромный вклад в антарктические исследования внесли бассейновые промысловые разведки: Запрыхпрозразведка (г. Калининград), Югрыхпрозразведка (гг. Керчь и Севастополь) и ТУРНИФ (г. Владивосток), силами которых осуществлено значительное число экспедиционных рейсов и проведён большой объём поисковых работ на судах различного типа – от БМРТ до СРТМ.

Результаты экспедиций на РТ «Муксун», выполненных АтлантНИРО в 1961–1964 годах, и на НПС «Академик Книпович», осуществлённых ВНИРО в 1964–1967 годах, послужили началом промыслового освоения советским, а затем и зарубежным флотом рыбных ресурсов в Атлантической части Антарктики (АЧА).

Советский промысел криля был первым и начался в конце 1960-х годов, когда в Антарктику были направлены несколько судов типа СТР и БМРТ, а к 1970 году вылов криля составил 4700 т, в 1974 году – 13139 т и далее постепенно наращивался. Япония начала экспериментальный лов криля только в 1973 году (59 т), остальные страны присоединились позже. Советский промысел сопровождался исследованиями по технологической переработке криля. Были определены технологические свойства криля, его биохимический и элементный

состав, разработаны технологии первичной переработки и хранения криля-сырца, а также технологии комплексной глубокой переработки криля в береговых и судовых условиях, в том числе разработана технология кормовой муки из криля, крилевые гидролизаты, а для фармацевтической и парфюмерной промышленности – хитин, хитозан и масло из криля. На долю советского / российского флота основной вылов криля приходился вплоть до 1992 года. С тех пор российскими судами промысел криля не ведётся.

Комплексные экспедиционные работы по изучению биоресурсов Антарктики Советским Союзом были начаты задолго до подписания Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики (1980). Эти работы проводились как на научных, так и на научно-промысловых и поисковых судах.

В ходе экспедиционных исследований было изучено биоразнообразие шельфовых вод островов Южной Георгии, Кергелен, Южных Оркнейских и Южных Шетландских, острова Буве, возвышенности Мод, а также видовой состав ихтиофауны приматериковых морей Скотия, Лазарева, Уэдделла, Рисер-Ларсена и др. Были обнаружены новые для науки виды рыб, а также некоторые виды рыб, ранее не встречающиеся в антарктических водах. Установлен факт циркумполярных ареалов ряда антарктических видов.

Регулярное поэтапное изучение вначале отдельных районов, а затем и целых областей в Атлантическом, Индоокеанском и Тихоокеанском секторах Антарктики позволило не только выявить доминирующие массовые виды гидробионтов, но и подробно изучить их адаптацию к условиям среды, размерно-возрастную структуру популяций и закономерности формирования их пространственного распределения.

Советскими / российскими экспедициями были открыты и исследованы промысловые скопления антарктического криля, придонных нототениевых рыб, мезопелагических светящихся анчоусов, кальмаров и крабов. Были выделены наиболее продуктивные районы Южного океана и определены основные факторы формирования биопродуктивных зон.

По результатам советско-российских экспедиций были внесены корректировки в перечень видов рыб, обитающих на шельфе островов Южная Георгия, Кергелен, Крозе, Хёрд, Южных Оркнейских и Южных Шетландских островов, а также более подробно был изучен состав ихтиофауны и особенности распределения гидробионтов в более высокоширотной зоне шельфа и материкового склона Антарктиды и близлежащих островов. Получены данные о распределении и доминировании мезопелагических рыб в наиболее продуктивных районах открытых вод Южного океана. Полностью были подтверждены выводы о количественном преобладании (по числу доминирующих видов и биомассе их популяций) представителей двух семейств *Nototheniidae* и *Channichthyidae* в неритической зоне островов, подводных возвышенностей, материкового шельфа и склона Антарктиды. Так, к известным ранее в районе острова Южная Георгия 23 видам придонных рыб был описан и добавлен в ихтиологический атлас Субантарктики ещё 21 вид рыб. В ихтиофаунистических комплексах района Южной Георгии и других районов были выделены виды, составляющие основу промысловых ресурсов, определены закономерности их распределения в зависимости от условий среды обитания и особенностей биологии.

На базе договора «Об Антарктике» (1959) стали появляться новые акты международного права. Так в 1972 году была принята Конвенция по сохранению антарктических тюленей, а в 1980 году – Конвенция по сохранению морских живых ресурсов Антарктики. Необходимость этих документов диктовалась озабоченностью международного сообщества по поводу справедливого использования антарктических ресурсов. Особенно остро встала проблема потенциальной возможности использования минерально-сырьевых ресурсов региона.

Большое значение в интенсификации антарктических исследований имела организация в 1971 году Антарктической комплексной постоянно действующей рыбохозяйственной экспедиции Минрыбхоза СССР. Руководителем Антарктической экспедиции был назначен

С. А. Студенецкий, в то время заместитель министра рыбного хозяйства СССР. Это сразу принесло реальные результаты. Если в период 1961–1971 годов было проведено всего 27 научно-исследовательских и поисковых рейсов в Южный океан, то с момента организации экспедиции по 1980 год число выполненных рейсов достигло 60.

В рамках постоянной экспедиции количество научно-исследовательских рейсов в Антарктику возросло до 12–15 ежегодно. Эта экспедиция позволила эффективно координировать научно-исследовательские усилия отраслевых институтов и промысловых разведок с работой промыслового флота, значительно сократить время внедрения научных разработок в практику рыболовства. Эта крупная отраслевая экспедиция объединила усилия всех морских рыбохозяйственных институтов и промысловых разведок, в значительной степени активизировала и углубила исследования сырьевых биологических ресурсов Мирового океана.

Когда после первых комплексных исследований ВНИРО на НПС «Академик Книпович» стало ясно, что воды Антарктики – один из наиболее перспективных в рыбохозяйственном отношении огромных районов Мирового океана, во ВНИРО в 1969 году была создана лаборатория биоресурсов Антарктики, которой руководила с 1969 по 1991 год заведующая к. б. н. Т.Г. Любимова. В первый состав лаборатории вошли ихтиологи Ю. Е. Пермитин, И. А. Пинская, В. Н. Ефременко, К. В. Шуст и гидробиологи Р. Р. Макаров, В. В. Шевцов, В. В. Наумов – специалисты по промысловым беспозвоночным, и прежде всего по антарктическому крилю. Позднее в состав лаборатории вошли ихтиологи А. Н. Козлов, Л. А. Лисовенко, З. С. Сильянова, П. Н. Кочкин, и этим основным составом лаборатория в 1970–80-е годы проводила как экспедиционные, так и береговые (камеральные) исследования.

Долгие годы объектом отечественного промысла и исследований была щуковидная белокровка (*C. gunnari*) в подрайоне о. Южная Георгия. Принимая во внимание придонно-пелагический

характер распределения рыбы, разработали принципиально новую методологию её количественной оценки для учёта донной и пелагической составляющих биомассы рыбы.

Широко рассматривались возможности изучения и освоения новых промысловых объектов. Все материалы, в том числе опубликованные, рукописи и с грифом ДСП, регулярно использовались в разработке прогнозов и рекомендаций для отечественной рыбной промышленности в Москве и на бассейнах для ВРПО «Запрыба», «Севрыба», «Азчеррыба», «Дальрыба», а также служили основой для новых экспедиционных и береговых программ, включая КЦП «Криль», «Пелагаль» и др.

Наряду с исследованиями рыб и криля сотрудники лаборатории изучали условия абиотической и биотической среды. Такой комплексный подход и полученные в результате данные определили приоритетность позиций СССР при переходе к исследованиям морских живых ресурсов Антарктики на международной основе. Наши национальные исследования и знания сыграли свою положительную роль в 1972 году при образовании Биологической рабочей группы по живым морским ресурсам Южного океана в составе Научного комитета по изучению Антарктики (СКАР) и в 1976 году при разработке в СКАРе международной многолетней программы «Биологические исследования морских антарктических систем и популяций (BIOMASS)». Исследования СССР в водах Антарктики послужили наиболее значительным вкладом в деятельность вновь созданной межправительственной комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики – АНТКОМ (CCAMLR) в 1982 году.

Материалы для ежегодных сессий Научного комитета и рабочих групп АНТКОМ регулярно подготавливались в лаборатории биоресурсов Антарктики ВНИРО (М. Г. Любимов, В. В. Масленников, Р. Р. Макаров, А. Г. Наумов, Б. Н. Котенев), в АтлантНИРО (Р. Н. Бурковский, В. И. Латогурский, С. М. Касаткина, В. А. Сушин, А. С. Федотов, В. Н. Шнар), ПИНРО и ТИНРО (Н. С. Фадеев, Л. А. Борец, А. И. Чигиринский, В. Н. Долженков). В 1980-е годы и

в настоящее время благодаря представлению в АНТКОМ большого количества данных и разработок по оценке состояния запасов рыб вырабатываются наиболее объективные и научно обоснованные «Меры по сохранению» популяций целевых (промысловых) видов рыб и видов прилова, устанавливаются щадящие режимы их промыслового использования с применением различных подходов путём установления ОДУ и сезонов, запретных для промысла. Рассматриваются также представляемые нашей страной данные и разработки по возможностям дальнейшего использования рыбных ресурсов Антарктики без нанесения ущерба популяциям рыб, зависимым видам морских животных и экосистемам в целом.

В течение 1981–1985 годов научно-поисковые работы по обследованию и оценке сырьевой базы криля и рыб осуществлялись в пределах акватории Атлантического, Индийского и в меньшей мере Тихоокеанского секторов. Всего за пятилетку в этих районах проведено более 70 экспедиций. 25 научно-исследовательских экспедиций провёл в XI пятилетке головной институт ВНИРО, в том числе пять на собственном НПС «Академик Книпович», семь – на арендованном у Югрыбпромразведки НПС «Профессор Месяцев», девять – на судах Севастопольского экспериментально-конструкторского бюро по подводным исследованиям – БМРТ «Одиссей» и «Ихтиандр», НИС «Хронометр» и РПС «Гидронавт» – и четыре экспедиции – на промысловых судах, приспособленных для технологических исследований, – БМРТ «Белокаменск» и «Ковтун».

С 1982 по 2002 год СССР / Россией были проведены комплексные экспедиционные исследования криля в районе 48 на основе трапово-акустических съёмок, сопровождаемые экосистемными наблюдениями, включая сезонную изменчивость физико-химических характеристик вод, продуктивность и динамику вод, сезонное развитие и сукцессию планктонных сообществ. Во взаимосвязи с этими экосистемными наблюдениями были исследованы пространственно-временные закономерности

распределения криля, показатели его роста, питания, репродуктивного состояния, популяционная структура.

В 1980-е годы были выполнены многочисленные советские экспедиции в Индоокеанском секторе, главным образом в морях Содружества, Дэйвиса и Моусона. По своим масштабам эти экспедиционные исследования остаются не превзойдёнными до настоящего времени. Большой вклад в изучение этих районов внесли специалисты ЮгНИРО.

Неотъемлемой частью отечественных экспедиционных работ является анализ геострофического дрейфа криля. Целенаправленно такие отечественные исследования были начаты в 1991 году, когда впервые в практике АНТКОМ на НИС «АтлантНИРО» проводились экспериментальные работы по оценке факторов переноса криля течением в подрайоне о. Южная Георгия.

Вплоть до 1990 года суда СССР абсолютно лидировали на промыслах рыб в АЧА. Исторический максимум годового вылова рыб был получен советскими судами в 1970 году, он составил 399,7 тыс. тонн. Важное значение в промысле антарктических рыб имеет патагонский клыкач (*Dissostichus eleginoides*) – один из самых дорогостоящих промысловых объектов, обитающих в водах Антарктики.

Первый в мире экспериментальный ярусный промысел патагонского клыкача был организован СССР в конце 1985 года в районе о. Южная Георгия и скал Шаг на двух судах типа СРТМ «Медвежий» и «Голубь Мира», оснащённых механизированными ярусными линиями норвежской фирмы Mustad. Результаты показали возможность высокопроизводительного ярусного промысла патагонского клыкача. До 1991 года СССР был абсолютным лидером на промысле патагонского клыкача. Максимальный годовой вылов советских судов в 1989 году составил более 7 тыс. т.

Большой вклад в ресурсные исследования в водах Антарктики внесла система научного наблюдения, действующая на советских / российских научно-промысловых и поисковых судах, начавшая свое становление и развитие с первых отечественных промысловых экспедиций.

С начала 1980-х годов традиционный сбор биологической, гидрологической и промысловой информации, осуществляемый на промысловых судах, был дополнен сбором гидроакустической информации и выполнением работ по технологии тралового лова. Особое развитие такие работы получили на промысле криля в АЧА.

Нашли своё отражение в работах ВНИРО материалы по промысловой статистике вылова рыбы в водах Антарктики и биостатистические материалы, ежегодно подготавливаемые российской стороной и другими странами – участниками АНТКОМ, ведущими исследования и промысел в водах Антарктики и составляющими базу данных секретариата АНТКОМ.

В дополнение к данным общей биологической и промысловой статистики при оценках состояния запасов рыб использовались материалы и результаты целевых тралово-учётных и тралово-акустических съёмок как отечественных, так и зарубежных судов, а также методы оценки запасов при помощи статистической обработки многолетних материалов и виртуально-популяционного анализа. При изучении размерно-возрастной структуры популяций и питания рыб материал обрабатывался по общепринятым методикам, но с учётом особенностей антарктической ихтиофауны. При обработке материалов тралово-учётных и тралово-акустических съёмок применялись методы вариационной статистики и оценки запасов пелагических рыб при помощи акустической аппаратуры.

Гидроакустические наблюдения, выполненные на советских промысловых судах в период 1982–1991 годов, включали как проведение гидроакустических съёмок, так и гидроакустические измерения, сопровождающие весь период нахождения судна на промысле криля, с особым вниманием к сбору данных во время проведения промысловых операций. Результаты этого нового направления научного наблюдения показали возможность и перспективность использования промысловых судов для сбора гидроакустической информации с целью анализа динамики промысла, с учётом характеристик распределения криля. В указанные годы были выполнены исследования

динамики биомассы и характеристик агрегаций криля на участках промысла, оценена промысловая значимость различных типов агрегаций криля, проанализирована динамика показателей промысла (вылов на час траления, суточный вылов и суточное промысловое усилие) в зависимости от межгодовой и сезонной изменчивости характеристик распределения криля на участке промысла. Сопряжение методов промысловой гидроакустики с теорией и практикой тралового лова позволило выполнить экспериментальные работы по исследованию уловистости тралов в зависимости от характеристик облавливаемых агрегаций криля, скорости траления и вертикального раскрытия устья трала, оценить интенсивность вылова на участках промысла, разработать методологию оценки ожидаемых показателей промысла, в зависимости от характеристик распределения криля. По своим масштабам и широте решаемых задач работы по сбору и обработке гидроакустической информации на советских / российских промысловых судах (1982–1991) остаются не превзойдёнными до настоящего времени, опередив на четверть века развитие

этого направления научного наблюдения в АНТКОМ.

Экспериментальные работы в районе Южных Оркнейских островов на НИС «Дмитрий Степанов» (1992) и на НИС «Атлантида» (1996), основанные на сопряжении данных гидроакустических и океанографических съёмок, стали, по сути дела, первой и пока единственной попыткой реализации программы натурного эксперимента по определению количественной оценки переноса криля течениями в различных подрайонах АЧА. В последующие годы были получены количественные оценки показателей переноса криля течением из морей Уэдделла и Беллинсгаузена в море Скотия (в том числе оценки интенсивности водного потока и оценки биомассы криля, переносимой течением). Особое внимание уделялось динамике биомассы и характеристике распределения криля в районах промысла под влиянием его дрейфа.

Промысловые скопления светящихся анчоусов (сем. *Myctophidae* Gill, 1893) были обнаружены советскими экспедициями в районах Южного полярного фронта (ЮПФ) в северной части антарктических вод, расположенных к

северу от о. Южная Георгия, а также в районе скал Шаг. По данным советских тралово-акустических съёмок, в зависимости от сезона года общая биомасса светящегося анчоуса (*Electrona carlsbergi*) здесь оценивается величинами от 0,8 до 2,0 млн тонн. Максимальный отечественный вылов в 72,0 тыс. т и 58,5 тыс. т был получен в 1990/91 и 1991/92 годах. Отечественный промысел светящегося анчоуса прекратился в 1992/93 году. Светящиеся анчоусы остаются одним из перспективных и до сих пор не освоенным промысловым видом биоресурсов Антарктики.

В 2002 году российские учёные планируют и выполняют первую комплексную тралово-гидроакустическую съёмку на шельфах о. Южная Георгия и скал Шаг. Результаты такой съёмки позволили в 2,6 раза увеличить объём общего допустимого вылова по сравнению с величиной ОДУ, традиционно основанного только на оценках донной траловой съёмки. Методология количественной оценки рыб с придонно-пелагическим характером распределения путём сопряжения данных траловой и гидроакустической съёмок с использованием методов имитационного моделирования для анализа комплексных данных и оценки точности получаемых суммарных индексов численности по размерным группам не теряет своей актуальности и сейчас.

В январе – феврале 2000 года АНТКОМ осуществляет крупнейший на сегодняшний день международный научный проект – комплексную синоптическую съёмку криля (съёмка АНТКОМ-2000), включая проведение гидроакустической съёмки и сбор широкого спектра данных по биологии криля и условиям среды в АЧА, при участии научно-исследовательских судов нескольких стран. Россия приняла активное участие в разработке, планировании и осуществлении этого международного проекта. Российское судно СТМ «Атлантида» (институт «АтлантНИРО») приняло участие в комплексной синоптической съёмке криля в АЧА, наряду с научно-исследовательскими судами Великобритании (НИС «Джеймс Кларк Росс»), Соединённых Штатов Америки (российское

НИС «Южморгеология», арендованное США на время съёмки) и Японии (НИС «Кайя-Мару»). Методология съёмки АНТКОМ-2000, основанная на стандартизации всех процедур сбора и обработки данных, сформировала требования к проведению гидроакустических съёмок в зоне конвенции АНТКОМ, а результаты этой съёмки определили современную стратегию Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики по управлению сырьевыми ресурсами криля в АЧА. Российские специалисты приняли участие в семинарах АНТКОМ по обработке и анализу данных синоптической съёмки криля (г. Ла-Хойя, США, 2000 и 2005 гг.).

За исключением кратковременного возобновления промысла одним траулером РТМКС «Максим Старостин» в сезоны 2008/2010 годов, по результатам научного наблюдения на этом российском траулере был выполнен комплекс гидробиологических исследований и опробована технология непрерывного лова.

За период 1961–2002 годов было выполнено 138 рейсов, в которых поэтапно и планомерно были изучены биоресурсы Антарктики, включая:

- 38 экспедиций, выполненных за 23 года (с 1967 по 1990 г.) в Тихоокеанском и Индийском секторах Антарктики (районы 88 и 58);
- 100 экспедиций в районе 48, выполненных за период с 1961 по 2002 год.

Стратегией развития деятельности Российской Федерации в Антарктике на период до 2020 года и на более отдалённую перспективу, утверждённой распоряжением Правительства РФ от 30 октября 2010 года № 1926-р, определены основные направления реализации национальных интересов Российской Федерации в Антарктике. В число приоритетных задач включены: развитие комплексных научных исследований в Антарктике, оценка и прогнозирование водных биологических ресурсов Антарктики, организация экономически эффективного промысла водных объектов.

Важной частью российских исследований биоресурсов Антарктики в последние годы стало выполнение программ по изучению запасов

клыкачей видов *Dissostichus spp.* в районах с недостаточным объёмом данных в зоне действия Конвенции: в морях Росса в 2010–2012 годах, Беллинсгаузена в 2010–2012 годах и Уэдделла в 2012–2014 годах. По материалам этих программ были получены новые данные о запасах и распределении клыкачей в Антарктике, а также по размножению и плодовитости, закономерности роста, питанию и биологии, физиологии и паразитофауне различных видов антарктических рыб.

Неотъемлемой частью современных российских ресурсных исследований клыкачей являются вопросы влияния ярусного порядка на показатели промысла, стандартизации исследований клыкачей при выполнении научных программ с участием нескольких судов, а также вопросы оценки эффективности научных программ.

Значительный вклад был внесён в систематику антарктических рыб исследователями из Зоологического института РАН, ими были описаны несколько новых видов глубоководных рыб. Коллекции были собраны во время ярусного промысла клыкача национальными научными наблюдателями в море Росса и Амундсена.

Несмотря на прекращение отечественного промысла шуковидной белокровки (*C. gunnari*) в районе о. Южная Георгия, российские специалисты принимали активное участие в работах по оценке состояния её ресурсов в этом районе зоны Конвенции. Россия организовала и провела международный семинар АНТКОМ по определению возраста шуковидной белокровки (г. Калининград, АтлантНИРО, 2006), подготовив соответствующее методическое руководство для АНТКОМ.

Важнейшей задачей Научного комитета и Комиссии АНТКОМ является разработка схем управления промыслом криля в районе 48, результатом которой должна стать ревизия меры по сохранению МС 51-07, устанавливающая пороговый уровень вылова криля в АЧА в 620 тыс. т при общем допустимом вылове в 5,61 млн тонн. Ревизия МС 51-07 запланирована на 2021 год. Российские специалисты активно участвуют в разработке предпочтительного варианта управления крилевым промыслом,

исходя из позиции, что процедуры управления промыслом криля должны обеспечивать гибкость пространственного квотирования вылова, с учётом интересов стран океанического лова, и выступая против научно не обоснованных предложений в отношении необходимости ограничения промысла криля в традиционных районах его лова. Особое внимание в современных национальных исследованиях уделяется таким ключевым научным вопросам управления промыслом криля, как пространственная и временная изменчивость распределения криля, критерии оценки конкурентных отношений между промыслом и зависимыми хищниками (морские птицы, пингвины, котики и др.) за ресурс криля, анализ состояния современного промысла криля и тенденций пространственно-временной динамики его показателей.

В контексте разработки схем управления промыслом криля Россия выполняет исследования показателей дрейфа морских планктонных ракообразных в различных пространственно-временных масштабах и в разных модификациях водных масс в море Скотия. Полученные результаты свидетельствуют, что наличие или отсутствие криля в том или ином подрайоне моря Скотия в большей степени является отражением особенностей его переноса течением из моря Уэдделла и моря Беллинсгаузена через подрайон Антарктического полуострова, а не определяется состоянием запаса криля и тем более влиянием промысла на ресурсы криля. Установлено, что за промысловый сезон величина биомассы криля, вносимой течением в море Скотия, составляет порядка 10–16 млн т. Уделяется внимание методологии обработки данных акустических съёмок, показана перспективность использования геостатистических методов для исследования структуры поля плотности криля. Разработана методология анализа пространственно-временных закономерностей и трендов показателей промысла криля, с учётом влияния происходящих климатических изменений, на основе использования современных статистических методов. Данная методология обеспечивает возможность оценки качества результатов на основе применения

диагностики и оценки эффективности используемых методов и моделей и находит своё практическое применение для анализа показателей современного промысла криля в подрайонах и мелкомасштабных единицах управления промыслом криля в АЧА.

Российская Федерация в сезоне 2019 года провела ресурсные исследования крабоидов (*Anomura*, *Decapoda*) в море Амундсена и море Беллинсгаузена. Такие исследования в Тихоокеанском секторе Антарктики выполнены впервые в практике АНТКОМ. Участие российских специалистов в Системе международного научного наблюдения АНТКОМ является важнейшей составляющей присутствия страны в водах Антарктики, давая возможность получать информацию о промысловых и биостатистических характеристиках криля, клыкачей и других антарктических промысловых рыб. Российские научные наблюдатели участвуют в промыслах в качестве национальных и международных наблюдателей. В период с 2002 по 2020 год российские специалисты проводили научное наблюдение на судах под флагом Республики Корея в 54 рейсах, Украины – в 29 рейсах и Российской Федерации – в 50 рейсах. С 2016 года начата подготовка отечественных инспекторов, позволяющая им инспектировать промысловые суда в зоне Конвенции, действуя в рамках инспекторской системы АНТКОМ. Федеральным агентством по рыболовству на базе Атлантического филиала ФГБНУ «ВНИРО» (АтлантНИРО) проведено четыре отраслевых семинара «Подготовка международных и национальных научных наблюдателей и инспекторов для работы в конвенционном районе АНТКОМ», на которых рассматривается широкий круг вопросов, связанных с научным наблюдением на промыслах криля, клыкача и крабоидов в зоне Конвенции. Проведение указанных семинаров отвечает заинтересованности Российской Федерации в развитии рыбопромысловых исследований и промысла в водах Южного океана.

Наряду с другими странами – членами АНТКОМ, российская делегация активно участвует в разработке, принятии и исполнении научно обоснованных международных мер, на-

правленных на сохранение морских биоресурсов и уникальных экосистем Антарктики. Научные эксперты из России принимали участие во всех совещаниях и рабочих группах АНТКОМ, посвящённых вопросам экосистемного мониторинга и сохранения морских биоресурсов, уделяя особое внимание вопросам установления морских охраняемых районов (МОР) для их пространственного планирования. По мнению российской стороны, создание МОР требует должного научно-информационного обеспечения как основы для обоснования и планирования (включая цели, задачи, границы, план мониторинга и исследований, индикаторы и показатели мониторинга, критерии оценки эффективности МОР) и наличия процедур контроля за функционированием МОР. Российская Федерация разработала и представила на Комиссию АНТКОМ предложения по процедурным и имплементационным мерам для регулирования единого процесса установления и функционирования МОР в зоне Конвенции. За последние годы (2013–2019) на мероприятия АНТКОМ представлено более 50 рабочих документов, отражающих российскую позицию по вопросам пространственного планирования в зоне Конвенции АНТКОМ.

Определённым индексом научного вклада может служить количество научных документов, представляемых на мероприятия АНТКОМ (рабочие группы, Научный комитет и Комиссия). По этому критерию Россия входит в число шести стран, внесших наибольший вклад в научное обеспечение АНТКОМ, и занимает в нём достойное четвёртое место.

За 34-летний период (с 1985 по 2019 год) СССР и Россия представили на мероприятия АНТКОМ 530 рабочих документов. Около 51% этих документов (273) Россия представила за последние 10 лет, занимая четвёртое место по числу представленных документов после Австралии, Новой Зеландии и Великобритании. Не стоит забывать тот факт, что фундаментом научной базы АНТКОМ послужили научные данные, переданные Советским Союзом в начальный период формирования Комиссии АНТКОМ.

Геополитическое присутствие Российской Федерации в Антарктике диктует необходимость

обеспечения научных и научно-технологических результатов по приоритетным направлениям освоения и использования биоресурсов Антарктики, и прежде всего в отношении антарктического криля – крупнейшего источника животного белка морского происхождения. Реализация принятой Программы совместных комплексных экспедиционных исследований в Антарктике (2018–2023) судами Росрыболовства и РАН будет способствовать укреплению научного и экономического потенциала Российской Федерации в Южном полярном регионе и усилению её международного престижа.

Ресурсные комплексные исследования криля в водах Антарктики, выполняемые Федеральным агентством по рыболовству, реализуются Атлантическим филиалом ФГБНУ «ВНИРО» (АтлантНИРО) на научном судне СТМ «Атлантида». Неотъемлемой частью этих исследований являются работы по технологии переработки криля. Выход СТМ «Атлантида» в рейс 19 ноября 2019 года из порта Калининград знаменует возобновление отечественных экспедиционных ресурсных исследований криля, отсутствующих 17 лет (с 2002 года). Реализация этих работ, выполняемых Росрыболовством, позволит подготовить научно обоснованные рекомендации по эффективному освоению сырьевой базы криля отечественным рыбопромысловым флотом, будет способствовать повышению уровня влияния Российской Федерации на принимаемые АНТКОМ решения по управлению запасами криля и защите интересов отечественного рыболовства в Антарктике на основе современной научной аргументации.

Знаменательно, что возобновление ресурсных исследований криля происходит в юбилейный год 200-летия со дня открытия Антарктиды российскими моряками, что способствует сохранению наследия, связанного с ролью Рос-

сии в открытии Антарктиды и исследованиях Антарктики.

На сегодняшний день антарктический криль по сочетанию потенциала вылова и потребительских свойств является крупнейшим перспективным ресурсом Мирового океана. Развитие отечественного промысла не сдерживается ни состоянием запасов криля, ни правовыми нормами доступа к ним флота РФ. Специалисты ФГБНУ «ВНИРО» и его филиалов обеспечат информационную поддержку проекта добычи и предложения по высокотехнологической переработке антарктического криля, а также научное сопровождение промысловых судов на промысле как в АЧА, так и в других перспективных районах лова. Рекомендуем российским рыбопромысловым организациям обратить внимание на возобновление отечественного промысла криля.

Дальнейшая деятельность Российской Федерации в Антарктике, как и в предыдущие годы, будет направлена на изучение, сохранение и рациональное управление запасами биоресурсов и регулирование их вылова исключительно на научной основе.

Кирилл КОЛОНЧИН,
директор Всероссийского научно-
исследовательского института

Валентин СУХОВСКИЙ

Валентин Суховский служил в народном ансамбле песни и пляски, работал в редакциях северных газет. Окончив Литературный институт, работал в журналах «Наш современник», «Встреча», газете «Гудок», редактором издательства «Советский писатель». Лауреат литературных премий им А. Фадеева, Н. Некрасова, Д. Кедрина «Зодчий», В. Богданова «Светунец», «Традиция». Член Союза писателей России и Союза журналистов Москвы. Автор 21 книги и 50 песен. Руководит литстудиями «Муза и лира» и «Златоуст». В течение многих лет был членом бюро поэтов Московской писательской организации. Академик Международной академии русской словесности, академик Международной славянской академии, член-корреспондент Академии поэзии, Академии российской словесности и Академии российской литературы, полковник казачьих войск. Награждён Грамотой Министерства культуры РФ, Патриаршей грамотой, дипломом Союзного государства России и Беларуси, Золотым дипломом Международного славянского литературного форума «Золотой витязь», грамотами Правительства Москвы, медалью «300 лет Российскому флоту», золотыми медалями Есенина и Фадеева, медалями Пушкина, Лермонтова, Ломоносова, Некрасова, Бунина, орденами Ломоносова, «За заслуги перед казачеством», «За службу России», «Вера и верность».

И недругов обезоруживал,
И был для друзей как родной.

Дарил ли Орлов нам Сергей
покровительство
Иль Марков сводил Алексей –
Мы знали поэзии русской величество,
Всех Слава душой был светлей.

И оттого оказался ранимее;
Болея за Тамбов и Урал.
Душа его светит свечой негасимой
Для всех, кто Богданова знал.

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА БОГДАНОВА

Для души открываю я заново,
По стихам о них зная давно,
Родные места Вячеслава Богданова,
Так, видно, судьбой суждено.

Дорогой, беседа с Сошиным,
Мы вдаль горизонта глядим.
Для брата он сделал немало хорошего,
А сколько же дел впереди!

В стихах Вячеслава просторы тамбовские
С уральской слились высотой.
Лицо его русское, внешне неброское,
Душевной влекло красотой.

Как часто в застолии дружеском
Глаз Славиных свет голубой

ПУШКИН

Родился он под звучную каплю
Среди цветенья соловьиным летом.
А умер Пушкин, как ушёл в метель,
И всё скорбит Россия о поэте.
Божественною музыкой стихов
Он сердце русское возвысил и восславил.
И Пушкиным Москва гордиться вправе
Как величайшим из своих сынов.
Явил он в чудных образах любовь
То в муках ревности, то на волне восторга.
И за любовь, за честь он пролил кровь.
На смерть его Россия стон исторгла.
Навечно остаётся он в умах
Всех любящих его язык певучий,
И не кометой, не звездой падучей,
А незакатным солнышком в сердцах.

ПАМЯТИ ИВАНА БУНИНА

Сколько гибло в кровавых годах!
Как же смог вырваться Бунин?!
Импульсивен он был и разумен
В дивной прозе и ярких стихах.

Искромётность пылающих чувств
И оттенки тончайшие смысла
Он душою, как коромыслом,
Перенёс на алтарь свой искусств.

Из глубинной Руси, от Ельца,
Просиял надо всею Европой.
Сердца боль, русской нации ропот
Он, страдая, пронёс до конца.

Среди стольких героев его
Есть немало возвышенных духом.
Он ушёл из России в разруху,
Но осталась она дорогой,

Дорогой и любимой до слёз,
Как и Бунин, любимый Россией,
Бури страшного века осилил.
Как люблю я мир бунинских грёз!

* * *

Запущено отчее поле...
Зачем я в чаду городском,
Где крик человеческой боли
Не слышен в потоке людском?

– Постой, погоди-ка немного, –
Дрожит человеческий крик.
Меня захватила дорога,
Мне некогда глянуть на лик.

Душа – милосердие державы,
И совесть – основа во всём.
Угодники призрачной славы,
Во имя чего мы живём?

Как часто витийствуют хамы,
Калеча младенческий слух.

Ещё реставрируем храмы,
Пора реставрировать дух!

Тогда с очистительной силой
Своё возрождение начнём,
Когда мы на родине милой
До каждого сердца дойдём.

Грешно жить по чьей-нибудь моде,
Тяжёл подражания гнёт.
Все черпают силы в народе,
А кто их народу вернёт?

МУЗЫКИ МАГИЧЕСКИЕ ЗВУКИ

Музыки магические звуки,
И очарованье дивных слов,
И на струнах колдовские руки,
И глаза как будто бы из снов.

Голос, для меня он совершенен.
Боже, как чарует он других!
Время, сотканное из мгновений,
Целые эпохи влило в стих.

Мы едва коснулись губ губами,
Мы едва слова произнесли –
Ангелы кружились вместе с нами,
Ангелы на крыльях нас несли.

Может, это чудо повторится,
Как бывает эхо из глубин.
Господи, пусть это долго длится
Посреди лазоревых долин!!!

КОГДА ТОНКИЕ ЧУВСТВА ДУШИ, СЛОВНО СТРУНЫ, ЗВЕНЯТ

В листопаде златом или вьюгой серебряной
грустною,
Когда тонкие чувства души, словно струны,
звенят,

Стой мне песню мою задушевную, русскую,
Когда чудится: тройки по трактам летят.

И звенит бубенец под дугой раззолоченной.
Скрип саней по округе да звон от церквей.
Выйдут девки близ сёл, деревень на обочину,
Шали блещут парчой, взор играет очей.

Мне так сладко услышать исконное русское,
Когда чуждая шваль и обкуранный сброд
Уж нисколько великую землю не чувствует,
Ну а что запоют, то народ не поймёт.

От Руси перевозданной лишь песня широкая
Да романсы: в них русская плачет душа.
Пароходных гудков нет над Волгой глубокою,
Скрыта водная ширь высотой камыша.

Спой мне песню мою задушевную, русскую,
Когда чудится: тройки по трактам летят.
В листопаде златом или вьюгой серебряной
грустною,
Когда тонкие чувства души, словно струны,
звонят.

КРАЙ МОЙ ОТЧИЙ

Родниковая свежесть ручья
И червонное золото нивы
Да широкая песня твоя,
Мать-Россия, вольны да красивы.

В свете дня, волшебстве вечеров
Грусть светла в песне, сердцем пропетой.
И хранит она память веков –
Светлой верой Россия согрета.

Лебединую высь облаков
И озёрную глубь не измерить.
Твой характер с врагами суров,
А друзьям открываешь ты двери.

Где резные узоры избы
Да былинная роспись соборов –
Ты как оберег русской судьбы
И бескрайних российских просторов.

Светел ты вековой красотой
Соловиною белою ночью,
Храмом в белом цветенье весной
И великой душой, край мой отчий!

МЫ НЕ В АНГЛИИ, А В РОССИИ...

Мы не в Англии, а в России:
Слава Богу, не всё здесь стригут.
И вольготно цветы полевые
Волей Господа ярко цветут.

Не люблю резких линий в природе,
Не всегда симметрична она.
Да и чудо ведь там происходит,
Где природа загадок полна.

Где вольна она, неприхотлива,
Где вписался в неё человек,
Не нарушив пейзажей красивых,
Что сложились какой уже век.

Избы русские, русские храмы
Гармонично вписались в холмы.
И нарушили всю панораму
Чужеродным лихие умы.

ИВАНОВСКИЙ СИТЕЦ

*Памяти моей матери
Александры Клавдиевны
Суховской-Фефиловой,
русской крестьянки*

По радио пела Русланова
В быту порубежных годин.
И простенький ситец Иванова
Деревню собрал в магазин.
Портреты почившего Сталина
Ещё не убрал сельсовет...
Отпала налогов окалина,
Крестьяне увидели свет!
Он высветил радости малые,
Заметный едва в нищете.
Но песни звучали удалые,
Невесты цвели в красоте.
И с верой, сравнимою с мужеством,
Что счастье свернёт ко крыльцу,
Мечтали они о замужестве,
И ситцы им были к лицу!
Прибасы для них разорительны,

Богаты лишь жемчугом рос...
 Но, помню, расцвёл изумительно
 Ивановским ситцем покос!
 Как ладненько блузка приталена,
 Как дышит высокая грудь...
 Когда гармонист на завалинке –
 Всю ноченьку глаз не сомкнуть!
 Как день ни тяжёл с утра раннего,
 Но вечером – песни да пляс...
 В почёте он был, в обожании –
 Ивановский ситец у нас!
 И помнит моё поколение:
 Отрадой он был на Руси –
 Сменил гимнастёрки военные...
 Да кто же его не носил?!

У ИКОНЫ СЯТОЙ

В древнем храме, где певчие нежно поют, –
 Образ Спаса в червонной оправе.
 Люди Господу низко поклоны кладут
 И молитвою Господа славят.

У иконы святой я затеплю свечу,
 Николай-чудотворец отеческим взглядом
 Душу мне ободрит. Станет всё по плечу.
 И дорога судьбы по цветущему саду.

В ранней юности я от родного крыльца
 Вдаль ушёл, и нередко терпел я обиды.
 И когда не хватало поддержки отца,
 Пред иконой святою молил я защиты.

И когда подступают вдруг слёзы к глазам,
 А на сердце обида и боль не расходятся,
 Я с надеждой и верой иду в Божий храм,
 К материнским очам Пресвятой Богородицы.

Николай-чудотворец отраду принёс,
 И немало святых, на Руси просиявших,
 Осушали лицо от нахлынувших слёз,
 Прегрешенья прощали невольные наши.

У иконы святой я молитву шепчу.
 Православная вера – всей жизни опора.
 Как лекарством, молитвой я душу лечу,
 И Господь отворяет любые затворы.

И по воле Его – умиление души
 Или мужество духа в годину крутую.
 Я молю: Русь святую, Господь, защити!
 Да рассеется зло, а добро торжествует!

О ПОЭЗИИ И ПОЭТАХ

Виктору Евдокимову

Восторг от кружевницы чуден
 Узоров зимнего окна.
 Слов узорочье звук разбудит,
 И музыкой строфа полна.

В ней столько образов и красок,
 В строках портрет иль натюрморт.
 В стихах видны пейзажи наши,
 Быть может золотым экспромт.

В поэзии вдруг мысль сверкает
 И слово словно бриллиант.
 И цель поэзии – златая:
 Переживёт века талант.

Писал и Лермонтов про ножны
 И про клинок, что век не стар.
 Искусство чуждо тем, кто ложно
 Его считает за товар.

Века поэзия бесценна:
 Ценили золотом цари.
 Она и в рубище почтенна;
 В мечтах крылатых всё парит.

Поэт прославит меценатов
 И благодетелей своих.
 То, что в веках сияло златом,
 Достойно славы и любви!

АРФЫ ПЕВУЧИЕ СТРУНЫ

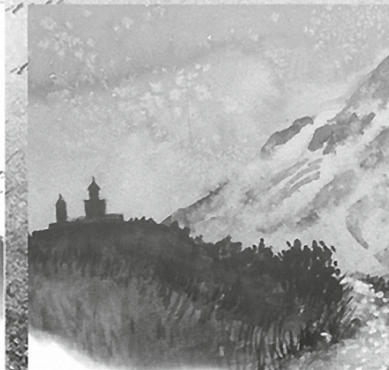
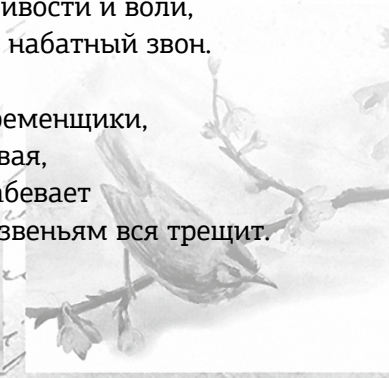
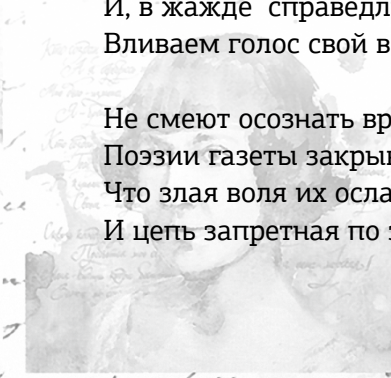
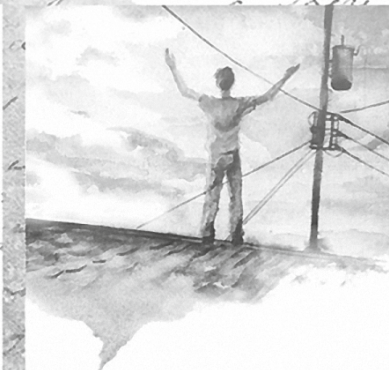
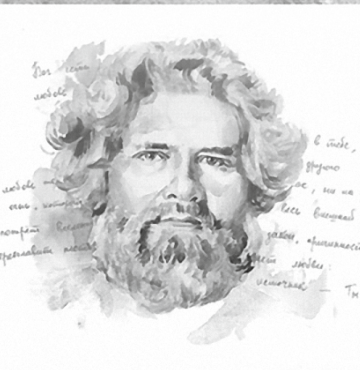
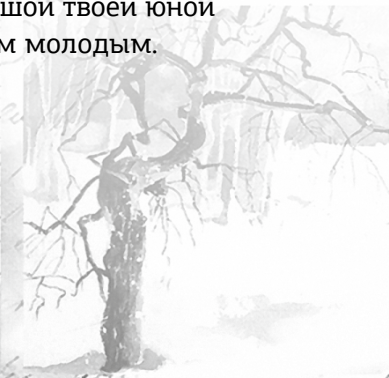
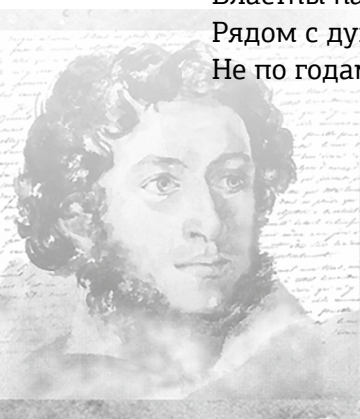
Маргарите

Арфы певучие струны
Тронули нежно персты,
И на лице твоём юном
Дышит волненье мечты.

Сердце откликнуться хочет,
Долго внимать не дыша.
Светом наполнены очи,
Чувством глубоким – душа.

Лунным ли грустным сияньем,
Светом ли солнечным дня,
Трепетным очарованьем
Околдовала меня.

Арфы певучие струны
Властны над сердцем моим,
Рядом с душой твоей юной
Не по годам молодым.

НАРОДА РУССКОГО МЫ НЕЖНЫЙ КАМЕРТОН...

Блаженство чувств и духа ликование
Бывали часто в яви и во сне.
Приходит вдохновение ко мне
То гласом ангельским,
то Божьим состраданием,

А то вселенским пробужденье сил
И ощущеньем в чувствах вольной воли.
И опьяненье русского раздолья,
И та любовь, что я в душе носил.

О родина, и в золоте осеннем,
И в радостном цветении весны
Такие голоса твои слышны,
Какие, может, чувствовал Есенин.

Народа русского мы нежный камертон,
Поэты его в радости и боли
И, в жажде справедливости и воли,
Вливаем голос свой в набатный звон.

Не смеют осознать временщики,
Поэзии газеты закрывая,
Что злая воля их ослабевает
И цепь запретная по звеньям вся трещит.

Екатерина КОЗЫРЕВА

Екатерина Николаевна Козырева родилась в пос. Агаповка Челябинской обл. Окончила МОПИ, ВЛК в семинаре Ю. П. Кузнецова. Печаталась в региональных и центральных журналах: «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Вестник российской литературы»; в альманахах и антологиях, в газетах «Слово», «Российский писатель» и других. Публикации на сайтах: «Российский писатель», «Русский переплёт», «День литературы», «Русская народная линия».

Издала одиннадцать поэтических книг и книгу-эссе о Пушкине. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ЦВЕТЫ

Бреду полянами и пущами –
Вселенною моих стихов,
Во мне и для меня растущими...
Цветы невысказанных слов!

Как новорожденные дети вы,
И, делом Божьим дорожа,
Я с вами, и за вас в ответе я.
Над словом трудится душа:

Среди сиреневого, белого,
В весеннем облаке цветов
Ищу ребёнка неумелого –
Цветок, – весь жёлтый до краёв.

И от земли не отлучённый он,
И к небесам он не привык,
Как солнце правды отражённое –
Живой поэзии язык!

* * *

Так страшно среди одиноких деревьев!
Шумят они... тянутся к небу всегда.
Как сердце моё к одичалой деревне,
Где медлят секунду одну поезда.

А спрыгнешь – и горько запахнет полынью.
Не ходит автобус, попутки не в счёт.
Какая-то странная тетка Акси́ня,
Я знаю, одна в той деревне живёт.

– Кому, – говорю, – надо в эту деревню?
Забывшись, что не с кем уже говорить.
Лишь ворон взмахнёт по-язычески древне,
Метнётся в лицо паутиная нить.

Вспугнётся душа... И всё глуше и тише
И лес, и тропа... нежилое жильё.
Деревья всё тянутся выше и выше,
Не так ли, Акси́ня, и сердце твоё –

К святому углу, к своему пепелищу?..
Почти слюдяной у окошечек блеск.
Свой посох возьмёт – и обрящет, что ищет,
Молиться идёт она в Борисоглебск.

СТРУННАЯ ПЕСНЬ

Золотая струна о радости запоёт –
Переливается юности вешний мёд,
Родником выбивается чистый звук,
Лёгкой бабочкой вылетает из детских рук.

Берег неба – родное моё крыльцо –
Крылья ангела оведают моё лицо,
Я не знаю, какую струну задеть,
У меня есть золото, серебро и медь.

Серебро задену слегка – там семья и дом,
Задрожит свеча над мамою и отцом...
Вы оставили детям своим не зло – добро,
Золото чистое вы моё и моё серебро.

Струнной песнью звучит литая, тяжёлая медь –
Аллилуйя готовятся в хоре церковном петь...
Помоги мне, Боже, поверить в Тебя, полюбить,
Колокольчик души притяни за незримую нить.

Берег неба – родное моё крыльцо –
Крылья ангела овевают моё лицо,
Я не знаю, какую струну задеть,
У меня есть золото, серебро и медь.

ВСТРЕЧА

Багряные листья, упавшие на плечи,
Порфира осени – святое торжество.
И чувствует душа, вступая в эту встречу,
С багрянородною печальницей родство.

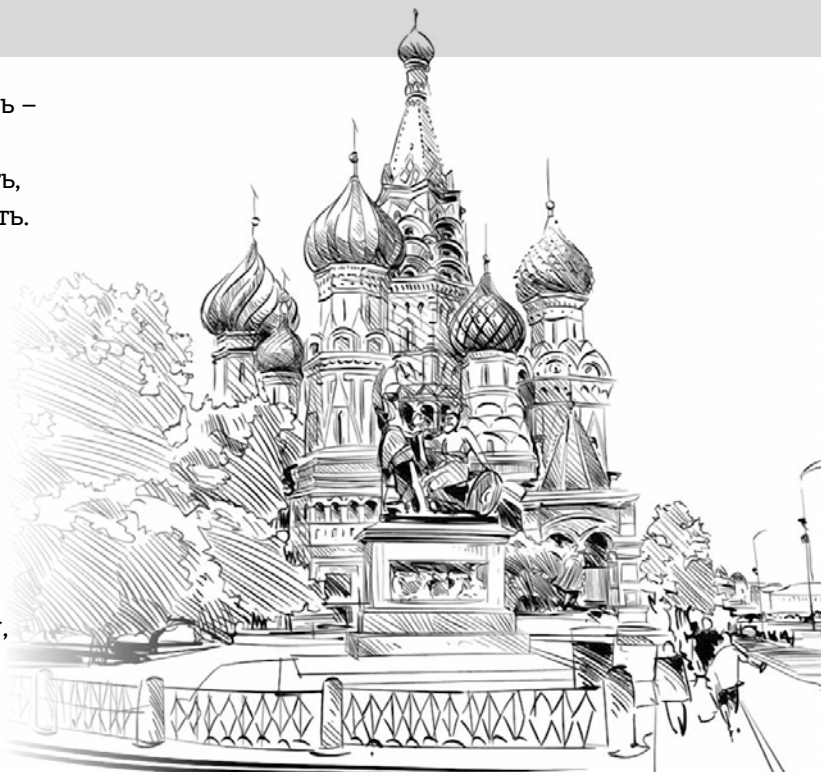
Всё непритворно в ней и внятно духу,
Спокойно, величаво сложено.
Благоволит и зрению, и слуху.
В дыханье сонных вод отражено.

И помысл так высок у человека...
И Благодать, как рёк Иларион,
Исполнила всю землю. День от века
Надеждой, Верой и Любовью осенён.

ВЕДЕНЬЁ¹

Леса на взгорье, и под кручей,
И дальше – тёмною стеной –
Вздыхались, прикасаясь к тучам,
Единой хвойною волной.
Лишь иногда на перелесках,
Осыпав золото берёз,
Взлетал и падал голос резкий
Тревожной птицы. И до слёз
И свыше исполняло душу
Спасённой глушью – Веденья,
Безмолвьем светлым от избушек –
Оград святого бытия.

¹ Веденьё – церковь Введения Богородицы
во Храм в Ярославской обл.

НА ХОЛМАХ

Взгляну на Россию с кремлёвских холмов –
Велик её свет – ни начал, ни краёв.
Как старцы, стоят над Москвой облака.
И грады, и веи стоят на века.
Их ветры не сдули и вихрь не сломал.
Священные стены крепки, как металл.
Приникну к твердыне и сил наберусь –
И верую в Спаса и матушку Русь.

ТЮТЧЕВ

Вадиму Кожинкову

Его дыхание земное.
Но с приближённостью к Нему,
Кто жизнь вдохнул во всё живое,
Дал чувство чувству, ум уму.
И, роковым страстям знакома,
В чужбине жизнь его влеклась –
Чтоб русский был в России дома,
Нужны величие и власть:
Высокомыслящая лира.
Он верил Родине одной –
Спасению святого мира
Для благодати мировой.

Зима стояла снежная, холодная. Бывало, ночи напролёт кружит позёмка с посвистом ветра, поутру входную дверь не откроешь.

К навечерию Рождества Христова уборка по дому заканчивалась: чисто в хлеву нашей кормилицы Бурёнки, прибраны сени. В избе уютно: развешивались занавески на окна, полотенца на образа, выскобленные полы застилались чистыми половиками, стол на кухне накрывали белоснежной скатертью, а в зале – чёрной с золотыми сказочными птицами и ветвями. Пред ликами лампы возжены, и по дому гуляет густой запах мясных щей.

Тепло печи русской, сладок сон, и сквозь него голос брата:

- Вставай, пойдём Христа славить!
- Может, поспим ещё?
- Вставай, а то всё прозеваешь.

Поднимаемся ни свет ни заря. На улице морозно, но тихо. Метель, как корова языком, зализала все ямы да колдобины, нахлобучила на дома снеговые шапки по самое узорочье окон. Белыми копнами одиноко стоят сараюшки. Мороз Красный Нос опустил инеем высоченные тополя и акации у нашего двора. Зимней фантазией заиндевели на стёклах окон травы и

цветы. В морозном небе стынют звёзды, и дымы печных труб свечами тянутся к ним.

В избах пахнет горячими пирогами, блинами. Сребром и золотом мерцают ёлки, теплятся лампадки. Снимаем шапки, крестимся и поём: *«Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума!..»* Нас одаривают пирожками с начинкой мясной, творожной, яичной, конфетами, но чаще деньгами. Дом за домом обходим нашу улицу, но где в окнах нет света, туда мы не заходим. Светает, мы возвращаемся домой. На Божии денежки мама купит нам обновки – портки и рубахи. Все вместе прославим Христа, сядем за стол, разговеемся и потом – кто куда, а я лезу на печь досматривать рождественские сны.

Много лет минуло, почитай, вся жизнь прошла, но каждый год перед Рождеством Христовым вспомнишь, будто вчера это было: раннее зимнее утро, скрип-хруп, скрип-хруп под нашими валенками... *Ангелы с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча младо, Превечный Бог.*

Анатолий СОЛОПОВ

ЦАРЕВНА

Однажды зимой, когда было мне лет семь, к нам приехал мой дядя, Александр Михеевич Подболотов, из села Ярославка. Дядя Саня, как мы его звали, с большим деревянным протезом на правой ноге, в овчинном тулупе до пят, заполнил собой всю нашу маленькую кухню. Запахло морозом, сеном и махоркой.

– Ну, Машутка, собирайся на свадьбу, Алексей мой женится.

Мама моя стала отказываться:

– Куда же я корову дену, да и детей на кого оставлю?

– Ну ты хоть малых ребятишек отправь поездом, а я их там встречу. За ними нянька присмотрит, она уже приехала.

На том и порешили. Дядя Саня вытащил из мешка здоровенный шматок сала: «Это вам». Достал из-под полы необъятного тулупа бутылку водки, попросил стакан, отрезал кусок сала, выпил, крикнул, закусил, сказал: «Пора, прощевайте» – и вышел в сени. Я прильнул к морозному окошку и увидел сани с сеном, лошадь, из ноздрей которой шёл пар. Дядя Саня взял в руки вожжи, запрокинул культю, грузно сел в сани, махнул на прощанье рукой и уехал.

– Жалко вас отпускать, – сказала мама, – морозы-то крещенские, да когда вы ещё свадьбу сельскую увидите.

Мы – это я и мой брат Слава одиннадцати лет. Без меня его не отпустят, это я знаю. Ко мне он относится хорошо, но считает маленьким и иногда дразнит меня Кашеем Бессмертным за то, что я худенький, в чём душа только держится, как говорит мама.

Ранним утром мы на вокзале, поезда ещё не было. У меня с прошлого года от паровоза был сильный испуг, и я боялся вновь его увидеть. Показался паровоз с двумя яркими горящими «глазами», он сильно гудел, со свистом и

шипением обдавал клубящимся густым паром и весь был похож на громадного огнедышащего Змея Горыныча. Я заплакал, прижался к маме.

– Не плачь, успокойся, – сказала она, посадила нас в вагон, и мы поехали.

В вагоне светло, тепло, я всё ещё плакал. Славка сильно шипел на меня: «Ну чего нюни распустил, Кашей Бессмертный». Мы сели, красивая тётя погладила меня по голове – такой хороший мальчик, а плачет, – дала конфетку. И, время от времени всхлипывая, я успокоился.

Когда мы приехали, на станции нас встретил дядя Саня:

– Молодцы, орлы, добрались, ну пошли, нас там лошадь ждёт.

Сели в сани, дядя накрыл нас большой толстой шалью, и мы поехали. Ещё темно, а так хочется посмотреть, что же это за Ярославка, где родились мама с папой и где когда-то жили дедушка с бабушкой.

Подъехали к беленькому кирпичному дому. Нас встретила тётя Маша. У неё доброе, всё в морщинках обветренное лицо со светло-голубыми глазами.

– Ну, мать, встречай гостей, – сказал дядя Саня.

– Ах, гостёчки дорогия, родные мои, жаланные. Так, пальтишки да шапки – на печку, варежки – в печуру. Нянька, дай ребятам хлебова, холодца, чтоб сытые были, опосля – на печь. На печи-то всё красное лето, погреваются да отдохнут с дороженьки.

Нас накормили, и мы – на печи. Печь большая, как корабль. Там уже сидел Витя, тети Маши сын, чуть постарше меня. Тепло, просторно и сверху всё видно. Изба в три окошка, в переднем углу иконы, на них и на стенах красивые полотенца. Полы деревянные, некрашенные, чисто выскоблены. Вдоль стен лавки, столы. На большом

Осенний автопортрет, х., м., 40х33,5, 2008

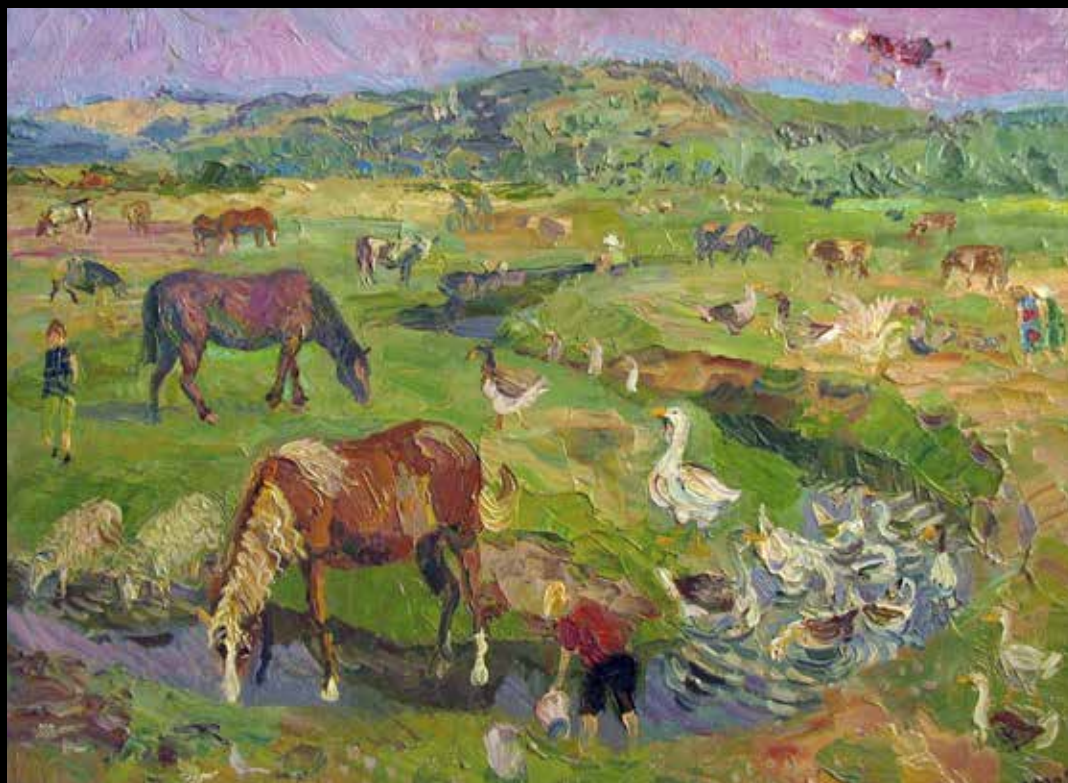
Осенние дары, х., м., 52х60, 2007

Аллея в Троицкий монастырь, х., м., 79,5х67. 1996

Жила-была осень, х., м., 80х67. 2010

Анатолий Солопов

Жерновец, х., м., 60х80. 2009

Дом на Раевой горе,
х., м., 63х55. 1996

Анатолий Солопов

сундуке ковёр чёрный с красными, палевыми цветами и зелёными листьями. Это тётя Маша сама выткала. В чулане чего только нет: мясо отварное кусками, колбаса свойская, рыба печёная, куры, в большом чане голова свиная страшная...

Тетя Маша говорит:

– Почитай, по-малому так с неделю крутёж идёт, вчерась тут дым коромыслом стоял, а то ли ещё будет. Алексей за невестой поехал, с ним Васятка наш, Лукерья – человек девять набралось. Одевайтесь, ребятки, побудьте на улице, время молодым приехать. Вот вам мешочек с зерном, будете невесту с женихом посыпать.

Село в сугробах, кругом белым-бело. Разве куда сходишь? Да и до реки не дойдёшь, в снегу утонешь. По рассказам мамы я уже знал, где что находится, если смотреть от дома. Вон высокий холм. Там длинная-предлинная улица, и на ней стоят занесённые снегом домики, а из труб дым до небес поднимается. На самом высоком месте церковь Божия стоит – это Верхняя Ярославка. Под холмом течёт речка Ярославка. Она подо льдом, и её не видно. Вёты стоят, инеем покрытые. Где мы стоим – это Нижняя Ярославка. Длинная-предлинная улица вниз спускается – там Украина (так окраину села называют). Там живёт невеста. А вверх по улице жил мой папа, он погиб на войне.

Вдали то чуть покажется, то опять в сугробах скроется вереница саней – свадебный поезд. Это не страшно, а радостно, и мы закричали: «Едут!» С замиранием сердца я смотрел, как всё ближе и ближе первая тройка коней, слышны звоны бубенцов, в гривах коней ленты разноцветные. Лихо подъехав, кони стали, бубенчики вздрагивают, позванивают. В кошевне на ковре сидели невеста с женихом. Невеста в вышитом полушубке, в венце, как царевна, дядя Лёша в чёрном зипуне, подпоясан вышитым полотенцем, в блестящих кожаных сапогах.

Дядя Саня с образом, тётя Маша с хлебом-солью встречают молодых. Народу много, да ещё сколько приехало, и нам за толпой уже ничего не видно. Стали заходить в избу. С шумом, стуком, шутками да прибаутками рассаживались за столы. Суета несусветная. Хорошо, что мы в уголку за печкой, за маленьким

столом. Пели величания, кричали «Горько!», было шумно. Невесту все звали Царевной. Вся разодетая, красивая невозможно какая: в белой рубахе, чёрной безрукавке, и всё с вышивкой – загляденье, да ещё бусы в несколько рядов.

Еды много поменяли, а когда молодым подали курицу, тётя Маша подошла ко мне и говорит:

– Пойди к Царевне, её Клавдией зовут, не стесняйся, курочку поешь.

Царевна посадила меня рядом с собой, спросила, как зовут, и стала угощать меня очень вкусной курицей. Три года как закончилась война, мы жили впроголодь и, конечно, мяса и кур не ели. Молоко от коровы Бурёнки мама продавала, а на вырученные деньги покупали хлеб, сахар, соль.

Заиграла гармонь, сдвинули лавки. Вышла нянька и пошла с платочком, пританцовывая:

*А тата-тата-тата,
Вышла кошка за кота,
За молоденького
Да за хорошенького,
За кота-котовича
Ляксея Ляксандровича.*

Пошли в пляс и мужики, и бабы. Мы на печь полезли, как бы не придавили. Нянька, когда к маме в гости приходила и если выпьет маленько, любила плясать, и первый номер её был:

*А как пить будем
Да плясать будем,
А смерть придёт –
Помирать будем.*

Пляски, песни продолжались долго, я стал засыпать, слышалось как в тумане:

*Пойду плясать –
Рукава спущу,
Больно парень-то хорош!
Ночевать пушу.*

С утра была уборка. Я ходил с веником, подметал. «Ишь, городской-то наш, – сказала тётя Маша, – чистоту наводит, наших-то разве заставишь...»

Поехали на санях гостей созывать и нас взяли, вот мы и посмотрели село. Ближе к вечеру тётя Маша говорит:

– Надо, отец, ребяташек домой отправлять. Опять угощения, опять пить да плясать, покоя никакого, да и Марья там волнуется.

Тётя Маша собрала нам гостинцев: дала курицу, яиц, холодца и блинов пшённых, которые я очень любил.

Резко потеплело, дорогу развезло, и дядя Саня повёз нас на станцию на полуторке, но на полдороге мы всё же застряли, вызывали трактор, который и вытащил нас. Дядя посадил нас в поезд, и поздно вечером мы уже были в городе, где дома казались очень большими, а двухэтажный каменный дом с цветными стёклышками в больших окнах на углу нашей улицы показался сказочным и громадным.

Повзрослев, я иногда приезжал погостить в Ярославку. Потом был большой перерыв. Жил я уже далеко, но однажды, приехав к маме, решил съездить в Ярославку порисовать.

Остановился у Виктора. Александра Михеевича и тёти Маши уже не было в живых. На месте старого дома стоял новенький. От бывшего остался двор с деревянным настилом да хозяйственные постройки. В загончике бегают выводок цыплят, а в палисаднике, у всех на виду, на яблоне висит на верёвке дохлая кошка. Виктор говорит:

– Это я её повесил, всех цыплят у меня передумала.

– А что же не снимешь, не уберёшь? – спросил я.

– Да пусть висит.

Вышел на улицу. Май, светит солнце; на той стороне, у дома, стоит старуха и, прикрыв глаза ладонью, смотрит на меня. Я подошёл.

– Чей же ты будешь? – спросила она.

– Родители мои отсюда родом. Мама, Мария Михеевна, в девичестве Подболотова, Михея Еврасовича дочь.

– Ах, батюшки-светы, Маша, да ведь мы же подружки с ней были водой не разольёшь. Как она?

– Слава Богу, жива-здоровая, да говорит, ездить сюда уже не к кому.

– Да, да, отходим помаленьку. Передай ей, Агафья Васильевна, мол, кланяется, она меня должна помнить, как же, как же...

Пошёл посмотреть на дом, где родился отец. Посреди широкой улицы в пыли сидел Иванушка-дурачок. Господи, сколько же ему лет? Не упомнить. Он мычал и протягивал ко мне руки. Я курил, видимо, он просил сигарету. Вынул пачку, он закивал головой, я присел на корточки, сунул ему в рот сигарету, дал прикурить, погладил его по плечу и пошёл. Оглянулся – дурачок сидел и кланялся, кланялся в мою сторону.

На месте родительского дома, большого, кирпичного, в шесть окон, расположенного супротив храма, который когда-то возвышался на высоком холме за рекой, – теперь стоит небольшой деревянный дом, и лишь от сада, посаженного папой, осталось несколько старых яблонь. У соседнего дома на завалинке сидел старик в рубашке с расстёгнутым воротом, в валенках и с самокруткой во рту.

– Как живы-здоровы? – спросил я.

– Живём, не тужим – одному Богу служим.

– Не знал ли ты соседа Ивана Абрамовича, отца моего?

– Да их братьев-то четверо было да сёстры. Семья-то большая, почитай, с невестками да чадцами ртов под шаснадцать. Ваню помню. Любитель был большой на кулачках биться. Как сойдутся зимой на реке нижние с верхними, так аж до кровей доходило. Дружить не дружил, я-то помоложе был, чай-поди, годков на восемь, а это по молодости много считалось. Зажиточные были, рожью занимались, сеяли, убирали да торговлю вели. Я-то гол как сокол, нищета.

– А чей это дом кирпичный рядом стоит, бурьяном зарос? – спросил я.

– Да это мой, да зачем он мне одному-то.

– А говоришь, бедный, аж два дома при тебе.

Посидели, покурили. Дед кивнул на дурачка: нет села без дурака, давнишний он у нас. Маленько ещё поговорили, я попрощался, обнял старика, как отца родного, которого ни разу в жизни не видел, и пошёл через мост на кладбище.

Кладбище на пригорке, сплошь в цветущих кустах сирени. Нашёл могилки дяди Сани, тёти Маши, сына их Алексея. Сорока лет умер. Где теперь Клавдия? Сходил на погост. Где стояла церковь – двухэтажное здание школы. На месте старинного кладбища – спортивная площадка.

Недалече, в центре села, в гуще зелени лип и тополей, – похожая на терем больница, построенная ещё при царе, затейливая, из красного кирпича. Но всё это место огорожено высоким забором, поверх которого тянется колючая проволока. Спросил у местного мужика, что это такое.

– Да это ЛТП. Чай-поди, со всего района собрали пьяниц и лечат. Да ещё милиция с овчаркой кругом ходит, чтобы бутылки с водкой им через забор не бросали.

– Как же вы без больницы-то?

– Да так: топаем 5 км, кто может, до Бельского, в тамошнюю.

Иду в сторону моста по Верхней Ярославке, стоит женщина, посматривает на меня да и говорит:

– Толя, это не ты случайно?

Боже мой, Клавдия! Обнялись. Сколько лет, сколько зим... Я спросил:

– Ты к кому-то пришла, почему здесь стоишь?

– Да я теперь здесь живу, – сказала она, показывая на дом, – на Украине продала, зачем мне хоромы одной-то, а здесь купила. Какой ты красивый стал, волосы светлые, длинные, борода тёмная. Зайдёшь ко мне?

– А как же.

– Ну пошли. Входи, о притолку не ударься.

У Клавдии кухня, чулан, изба просторная. Всё чисто убрано. В красном углу иконы, на полу домотканые цветные половики, лавки, сундуки, кровати с шитыми подзорами, горками подушки. По потолку обои в крупных цветах. В деревянных голубого цвета рамках фотографии молодого Алексея и Клавдии.

– Как же у тебя хорошо! – невольно вырвалось у меня. – К тебе хоть можно как-нибудь приехать, остановиться?

– Да приезжай – места много, всем хватит. Мои каждый год бывают летом.

– Где они у тебя?

– Девки замужем, Галя, младшая, в Москве, Славка в армии. А ты, говорят, женился?

– Да, у меня и дочка есть, Машей назвали.

Поговорили ещё немного и простились.

У дома Виктора стоял мотоцикл с коляской, видать, Васятка приехал. Да и вправду, из дома

вышел Василий, старший брат Виктора:

– А, Анатолий к нам пожаловал!

Мы обнялись.

– Давай я тебя прокачу до нашего моря Ярославского. У нас плотину поставили, воды полно, конца-края не видать, рыбы много развелось.

– Да это далеко, Василий, ты лучше довези до места, где нашего деда Михея Еврасовича мельница стояла – век там не бывал.

– Это недалеко, – сказал Василий, – вмиг сгоняем, садись.

И впрямь, доехали быстро. Дед знал грамоту, был прасолом и держал мельницу. Её уже нет, пусто, а место красивое. Река упруго выгнулась излучиной в крутой берег, течение быстрое. Василий говорит:

– У деда мельница водяная была, а когда раскулачили – колхозу отошла. Потом на ней движок поставили, долго ещё прослужила.

* * *

Спустя долгие годы ранней весной я вновь на родине и пишу эту историю. Как-то приехала дочка и говорит:

– Так хочется съездить в Ярославку, ни разу там не была.

Я ответил:

– Там всё изменилось с тех пор, как бабушка там жила, да и к кому мы поедим? Лет двадцать там не был. Жива ли Клавдия? А вообще-то давай рискнём, заглянем на часок.

Поехали, мост у села через речку сломан, надо в объезд. Спросили у прохожего мужичка, как проехать.

– А вам куда?

– В Верхнюю Ярославку.

– Да я туда иду.

– Ну садись, покажешь дорогу.

Мужик подсел к нам в машину да и спрашивает:

– А вы к кому?

– К Клавдии Подболотовой, коли жива.

– А, к Царевне! Жива-здоровая, я недалеко от неё живу, покажу.

Я обомлел, что за «царевна»?

Приехали. Клавдия, увидев нас из окна, вышла. Постарела, погрузнела.

– Я к тебе с дочкой.

Обнялись, зашли в дом.

– Как давно ты не был, Толя, постарел. Да, годы идут.

– Клавдия, тебя тут Царевной величают, а я и не знал. Помню, на свадьбе твоей все говорили «царевна» да «царевна». Так ты же была молодая да красивая, фата да венец – конечно, как царевна была. А ты, оказывается, Царевна настоящая, всамделишная.

Клавдия улыбнулась.

– Да чё же тут понимать. Мамка моя рукодельница была, всё мне шила-вышивала. Нарядов у меня много было, опрятная была. Оденусь – одно загляденье, вот и прозвали меня Царевной. А на селе коли дали кличку, прилипнет как банный лист, так до самой смертушки, да и опосля, поминать будут.

– Клавдия, можно я к тебе не через двадцать лет, а через два дня приеду на недельку?

– Приезжай. Правда, ко мне Галя должна приехать с сынишкой, но ничего, поместимся.

Договорились. Дала на дорожку Маше го-стинец – салыца кусочек. И мы уехали.

Через два дня я у Клавдии, пишу этюд с Царевны. Сидит в красном углу на лавке. На столе в плоской чаше зелёные ростки рассады.

– Вот, Толя, больная я уже стала. Печь топить тяжело, на зиму уезжаю в Москву к Гале, а весной опять сюда.

В гостях хорошо, а дома-то лучше. Всю жизнь мучилась, не приведи кому, Господи... Мой-то Алексей пожил-пожил, да ручки сложил. Оставил меня с четырьмя, мал мала меньше. Коли не свекровь – Царствие ей Небесное, – пропала бы. Её все любили, от мала до велика. А девери-то жадные все, никто не помог. А как с бутылкой – так ко мне: дай салыца на закуску. Я поросёнка уже не держу, сало-то у меня покупное, а пенсия крошечная. Тяжёлая у меня жизнь была.

– Клавдия, а где же сын у тебя?

– Славка непутёвый вырос, выпить любит, сошёлся с одной, а у неё малый взрослый. Своих деток нет, чужих воспитывает. Я-то думала, в

старости на него обопрусь. Крёстная его, сестра моя, померла, а дом ему отказала – вон, напротив, наискосок. Жил бы в нём, а он его уже продаёт, деньги быстро промотает. Обещал приехать.

На другой день пришёл с этюдов, а дома уже Галя приехала с Антошкой, ему полтора года.

– Галя, – говорю, – какая ты красавица, вся в мать. Я ещё помню, когда тебе лет пятнадцать было. Пришёл к тете Зине, а ты там, глаз не оторвать, поверь художнику.

Галя засмеялась, потом сказала:

– Когда папа умер, нам трудно было, и когда поступила в техникум, жила у неё. Я так тете Зине благодарна, она золотой человек, всегда её поминаю.

Тут Клавдия говорит:

– Мы обои затеяли поклеить, но мы тебе не помешаем, в чулане твоём клеить не будем.

Похолодало, ветер и мелкий снег. Зашёл в правление колхоза. Дедок за сторожа. Говорит, председателя нет, давно уехал, через неделю будет.

– Да он мне не нужен. Можно я тут из окна порисую?

– Рисуй на здоровье, – разрешил дед.

Из окна виден дом с палисадником, да пара ворон в умёте копаются.

Раскрыл этюдник, только устроился – внучок к деду пришёл. Увидел, как я краски выдавливаю, да и пальцем полез в палитру. Э, так не пойдёт.

– Как тебя зовут? – спрашиваю.

– Андрей.

– Хочешь рисовать?

– Очень.

Дал ему кусочек картона, кисть и говорю:

– Я буду рисовать, и ты рисуй, а палитра с красками у нас будет общая.

Так и написали с ним по этюду. Только Андрюша попросил ворону ему подправить.

Дня через два приехал Славка. Ловкий, умный, ухватистый, бабник и любитель выпить. Галя говорит:

– Мама, помощник к нам явился.

Анатолий СОЛОПОВ

Родился 25 ноября 1941 года в г. Мичуринске (бывший Козлов) Тамбовской области. В 1952–1959 годах обучался рисунку и живописи у художника-педагога Аркадия Васильевича Платицина. С 1959 по 1963 год учился в Курском художественно-графическом педагогическом училище. В 1965–1969 годах работал художником-декоратором в Мичуринском драматическом театре. С 1969 по 1975 год учился в Московском государственном художественном институте им. В. И. Сурикова.

С 1972 года – участник всесоюзных и международных художественных выставок. В 1977 году вступил в Союз художников СССР. В разные годы рисовал в Грузии, Литве, Эстонии, Крыму, на Алтае, в Тюменской области и Красноярском крае, на Белом море, в Мичуринске, Курске, Подмоскovie и в других местах России.

Художник живёт и работает в г. Павловском Посаде Московской области.

– Когда ещё свидимся, Бог ведает. – Обнялись, попрощались, она проводила меня до машины, и я уехал.

* * *

Через несколько лет на своей малой родине готовился я к открытию своей выставки. Одна женщина из персонала выставочного зала показалась мне знакомой. Очень похожа на нянькину дочь Зинаиду: тоже большие бархатные глаза, чёрные брови и румянец во все щёки – кровь с молоком.

– Вы случайно не из Ярославки? – спросил я её.

– Да, а вы как узнали?

– Да что-то родное показалось да знакомое.

– А я там не живу, редко бываю. У нас там церковь строят.

– На старом месте?

– Да нет. Может, помните наш магазин каменный?

– А как же.

– Так вот его надстроят, и храм будет. Приезжайте, посмотрите.

Но мне что-то уже не хотелось в Ярославку. Не колосится там рожь, не цветут на коврах сказочные цветы, нет Царевны и Иванушки-дурачка.

– Да, явился не запылится. На нём где сядешь, там и слезешь. Эх, анчутка, когда же ты пить перестанешь?

– Перестал, мать, перестал – денег нету ни копейки. Любка послала полпороса купить, да сама приедет, мне одному не довезти. Дядю Толю тыщу лет не видел, хоть за встречу выпить. Дай, мать, на бутылочку.

– Эх, стыдоба, ты бы матери хоть копейку дал, ан нет, с матери тянешь.

Я дал Славке на бутылку, он быстро сбежал в магазин. Выпили по маленькой. Говорю:

– Колхоз-то совсем развалился, а какой был крепкий, зажиточный.

– Дядя Толя, молодые все разбежались, остались старики да старухи. Да в Афгане и Чечне сколько ребят погибло. А что в Чечню ездить – у нас свой чечен председатель. У них всё по-писаному. Берут пачку зелёных – и в облцентр, дают в лапу – назначь туда-то, и назначают. И, дядь Толь, пошло-поехало: брёвна вагонами, цемент, кирпич, запчасти – и напрямиком на юга, мимо Ярославки. Посидит годика два, колея-то наезженная, следующий едет. Опять деньги, опять в лапу-косолапу, и пошло-поехало, мимо нас проехало.

На следующий день Славка собрался пойти на поиски поросёнка.

– Мать, ты не знаешь, куда б сходить?

– Да почём я знаю, ну сходи к Шишовым, у Поликарпа, может быть, аль у Соловья.

Говорю:

– Славка, возьми меня с собой, мне интересно, как люди живут, может, старинушку увижу.

– Пошли.

Славка, как гончая, по следу идёт, я за ним. Оказалось, посмотреть-то не на что. Конец марта, техника колхозная вся на юру стоит, ржавая и брошенная. В домах неуютно. Конечно, пост Великий, но все сидят, день-деньской телевизор смотрят. Договорился Славка насчёт поросёнка, но не с первого захода.

На следующий день я уезжал домой. Простился с Галей, Антошкой, Славкой. Клавдии говорю:

ДЕД ЕГОР

Деда Егора по-уличному прозвали «Зеленец». Прозвище это дали за то, что при встрече с кем-нибудь непременно угощал махоркой из самосада, выращенного на своём огороде, где сотку-другую обязательно занимал табак.

– Здорово, Иван. На-ка испробуй моего зеленца, – предлагал дед.

Иван охотно мастерил из газеты «козью ножку», набивал махрой и осторожно закуривал. И всё равно начинал кашлять до слёз. Таким крепким был табачок деда Егора. Он, довольный, с улыбкой спрашивал:

– Ну как, Иван?

А Иван продолжал громко и надсадно кашлять, утирать слёзы, не в состоянии вымолвить ни слова. И дед сам отвечал за Ивана:

– Крепок, паразит!

Наконец, откашлявшись, восстановив ровное дыхание, Иван подтверждал искренне:

– Ох, крепок твой зеленец, дед Егор...

В один из июльских вечеров я собрался на рыбалку на Зуевский пруд, расположенный среди необъятных полей. В нём на вечерней зорьке хорошо брал карась. Когда-то здесь была деревня Зуевка. Теперь от неё нет и следа. Остался только этот пруд. Назвали его Зуевский в честь канувшей в Лету деревни.

Я шагал к пруду полевой дорогой. За плечами – лёгкий рюкзак. В нём – рыболовные снасти и лёгкий ужин (я планировал заночевать у пруда в стогу свежего сена). А в руках я нес две удочки и баночку с навозными червяками.

Шагал не спеша, поскольку солнце было довольно высоко и крепко припекало. Намечал добраться до места пешком часам к десяти вечера. Но позади вдруг раздался конский топот и протяжный скрип телеги. А затем громкая команда:

– Тпру-у-у, Рыжуха!

Оглянувшись, я увидел деда Зеленца.

– Садись, подвезу, – предложил он.

Я, конечно, согласился. И не без удовольствия. Так как и ноги мне не бить зря, и затаённо понадеялся услышать от деда какую-нибудь удивительную историю. Положил в телегу вещи, сел и сам, свесив ноги с телеги.

– Чё молчишь? Уселся, что ль? – сердито спросил дед Егор.

– Ага, – ответил быстро я.

– Но-о! – скомандовал он, хлестнув кнутишком рыжую кобылу. Она резко взяла с места.

Егор был невелик ростом, плечист и крепок, хотя слыл самым заядлым курильщиком. К тому же был большим любителем почесать языком. Болтать им мог часами, и слушателю не так просто было избавиться от деда Егора. Если кто-то пытался незаметно ускользнуть от него, дед хватал его за плечи или за шиворот ещё крепкими руками и возвращал на место.

– Да ты не торопись! – уговаривал дед. – Дослушай, чем дело-то кончилось. Ух, какой ты нетерпеливый!

Сам Егор всю свою трудовую жизнь проработал в совхозе конюхом. И уже оформившись на пенсию, остался там же. Работал до той поры, пока в бывшем колхозе – теперешнем акционерном обществе – не перестали давать зарплату. Да и сам дед Егор решил, что пора на отдых, вполне заслуженный им.

– Пора на полный отдых, Егор? – не раз спрашивал сам себя. Сам же и отвечал: – Пора. Давно пора.

Уходя, не взял расчётные деньги, а приобрёл на них кобылу...

Пока мы ехали, старик молчал, потягивая «козью ножку». Покуривав, выбросил окурочек и завёлся.

– Кобылка моя жеребая. Скоро должна потомство принести. Вот потому и не подгоняю

её. Да и куда торопиться? Как говорится, тише едешь – дальше будешь. Вчера сенца накопил, хочу его поворошить. Жарища вон какая. Надо непременно поворошить. Можя, завтра и соберу, ежели Бог даст погоду без дождя... А ты что же, порыбачить собрался? – спросил меня.

– Собрался. Карась на зорьке хорошо клюёт. Вот я и решил попробовать. Сперва на вечерней зорьке, а потом и на утренней.

Дед ничего не ответил. Молчал и я, и во круг стояла тишина. Её нарушали лишь стрекот кузнечиков в траве на обочине дороги да побрякивание чекушек тележных колёс. Молчание прервал дед.

– Лошадь что человек. Всё понимает. Нежные слова и ласку любит, шельма моя. Хотя и не говорит, как человек, а всё понимает. Вот захожу утром к ней, а она уже копытами об пол стучит. А то и голос подаст, заржёт. Чувствует хорошее моё отношение. То сахаром угощу её, то хлебушком. А то и полюбезничаю с ней. Долго разговариваем. Будто бы понимаем друг друга. Да, понимаем. Ещё как! Вот, к примеру, такой случай произошёл зимой одной. Подпил я как-то у свата в деревне Каверино изрядно. Мне бы у него и заночевать. И сват оставлял меня. Да где там. Я упёрся, как баран тупой: «Нет, поеду домой! И не удерживай, и не уговаривай! Поеду, хоть убей». Вышли на крыльцо. А на воле такая метель-завируха разыгралась! Свету белого не видно. Сват опять уговаривает меня остаться: «Куда ты, бык упрямый, ехать собираешься в такую непогоду, да ещё на ночь глядя? Вот-вот стемнеет, и метель всё сильнее разгуливается. Ночуй у меня. А рано с утра поедешь, подобру-поздорову». – «Нет, – артачусь я, – не уговаривай. Щас поеду. Там старуха теперь заждалась, места себе не находит, поди». И поехал, старый дурень. И сбился с пути, заплутал. Долго блуждал по полям, заметённым сугробами. Уже и надежду вернуться домой теряю. Всё, думаю, пропал! Чему быть, того не миновать. И тут уразумел. Пускаю мою Рыжуху в вольное плавание. То бишь езду. Отпустил вожжи, лёг в сани, поглубже в сено закопался. И всё равно замерзаю. Уже зуб на зуб не попадает. Хмель с меня давно как рукой сняло.

Вот, думаю, и крышка тебе, Егор. Смертушка следом идёт. Оно ведь наши думы за горами, а она, тварь с косой, – за плечами. Пока так нюни распускал, а я уже к родному дому приближаюсь. Рыжуха, спасительница моя, сама меня домой привезла. Пять часов проблукал!.. Хорошая, умная лошадка моя. Если б не она, замёрз бы я тогда в поле. Ей-богу! – расхвалил Зеленец кобылу.

Я слушал выдуманый или правдивый рассказ деда Егора и удивлялся уму этой не крупной, но умной лошадки. Зеленец между тем соорудил новую самокрутку и закурил. Едкий дым махорки ударил в нос, защипал глаза... Мы незаметно подъехали к Зуевскому лугу. В телеге, подпрыгивая на ухабах, глухо гремели деревянные грабли – личное изделие деда Егора. Дул сухой летний ветерок. А в стороне от дороги желтело цветущее подсолнуховое поле, словно облитое этой краской. От него веял приятный медовый аромат. Мы не спеша спустились в лог. Дед лишь изредка понукал лошадку, дёргая вожжи. Он вдруг неожиданно для меня протянул кисет с махоркой и аккуратно сложенные, как карточная колода, листочки старой газеты.

– На-кась, попробуй моего зеленца, – предложил он, улыбаясь, видимо, в предвкушении своей победы над слабаком в курении.

Отказываться неудобно. Я сделал «козью ножку», прикурил и тут же закашлялся до слёз на глазах. Зеленец глядел на меня, продолжая улыбаться. Он торжествовал!

– Как? Крепок мой зеленец?

– Остёр! – выдавил я сквозь непрекращающийся кашель.

– Вот какой у меня султан. Аж до пяток продирает, стервец, – похвалил махорку дед.

– Султан так султан! – согласился я. – Уж больно сильно дерёт...

Мы подъехали к пруду. Дед приостановил кобылку. Я мгновенно спрыгнул с телеги. Забрал рыбацкие принадлежности и, попрощавшись, стал взбираться на заросшую травой плотину пруда. Дед помахал мне рукой и поехал дальше по логу к густым рядкам скошенной травы, понукая кобылку. Солнце заметно сползло за горизонт, озаряя верхушки деревьев розоватым оттенком. А справа от пруда из высокой колосившейся пшеницы до меня доносились до боли знакомые: «Спать пора! Спать пора!»

– Нет, не пора, – ответил я перепёлке, – а вот удочки забрасывать – да. – И я стал быстро располагаться к вечерней рыбалке...

Виктор ФОМЕНКОВ

ПОВЕДАЛА ЗЕМСКАЯ МАРКА

После отмены в России крепостного права в стране стали проводиться и другие реформы. С 1 января 1864 года вводилось земское самоуправление в 33 губерниях империи. Земства ведали школами, больницами, создавали свою ветеринарную и агрономическую службы.

Первая земская почта была открыта 26 марта 1865 года в Ветлужском уезде Костромской губернии. В течение первых пяти лет земская почта уже функционировала в 75 уездах страны. 5 сентября 1870 года в Почтовый департамент России поступил циркуляр из Министерства внутренних дел о том, что земская почта не является конкурентом имперской почте, а только продолжает её функции там, где казённая отсутствует. Главные функции новой почты были таковы:

- организация доставки корреспонденции с государственной почты по всем селениям уезда;
- ответственность за доставку корреспонденции и её сохранность;
- работа только в пределах уезда без права пересылки почтовых отправлений даже в соседний уезд. В этом случае отправитель (или получатель) обязан был доплачивать земской почте своего уезда за доставку;
- право выпускать свои марки, конверты, бандероли, открытки, действительные в пределах уезда. Они не должны были копировать общероссийские знаки почтовой оплаты, а земские почтальоны не должны были иметь на своей форме эмблему Почтового департамента – скрещённые почтовые рожки. К 1901 году уездная земская почта функционировала уже в 243 уездах 33 губерний России. Стали выпускаться и земские почтовые марки. Была организована земская почта и на территории нынешнего Центрального Черноземья.

Была своя земская почта и в Тамбовской губернии. Первого января 1866 года была открыта земская почта в Борисоглебском уезде (ныне Воронежская область. – Авт.). А вот доставку служебной и частной корреспонденции из уездного Борисоглебска начали только с 24 июля 1872 года. Земская

Земская марка Борисоглебская

Лебедянские земские марки

Земские марки Тамбовского земства

почта доставлялась по уезду два раза в неделю. За доставку частной корреспонденции была установлена плата земскими почтовыми марками. Они печатались в частной типографии (цветная рельефная печать. – **Авт.**). Форма почти всех марок круглая. В центре марки изображение губернского и уездного гербов. По краям герба надпись «Борисоглебская земская почта», а внизу под ней номинал – «3 коп.». Марки гасились чернилами – перечёркиванием. С первого января 1882 года вся доставка корреспонденции стала бесплатной.

Среди филателистов известна марка Борисоглебской земской почты, выпущенная на бумаге «верже». Считается, что всего сохранилось лишь двенадцать экземпляров этой марки, выпущенной в 1872 году на столь дорогой бумаге. Эта марка, как и все предыдущие и последующие земские марки, также выполнена в форме круга с фестончиками и тиснёным центром. И как считают многие филателисты, несмотря на огромное разнообразие марочных форм, почтовая марка Борисоглебского уездного земства уникальна и по сей день.

Тамбовская земская почта начала свою работу 1 августа 1869 года. Специальные земские рассылные два раза в неделю доставляли корреспонденцию из уездного Тамбова в волостные центры. Доставка корреспонденции оплачивалась земскими почтовыми марками, которые печатали в частной типографии. На всех марках помещён уездный герб. Гасили марки чернилами – перечёркивали. В 1874 году плата за доставку частной корреспонденции была отменена.

С первого января 1870 года начала функционировать земская почта ещё в двух уездах Тамбовской губернии – Моршанском и Шацком (ныне Рязанская область. – **Авт.**). Из уездного центра города Моршанска земская корреспонденция доставлялась два раза в неделю во все волостные правления по четырём тогдашним почтовым трактам – Тамбовско-Козловскому, Шацкому, Керенско-Спасскому и Кирсановско-Тамбовскому. Принималась как частная, так и служебная корреспонденция, которая первоначально доставлялась бесплатно.

С первого января 1872 года была введена плата за доставку частных писем, а с 1876 года вводились земские почтовые марки. Сохранилась марка за 1875 год (известна по каталогу. – **Авт.**). Как предполагают некоторые филателисты, она и является первой, пробной маркой, которую выпустила Моршанская земская почта. Все марки до 1902 года печатались в местной типографии.

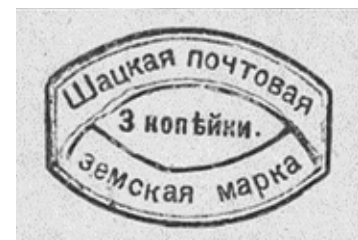
Интересно то, что они разнообразны по рисунку. Последние выпуски печатались в Экспедиции заготовления государственных бумаг (далее – ЭЗГБ. – **Авт.**). Марки также гасились чернилами, то есть их просто перечёркивали. Встречаются марки, которые гасились и различными круглыми штемпелями.

Шацкая земская почта выпускала марки номиналом в три копейки. В 1874 году плата за доставку частных писем была повышена до пяти копеек. На марках с новым номиналом стали помещать губернский и уездный гербы. Гасились марки чернилами, где указывались дата и место приёма корреспонденции. Встречаются и марки, гашённые штемпелями разной формы. В 1889 году стали выпускаться и земские штемпельные конверты.

23 сентября 1871 года состоялось заседание Лебедянского земского собрания Тамбовской губернии (*ныне город Лебедянь расположен в Липецкой области. – Авт.*), которое постановило: «Учредить земскую почту с тем, чтобы обыкновенно пересылаемая почта полиции была пересылаема в земскую управу для доставления по назначению, что же касается пакетов, не терпящих отлагательств в отправлении с рассылными, то таковые полиция может отправлять тотчас, по своему усмотрению». Лебедянская земская почта открылась 1 января 1872 года. Вместе с учреждением почты появились и лебедянские земские почтовые марки. В то время любое частное почтовое отправление стоило пять копеек. Позднее, через 14 лет, земство ввело новые почтовые тарифы, определявшие стоимость в зависимости от вида отправления. Так, марка, наклеенная на повестку или уведомление, стала стоить копейку. Марка же на простом письме оценивалась в три копейки, на заказной корреспонденции – в пять копеек.

Первые марки были прямоугольной и овальной формы и имели надпись «Марка Лебедянской земской почты» и номинал «5 коп.». С 1888 года на марке появляется изображение плывущего лебедя. Первые марки не имели перфорации. Впервые зубцы на лебедянской марке появились лишь в 1885 году. Это была пятикопеечная марка тёмно-синего цвета. Марки последующих выпусков отличались разнообразием способов и форм изготовления зубцовки или проколов. Известны марки с проколами, сделанными на швейной машинке, с очень крупной зубцовкой. Некоторые марки одного и того же выпуска имели несколько изданий и отличались друг от друга не только сортом бумаги, но и составом клея, деталями рисунка. Цвет марок лебедянской земской почты постоянно менялся. У марок 1888 года он был красным, в 1891 году – зелёный, через три года – синий. В 1901 году цвет марок уже карминный, в 1904 году – лиловый, в 1906 и 1909 годах вновь зелёный, в 1911 и 1912 годах – жёлто-зелёный и в 1913 году – сине-зелёный цвет. Марки гасились чернилами – перечёркиванием. Иногда гашение заключалось в надписывании даты. Гасились марки и овальным штемпелем. Свою деятельность Лебедянская земская почта прекратила в 1916 году.

Земские марки Шацкого уезда

Виктор ЕЛИСЕЕВ,
краевед, член Союза журналистов РФ, лауреат
областной премии имени И. А. Бунина

Здесь всё сердцу близко

Николай ЧЕРБАЕВ,

руководитель литературного
объединения «Родник» в р. п. Сосновка

В КРАЮ БЕРЁЗОВОГО СИТЦА¹

В краю берёзового ситца,
Где тишь, покой и благодать,
Где синь небесная струится,
Люблю закаты я встречать.

Когда садится солнце низко,
Держась за краешек земли,
Оно, мне кажется, так близко
Пылает пламенем вдали.

А по стволам берёз вечерних
Сползает розовый закат.
И всюду ломанные тени
Стволов берёзовых лежат.

Я в этот мир лесной покоя
Моей родимой стороны
Пришёл испытать весны настоя
Под звон вечерней тишины.

ЗДЕСЬ ВСЁ СЕРДЦУ БЛИЗКО

Здесь всё сердцу близко,
Здесь всё мне так мило:
И клевер душистый,
И «злая» крапива,
Лопух у дороги,
Куртинки ромашек,
От птиц и зверюшек
До мелких букашек,
Бугры и равнины,
Низы, буераки,
Берёзки, осины,
Закат в полумраке,
Камыш на болоте
И цапля в полёте,
Прохлада речная
И птица ночная,
Зелёная роща
Мне нравится очень,
Тенистость дубравы,
Цветущие травы,
Лесные дорожки,
Берёзы серёжки,
Цветы полевые,
Озёра и реки.
Просторы родные,
Вы в сердце навеки!

¹ В первой строке слова из стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...» С. А. Есенина.

...ЗОЛОТОЮ ЛИСТВОЮ ОСЕННЕЮ

Золотою листвою осеннею
На небесной канве синевы
Вышит образ Сергея Есенина
От Рязани до самой Москвы.

И несёт Ока воды широкие
С голубым его цветом очей.
Мысли в строках поэта высокие
О рязанской глубинке своей.

По России поют его голосом
Ветры тихие в рощах берёз,
И рябины горят красным всполохом,
Чувства трогают сердце до слёз.

Река Ока. Константиново

ПЛЫВЁТ ИЮЛЬ ПО НЕБУ ОБЛАКАМИ

Плывёт июль по небу облаками,
Плывёт цветочным запахом в лугах,
То маревом дрожит он над полями,
А то малиной пахнет он в садах.

Июль стожки расставил на опушке,
Созрели ягоды на взгорках и в лесах.
В июле не кукует уж кукушка,
Кругами «ходит» коршун в небесах.

Смолистый запах по лесам Заречья
Несёт июль на крыльях ветерка.
А то повеет влагою от речки
И зашуршит в заливе осока́.

Зовёт июль нас к рекам и озёрам,
К знакомым с детства берегам.
И просится душа к родным просторам,
К любимым памятным местам.

Клавдия ДРОБЫШЕВА,

член литературного объединения
«Родник» в р. п. Сосновка

ВЕСЕННЕЕ

Мне хочется дышать весной,
Весенний воздух – он особый,
А неба синь над головой
Так радует меня собою.

А солнце греет всё теплей,
И чувства сердце будоражат,
В воспоминанья лучших дней
Они мне снова путь укажут.

Он нежностью усыпан был,
Заботой обо мне и лаской,
Он чудеса со мной творил,
И я жила как будто в сказке.

Мне хочется дышать весной,
Весенний воздух будоражит.
Как плохо всё-таки одной,
Мне тёплых слов никто не скажет.

ВОСПОМИНАНИЯ

Ночь пришла, чтобы спать,
Ну а мне не уснуть,
Возвращаюсь опять
В мыслях в прожитый путь.

Та весна и рассвет,
Он такой голубой,
Ведь прошло столько лет,
А он рядом со мной.

Но теперь мне одной
Его встретить пришлось,
Снова он голубой,
Даже сердце зашлось.

От нахлынувших слёз
Потемнело вокруг.
Всё ведь в жизни всерьёз,
Не вернётся всё вдруг...

Ночь пришла, чтобы спать,
Только мне не до сна,
И тревожит опять
Меня наша весна.

ЗИМНЕЕ

Паутинкой развесился иней
И украсил собой провода.
Ничего не бывает красивей,
В серебре все деревья, дома.

Серебро осыпается с веток,
Запорошив дорогу собой.
Не бывает зимы совсем где-то,
Ну а нам хорошо здесь с тобой.

Новый год, снег вокруг и морозы,
Снеговик сторожит у крыльца,
И роняют серёжки берёзы
Многоточьем на снег без конца

И СНОВА ОСЕНЬ

Осенняя пора особенно красива,
По речке листья жёлтые плывут.
Над ними низко наклонилась ива,
Они с собой её не позовут.

Ей не уплыть от берега родного,
Корнями ива глубоко в земле.
Она не ищет и пути иного,
Ей хорошо в родимой стороне.

И каждый год, листочки провожая,
Она с печалью смотрит и грустит.
Ну а весной, листвою обрастая,
Счастливая, нарядная стоит.

Озеро Святое в с. Перкино

ПАТРИОТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

ЛУГАНСК

Серёга живёт в большом промышленном центре. Зарплатой не обижен – многое может себе позволить. Однажды после интенсивного отдыха в Турции заехал парень в далёкий провинциальный российский городок, где родился, вырос, набрался ума. Парень решил догулять отпуск, пройтись по местам далёкой юности, навестить престарелого отца, который, оставшись один, сильно захандрил. Серёга любит отца, хотя мужик он, что называется, тяжёлого нрава. Но всё сложилось нормально – гостям папаша обрадовался, вёл себя адекватно, занудства не проявлял, споров не затевал – всё больше ковырялся с внуком во дворе.

Но однажды что-то пошло не так. После просмотра какой-то телепередачи отец помрачнел, насупился и ушёл в себя. Только вечером недовольный мужик излил на гостей своё недовольство:

– Ну что, господа хорошие! Профукали матушку Россию?

– Папка, да что случилось? Скажи наконец! – От неожиданности Сергей присел на стул и схватился за голову.

– Случилось то, что умными людьми давно ожидалось. Нынче в новостях сообщили, что с первого числа цены на бензин и другие энерго-

ресурсы в нашей стране поднимаются аж на 20%. Что это значит для простых граждан, я думаю, вам объяснять не надо, чай, такие грамотеи, как ты, в конце концов, и приложили руку к такому беспределу.

– С чего ты взял, что это я придумал? Знаешь ведь, что я не экономист, да и к правящим кругам страны отношения не имею.

– Я и не говорю, что ты в чём-то таком замешан. Но без твоего «продвинутого поколения» тут не обошлось. Точно!

– Не вижу никакой связи между состоянием дел в стране и моим поколением.

– А ты посмотри внимательнее – может, чего и увидишь, если захочешь, конечно. Не вы ли, орёлики, все заводы, фабрики, фирмы, как сейчас говорят, стали на иностранный манер называть? На двери всех магазинов навешали таблички на чужом языке, хотя, допустим, в нашем городе иностранцев я никогда не видел. Не вы ли заполнили рекламой все телеканалы, где только и слышишь «кешбэк», «креатив» и тому подобные термины, которые означают что-то непонятное рядовому человеку? Не под вашим ли влиянием во всех концертах и даже конкурсах исполняют песни на иностранных языках? Ладно бы пели, а то слышишь из телевизора истерические воп-

ли, видишь, мягко говоря, судорожные движения – там, естественно, заморские исполнители, которые большей частью и побеждают себе на радость. Все наши «государевы люди»: депутаты, чиновники, военные, да и журналисты – в публичном пространстве слово молвят и ждут, что об этом за кордоном скажут – похвалят или обругают. А казалось бы, что им с того? У них свой взгляд на событие, у нас свой – стало быть, начхать нашим говорунам на их мнение. Так нет же, не начхать. Ждут и волнуются, что же скажут «наши западные друзья», а у друзей одна забота – какие новые пакости придумать для нашей страны да побольше грязью облить без оснований и поводов. От злобы и бессилья выдумывают всякие ограничения да санкции. Можно продолжить этот список до бесконечности, и в каждом пункте мелькают лица из твоего поколения. Или я в чём-то не прав?

– Знаешь, батя, такого обвинения от тебя я не ожидал, поэтому, прежде чем отвечать, хотел бы немного подумать и собраться с мыслями. Совсем недолго! Идёт?!

Серёга, помолчав, продолжил:

– Итак, папа, ты хотел бы разобраться в извечных вопросах «кто виноват и что делать?». Давай попробуем разобраться вместе, только, боюсь, не понравятся тебе мои выводы. Так что решай сразу – продолжим беседу или сделаем вид, что тему эту не поднимали. Скажем так: «Перевернём страницу, не читая!»

– Похоже, сын, ты хочешь сказать что-то веское. Может, развеешь мои сомнения или, наоборот, укрепишь их, так что говори – не стесняйся, а я послушаю...

– Хочешь услышать – слушай. А я начну, пожалуй, издалека. В школе я учился, когда она из обучающего учреждения превратилась непонятно во что и занималась не воспитанием и обучением детей, а предоставлением образовательных услуг, а из тех, кто эти услуги получает, школа должна вырастить квалифицированных покупателей, которым «добрые дяденьки-капиталисты» будут продавать свои товары. Правда, говоря научным языком, обучение в школах было направлено на развитие познавательных, нравственных, физических и других способностей учащихся. Но на

практике кто-то где-то в верхах забыл или посчитал ненужным довести зарплату педагогов хотя бы до среднестатистического уровня по региону. Оставшиеся без зарплаты учителя стали уделять подопечным детишкам меньше внимания, более того, в тот период в обществе патриотизм считался чуть ли не отрицательным качеством человека. Зато Запад превозносился как обитель счастья. Кстати, учебники печатались на деньги тех же западных доброхотов, а тамошние авторы книжек позаботились, чтобы учебники эти имели соответствующий уклон, и уклон этот был направлен не в сторону России. Родители наши за годы советской власти как-то отвыкли заниматься воспитанием собственных детишек, а теперь им стало не до этого – заботы одолели, чем кормить и себя, и детей. Это не в обиду вам, а констатация факта. Действительно, многие кормильцы остались без работы и даже впали в пьянство. Бывало так: придёшь домой, а там ты с соседом и бутылкой. Послушаешь ваши разговоры, и страшно становится, как мы живём и как будем жить дальше. Но это как бы одна сторона «темы», есть и другая – несколько не лучше первой.

Учился я в школе, расположенной далеко от дома, и на занятия добирался городским автобусом (тогда школьных не было). Пока «до места» доедешь, наслушаешься от пассажиров-попутчиков про жизнь-бытьё такого, что и жить не хочется. Посуди сам – кругом безработица, хаос, а самое главное – несправедливость. Кто наглее, сильнее, что называется, по головам свой путь в «светлое, сытое будущее» протаптывает. И непонятно, где искать правду, как урезонить хамов и наглецов.

Про то смутное, трудное, голодное время говорить можно много, да весело вряд ли получится. Но какую-то свободу получили люди творческие. Ещё бы – теперь они творят без цензуры, правда, почему-то о новых шедеврах пока не слышно. Наверное, ещё не созрели «любители свободы», к тому же создать шедевр – дело хлопотное. Зато зарплату себе поднять успели, громадные государственные театры тоже ухитрились приватизировать и ещё много чего успели, но денежки от государства тянут, а в свои дела его допускать не хотят.

На этом можно было бы остановиться и подвести итоги, да мне хочется разобраться ещё с одним важным вопросом, который возник прямо сейчас.

Приехал я в наш заштатный городок, в котором не был, наверное, десяток, а то и больше лет. Прошёл по улицам, прокатился в автобусе по старому маршруту и попытался сравнить, что изменилось, а что осталось как в те далёкие грустные годы.

На нашей улице всего один маршрут автобуса, на нём и катался несколько дней подряд. Открытие сделал удивительное. В автобусе изо дня в день по утрам едут одни и те же бабушки – надо полагать, на рынок за продуктами путь держат. Путешественницы не выглядят оголодавшими или одетыми как попало. Иными словами, сказать, что «голь перекатная», язык не поворачивается. Но послушаешь – становится страшно. Денег им постоянно не хватает не то что на еду, в лекарствах себе отказывают. Дети и внуки у старушек по несколько лет на работу устроиться не могут. Хотя все мои знакомые в вашем городе давным-давно работают и не отказывают себе особо ни в чём, даже на заграничные курорты ездят вместе с детишками.

А с болтливыми бабушками иной раз приходилось и из города ехать и наблюдать, как тащат «бедолаги» после рынка такие сумки и баулы, что

не всякий мужик справится. И заполнены ёмкости, по всей вероятности, не пищевыми отходами, а если не сплошными деликатесами, то вполне съедобными продуктами. Получается, что великовозрастные женщины пережили действительно голодные смутные времена и не заметили, что перешли к новой другой жизни, – опять жалобы и недовольство. А по их мнению, во всём власти виноваты. Не хочу принимать чью-то сторону, но твёрдо знаю, что много хорошего для людей сделано, и не замечать это невозможно. Конечно, можно было бы «в упор не видеть» нытьё недовольных бабушек, да здесь же в автобусе едут школьники, слышат жалобы, и их ненависть к своей стране растёт. А если народ не любит свою страну, общий век их недолог. И какое поколение виновато в таком положении дел? Что скажешь, батя? Или я что-то не то придумал?

– Что можно сказать в ответ на твой пассаж? Всё ты правильно обрисовал, и, наверное, не время искать «виноватое поколение» – глупо это! Извини, сынок, куда-то не туда меня завели глупые мысли, и на тебя я «наехал» зря. Просто нам в своей стране надо быть подружнее, может, на западный манер, толерантнее, терпимее друг к другу то есть, тогда и подростки нас понимать лучше станут и свою страну любить больше, и никто патриотизм осуждать не будет.

ТРОФЕЙНАЯ ЮБЧОНКА

Живу я на Луганщине, там, где белые меловые горы, а мой кум живёт аж под Черниговом. Породычались мы, когда он ещё жил в нашем селе, а у меня родился первенец – его Петро и крестил. Из родного села кум выехал к своей невесте, где женился и остался жить с молодой женой, но оттуда каждое лето приезжает к родителям и меня не забывает, вроде крестника проводывает.

«Цирк», когда запыхал майдан, мы с кумом наблюдали по телевизору. Наблюдали и ехидно усмехались:

– Что это тунеядцы в Киеве разгулялись – видно, делать им нечего, вот и митингуют, у нас-то работы невпроворот.

А стали понимать, что случилось, когда у нас чужие хлопцы с чёрными флагами появились. Правда, сначала они вежливо приглашали на митинги, даже деньги за посещение предлагали. На сходках умные дядьки подробно рассказывали, что наш правильный путь прямо в Европу, где нас ожидают с распростёртыми объятиями. А разговаривать можно только по-украински: те, кто болтает по-русски, – «мо-

скали-коммуняки» и наши враги. Когда пошли такие разговоры, кум поспешил к жене в Чернигов. Почувствовал мужик: ситуация накаляется и нужно быть поближе к семье.

Вскоре у нас появились украинские солдаты. Особой стрельбы в селе и окрестностях не было, но по телику показывали, что в районе областного центра и дальше в Донецкой области идёт нешуточная война и гибнут люди. Никто такого не ожидал, и сельчане притихли в тайной надежде, что всё как-то перемелется и опять будет спокойно и сытно...

Увы, время шло, а пожар войны не стихал.

Кум появился неожиданно. В наши края он приехал не отдыхать, не провести меня или престарелых родителей, а по делам службы. Конечно, в гости заглянул, скорее по старой памяти, чем по дружеской необходимости. Зашёл мужик, весь упакованный в военную форму, я его и не узнал сразу. Форма-то не такая, в которой мы в своё время служили в Советской армии. Эта сшита «по натовскому образцу», по такому же образцу и вооружение. К тому же оказалось, что кум у меня не просто рядовой доброволец, а офицер. И в его подчинении около сотни пацанов, то есть солдат, конечно. Кум поздоровался за руку, объяснил, зачем приехал, и предупредил, что обязательно зайдёт ещё, но часто бывать не сможет, поскольку сильно занят.

Действительно, вскоре кум зашёл ещё раз – теперь в гости. Сели за стол, выпили, разговорились. Гость поведал, что с работы его выгнали без объяснения причины и пришлось идти добровольцем в армию – семью-то кормить надо, а у него жена на сносях. К тому же тесть загнулся – не выдержало у человека сердце от непонятной ситуации в стране, так что на руках у Петра ещё и тёща оказалась. Он-то сначала хотел на заработки в Европу податься, да соседи отговорили. Посоветовали в АТО – выгоднее получается. Конечно, если не подстрелят свои или чужие. Всяко бывает. Тёща с женой не отговаривали, наоборот – составили целый список, что привезти из командировки, типа трофеев.

– Мародёрством, что ли, заняться собираешься? – по-простецки спросил я.

– Ты это! Осторожнее с выражениями – слова-то подбирай правильно! – осерчал Петро. Но скоро остыл и согласился: – По сути, ты прав, а куда денешься? Сейчас у нас почти все так живут. Я, глупец, специально попросился в те края, откуда родом сам. Думал, всех знаю – всё проще будет, а вышло наоборот. Люди узнают – здороваются, а я вдруг потребую телевизор или холодильник. Как-то язык не поворачивается, злости, что ли, не хватает. Пока не знаю. Говорят, скоро нашу часть перебросят в другое место, там шахтёры живут – они богаче наших селян, да и знакомых нет.

– Ой, куманёк, что-то ты, мне кажется, губы зря раскатал. Шахтёры – мужики крепкие, кому хошь руки укоротят – это в лучшем случае, а в худшем просто пришибут, и все дела.

– Так, говорят, там не шахтёры, а москали воюют. Армия их там оборону держит.

– Думаешь, тебе от этого легче? У них армия в любом случае лучше обучена, чем твои охламоны-салаги. Перемелют вас, как повар картошку, – ни славы, ни трофеев. Так что ты лучше отсюда не рвись. Потихоньку наскреби, что где плохо лежит, да и вези своим бабам.

– Спасибо за совет! Так, может, с тебя и начать?

– Если совесть позволит, валяй! Вон в зале телик стоит, по которому мы с тобой майдан смотрели. В сараюшке велик твоего крестника стоит, а за перегородкой поросёнок. Может, ещё что найдёшь, загребёшь как военные трофеи. Только я тебе никогда это не прощу, и не из жадности, а из принципа.

– Чхать я хотел на твои принципы! У тебя одни принципы, у меня другие – так жизнь сложилась, и я ни в чём не виноват.

– Это ты так думаешь!

Кум в ответ промолчал, только зубами скрипнул. Выпил стакан водки и ушёл. А к вечеру из его подразделения с десятков салаг пришло. Забрали всё, о чём мы говорили, и ещё чайный и столовый сервиз, что стояли на виду в кухонном шкафу, и ножную швейную машинку. Оставили велосипед, может, кум крестника пожалел, а может, в списках, что составили бабы, трёхколёсного велосипеда не значилось.

Лиха беда начало! Грабить земляков куму понравилось, и пошло-поехало. Сначала проходил по хатам сам Петро – выяснял какие-то вопросы, проверял документы, а между делом посматривал, где что плохо лежит. Следом офицер засылал на дело своих подчинённых и подробно их инструктировал, что следует изъять у несчастных «сепаратистов», которые в большинстве своём и значения этого слова не знали. Конечно, были стычки – не хотел народ со своим добром расставаться, да много ли поспоришь с юным отморозком, у которого напрочь мозги забиты непонятно чем. К тому же у этого акселерата в руках оружие, которое он, не особо задумываясь, пустит в ход, ещё и снимет эту «акцию» на телефон, чтобы гордиться перед такими же «продвинутыми» дебилами. К тому же в селе из жителей остались в основном старики, дети да немолодые бабы, у которых воевать с вымогателями и сил не было.

Так или иначе, но очень скоро насобирали кум целую кучу различных вещей, даже где-то грузовичок нашёлся, не МАЗ, конечно, но тоже немаленький автомобиль, кузов которого удобно прикрыт тентом. Договорился Петро со своим руководством, загрузил награбленное под тент и повёз трофеи домой.

Долго о нём ничего не было слышно, и сам не объявлялся. Но однажды по телику прошла информация: «Военнослужащий ВСУ прибыл с “театра военных действий” на побывку домой, где на него напала банда москалей и серьёзно изувечила защитника Отечества». Показали кума с забинтованной головой – бедняга нёс в камеру какую-то чушь, которую даже не дали в эфир.

Я отнёсся к сообщению двояко. С одной стороны, посочувствовал приятелю, с которым дружил с детства; с другой – решил: «Бог шельму метит – получил подонок за свои злодеяния. Так ему и надо». Попытался, конечно, позвонить по телефону, через соцсети в интернете, да всё безуспешно – не отзывается Петро, видно, действительно все мозги ему вышибли...

Но история на этом не закончилась, а имела весьма любопытное и неожиданное продолжение, только узнали это мы много позже.

Приехал Петро домой, привёз многочисленные трофеи. Жена с тёщей рады-радешеньки. Ещё бы, хозяйство сразу пополнилось телевизорами, холодильниками, пылесосами, швейными машинами и другой бытовой техникой. А для любимой жены бравадный офицер ещё и обновки привёз, которые сложил в специальный старинный сундук, что сразу по приезде оттащил в супружескую спальню. Чего там только не было: шубы, сапожки, платья, даже драгоценности в большой инкрустированной слоновой костью шкатулке. Обрадовалась Галюня подаркам – примеряет всё подряд да перед зеркалом крутится. И так и эдак повернётся – собой не налюбуется. За вознёй с новыми тряпками молодая женщина забыла обо всём на свете и пришла в себя, только когда показало дно сундучка, а на дне лежала чёрная кожаная мини-юбка. Хотя по размеру юбка соответствовала габаритам новой хозяйки, а по покрою – продвинутой моде, оказавшись последней, вещь рассердила и даже обозлила даму. С таким «вредным» настроением она и обратилась к супругу:

– Смотрите-ка, какая юбчонка модная в том сундучке, что ты привёз, лежала. Она, наверное, прежней хозяйке сундучка принадлежала?

– Нет, конечно! Я её с другой девицы снял, можно сказать, на ходу.

– Какой молодец! Это ж надо! Снять юбку с девушки прямо на ходу, – ехидно похвалила Галюня, а сама представила, как её муж раздевает незнакомку, и эта картинка ей совсем не понравилась.

Ревнивая женщина даже не сообразила, каким образом в её руках оказалась скалка, а в следующее мгновение эта женская «бита» опустилась на голову мужа. Что там «опустилась» – ударила дама со всей мочи прямо по темечку, и подбитый муж рухнул перед ней на пол, а из его головы тонкой струйкой полилась кровь.

Увидев кровь, Галюня не на шутку испугалась и заревела, громко причитая:

– Ой, мамочки! Что я наделала?! Я ж ничего такого не хотела!

Мамаша воинственной женщины, «совершенно случайно» оказавшаяся у двери её спальни, услышала отчаянные крики дочери и сочла возможным войти в комнату, куда её звали, хотя по большому счёту и не ждали вовсе. Преодолела маменька порог и видит «любимого» зятя в неприглядном виде, с разбитой головой, и дочка по нему убивается, хотя, очень похоже, сама же мужа изувечила. Бывалая дама не поддалась панике, а вызвала скорую помощь и с ней отправила раненого на лечение.

Скоро семье фронтовика позвонили из весьма уважаемого государственного учреждения и осведомились, знает ли кто-либо о неприятности, случившейся с их кормильцем. Следом из этой же организации к дому Петра приехали три солидных дяденьки, которые, не очень считаясь с желаниями хозяек, вошли в дом, сели за стол и объяснили перепуганным женщинам: всё, что произошло с офицером таким-то, в связи с политической конъюнктурой следует представлять несколько иначе. И предложили свою версию, которая позже была озвучена телевидением. Гости потребовали соблюдения полной секретности и неразглашения сведений о реальном событии и даже потребовали от жены и тёщи подписать соответствующие обязательства. Особо предлагалось прекратить связи – телефонные либо какие-то другие – со знакомыми, проживающими на линии военных действий, а также в ближайшем к обозначенному месту регионе, и, конечно, не выходить на связь с жителями других республик и государств, ибо одно неосторожное слово во время такого общения могло сорвать важную политическую акцию.

Петру крепко досталось от любимой жены, но держался он молодцом и через некоторое время вышел из госпиталя вполне здоровым

мужиком. По крайней мере, он себя так чувствовал и всем говорил. Врачи думали по-другому и, несмотря на катастрофическую нехватку людей в армии, попытались списать «храброго рыцаря» в запас. Хорошо, помогли те же солидные дядьки из важной организации – всё же нашли работу в армии, но не на передовой, а в тылу, с проживанием дома. Очень может быть, боялись выпустить человека из-под контроля – как бы чего не натворил или не болтнул лишнего.

Любовь любовью, но, вернувшись после лечения, Петро решил восстановить свой статус-кво в семье, или доказать своим бабам, кто в доме хозяин. Мстительный мужчина начал скандал с тёщи, но на престарелую женщину рука не поднялась, поэтому кум «за всё, что не было и было», что называется, «понёс» вторую маму «по кочкам» словами. За мамашу вступилась Галюня – досталось и ей. Сначала муж оттащил «любимую» за волосы, потом пару раз пнул кулаком. Вроде пнул не сильно, но жена родила прежде времени. Малыш родился здоровеньким, но ушлые медики предупредили: у мальчика в голове «тараканы». Эти вредные насекомые пока не видны, но придёт время – появятся, и тогда всем будет худо.

У Петра стало два сына: родной и крестник. Правда, поговаривают, что теперь туда, где живёт кум с семьёй, скоро другая вера придёт, и как тогда будет с крещёной детворой, пока не знает никто. А Петров крестник, то есть мой сын, спрашивает о крёстном: «Где он? Как живёт? Почему не появляется?» Даже скучает, как сам говорит. Растёт родной сын и у Петра. И хотя по нашей вере пацаны вроде как родственники, может статься, что знакомиться мальчишкам придётся через прорезь прицела...

И никак не соображу, кому это нужно?

Александр ЛИТРОВЕНКО

Виктор ФЁДОРОВ

Родился в деревне Кирьяковка Тамбовской области в семье сельских учителей. Издал несколько книг, романов, рассказов, стихов и др. В 2017 году был номинирован на премии «Поэт года» и имени Сергея Есенина «Русь моя» на российском литературном портале «Стихи.ру».

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАЕДИНЕ

*** Любовь – это состояние души, которое не можешь выразить никакими словами, а только чувствуешь сердцем, чем-то внутри только самого себя.

*** Если любовь возвышает тебя, делает лучше, чище во всём и ты это чувствуешь всем своим существом, значит, это она – любовь!

*** Взрослые – такие же дети, только большие. Они так же ошибаются и проказят. Их ошибки нужно уметь прощать!

*** Душа человека – невероятная, ужасная тайна, загадка! Разгадать её невозможно. Открыться она может неожиданно и порой по невероятной, уродливой траектории.

*** Если верить, что мир, Вселенную и человека сотворил Бог, то можно предположить, что человечество существует не только на Земле, но и на других планетах Галактики. Он не мог, исходя из человеческой логики, сотворить это только в одном месте, один раз.

*** Наивысшее умиротворение – закрыв глаза, лежать в полудрёме на террасе отчего дома и слышать капли дождя по крыше, пение ласточек или скворцов под карнизом дома, шелест листьев деревьев!

*** Если предположить, что Бога нет, то у человечества вряд ли есть перспектива вечного бытия на Земле. Если только не сам Создатель вложил в своё творение – человека – возможность постоянного обновления, прогресса!

*** Настоящее счастье – делать добро и нести радость людям! Кто это постиг, тот познал смысл жизни.

*** У каждого человека своё счастье...

*** Всё в нашей жизни безвозвратно. Надо дорожить каждым её – жизни – мгновением!

*** Самое важное для человека – это когда его уже нет на земле, а его дела продолжают жить с нами!

*** Мало что изменилось на Земле, в этом мире. Как и сто, двести или даже тысячу лет назад, цель у людей та же – властвовать другими!

*** Важнее достойно встретить смерть, чем без боли родиться!

*** Велик человек, но он не понимает, насколько он слаб!

*** Мелеют реки, мелеют души людей!

*** Тяжело жить воспоминаниями, прошлым – нужно жить нынешним и будущим!

*** Молодость – беспечна, старость – бес-
сильна!

*** Каждый человек сложен, каким бы про-
стым ни казался!

*** Человечество подобно выпущенному
из бутылки джинну – несётся стремительно
в своём развитии, не зная границ разумности
своих творений, чем приближает неминуемо
конец своего бытия!

*** Самое прекрасное и стоящее на земле –
это дети. Ради только этого можно жить!

*** Все мы, люди, «пишем» сразу одновре-
менно несколько «Книг жизни». И какая из них
правильная – не знает никто, даже мы сами!

*** Современные люди, человечество, по-
добно бешено мчащемуся табуна лошадей, аб-
солютно не замечает не только споткнувшихся,
но и безвременно павших, а если и останавли-
вается, то лишь на мгновение!

*** Прощать и прощаться – пока мы живы,
пока мы все вместе!

*** Любовь не терпит громких слов – ей
нужно постоянное действо!

*** Люби ближнего и цени время!

*** Человек одновременно удивляет, восхи-
щает и огорчает: удивляет и восхищает своей
необузданной фантазией (творческой), огорча-
ет – дикостью поступков и желаний.

*** Человека нужно ценить ещё при его
земной жизни, а не тогда, когда его уже нет
с нами. Жаль, что мы познаём это слишком
поздно, когда уже ничего не вернёшь назад!

*** Память и время – бесценные категории!

*** Самое ужасное для человека – одино-
чество и если он стал для всех безразличен.

*** Человек?! Господи, только Ты можешь
обуздать это неугомонное создание!

*** Только великая готовность к самопо-
жертвованию способна сохранить любовь на
всю жизнь!

*** В каждом человеке есть доброе начало.
Наша задача – его отыскать.

*** Человек умирает после того, как пе-
рестаёт удивляться. В этом (удивлении) – вся
жизнь!

*** Тот, кто не ценит время, – профан. Тот,
кто постоянно следует за ним, – полный идиот!

*** Каждое мгновение жизни человека бес-
ценно! Но мы об этом вспоминаем очень редко
или никогда.

*** Любовь (даже родителей к детям и
наоборот) даётся человеку с рождения на всю
жизнь, она есть или её нет. А уважение челове-
ку нужно зарабатывать повседневным трудом,
своими поступками, зарабатывать всю жизнь!

Ржавеют мышцы.

Ржавеют лица.

Ржавеют мысли.

Ржавеют души,

Но не ржавеет любовь никогда!

*** Мы явились ниоткуда и исчезнем в
никуда!

*** Человек постигает смысл жизни – когда
к нему подступает немощь.

*** Чем больше растёшь – тем больше забот!

*** Разум человека – это всё же разум, а
не обезьяний мозг!

ДВЕ ВСТРЕЧИ

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

В январе 2015 года в Тамбовской картинной галерее открылась выставка всемирно известного художника Никаса Сафронова.

До этого часто видела его на телеэкране. Сюжеты передач были разные. Но никогда не думала, что он может приехать в Тамбов. Приехал – на открытие выставки. Я ещё не готова была встретиться с его творчеством. В анонсе показали, помимо прочих, картины из цикла «Люди-животные», на которых изображены звериные головы вместо человеческих. Меня это остановило. Не поеду, решила. Шли дни. И вдруг пришло решение – надо поехать и увидеть всё своими глазами.

Как хорошо, что это случилось. Далее потянулась цепочка необыкновенных, незаметных, на первый взгляд, событий.

Пошли на выставку с Ириной Мачихиной, председателем правления Тамбовской областной общественной организации любителей книги. Там встретились с директором картинной галереи Тамарой Шестаковой, которая посоветовала написать отзыв о выставке, когда позна-

комимся с ней. Ходим с Ириной Васильевной по залу, наслаждаемся картинами. Потрясающе!

По-другому оценить увиденное – нельзя. Да и картины с образами людей-животных вдруг стали понятными – ведь мы и они на самом деле очень похожи. Только они нас понимают, а мы их, к сожалению, нет.

Неожиданно ко мне подошла представитель художника, сказала, что знает, что я пишу стихи, и попросила написать об увиденном, если меня что-то тронуло в картинах Никаса. Я удивилась, конечно, ответила, что пока ничего ко мне не пришло.

Продолжаем знакомиться с необыкновенным творчеством Никаса, и тут неожиданно явственно на фоне картин в стиле Dream Vision прозвучали четыре строчки:

Не отыскать достойных слов.

Но вижу я во всём – любовь.

Dream Vision – нежность без конца.

Достойна выставка творца.

Написала эти строчки в книге отзывов.

Вернувшись домой, ещё долго продолжала жить во времени, проведённом на выставке. В итоге родилось следующее.

ТРИПТИХ

1

Приходят образы к нему
На грани тьмы и света.
– Скажи, где грань, а я пойму...
Ответил:
– Грань рассвета.

2

...Картинка размыта... Как будто рассвет,
Задумчивый и удивлённый...
Струится нежнейший безоблачный свет,
И птица – голубкой влюблённой...
...И роза, прижатая нежно к губам,
Как знак неразгаданной тайны...
...И лица, присущие древним векам,
В сюжете картин не случайны...
...И образы кошек, точнее – людей,
О многом расскажут их «лица».
Что скрыто за маскою полутеней?
А чудо разгадки так близко...

3

Открой скорее тайну нам, открой,
Художник с неразгаданной душой!
Своих картин ты верный часовой,
Назначенный судьбою и собою.
А может, мне привиделось... Нет, нет! –
В картинах свет и радостный, и зримый!
Один, второй... и тысячный сюжет...
И все светлы, и все неповторимы.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

И вот декабрь 2015-го. Стало известно, что в Тамбов приезжает Евгений Евтушенко. Впервые! И состоялась встреча с легендой, встреча с эпохой.

Творческий вечер проходил в областном драматическом театре. Билеты разошлись мгновенно. Уже было чудом, что мне достался билет. Зал не мог вместить всех желающих, стулья стояли в проходах, но и этого было мало.

Зал встретил его стоя. 83-летний поэт, высокий и худощавый, опирающийся на трость, тонул в продолжительных бурных аплодисментах. Но

вот он, пристальным взглядом окинув партер, начал читать свои стихи, отрывки из поэм...

Стихи Евгения Евтушенко в авторском исполнении... Слышать и видеть. Видеть и слышать. Это счастье! И я была счастлива.

По завершении творческого вечера многие пошли за кулисы, чтобы получить автограф. Для каждого у Евгения Александровича нашлось доброе слово. У каждого он спрашивал имя. Открыла сборник его стихов, прочитала надпись, адресованную лично мне: «Натали, на счастье!»

И конечно, родились стихи.

ВСТРЕЧА. ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Еду встречать эпоху...
Разве бывает так?
Часто по жизни плохо,
Всё наперекосяк.
Но впереди, я знаю,
Свет озаряет путь,
Жизнь там совсем иная.
Чутьочку дольше будь!
Еду встречать эпоху.
Сладко душа болит.
Вновь повела дорога
Вдаль, где рассвет горит.

ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ. ОГОНЬ

Как я смогла заснуть – не знаю.
Но и во сне мели снега...
И Стеньку Разина пытали...
Гудела зимняя тайга.
И женщины – простые бабы –
Искали капельку тепла,
Для самой малости хотя бы
Пылали белые тела.
И мать-Россия всею мощью
До дна обнажена была.
Любить бы... Ненавидеть проще.
В огне любви горишь дотла.

Наталия МЕРКУШОВА,
член РСП и Союза журналистов
России

Рефлексия

Александр ТРУНОВ

* * *

Открыть тетрадь, пустую, как душа...
Открыть окно, вдохнуть тумана сырость.
Глаза свои открыть – и, всё равно
Чему отдав бессилие на милость,
Пытаться видеть. Пробовать дышать.
Глядеть в упор на боли полынью
И на полынью пахнущую зиму,
Неповторимую, безликую, свою!
На этот мир, больной и нелюдимый...
Такой чужой. Такой необходимый.
Прислушиваться, как часы поют –
Над сонными артериями рек,
Над лёгкими растерянного леса,
Над тяжестью бетонного прогресса, –
Неразличимый, безразличный, веский
И невесомый звон – из века в век...
Почувствовать. Расслышать. Разыскать,
Рванув за край, шагнув в огонь тревоги,
То самое Ничто, безвестный рай,
Чтоб наносить тропинки и дороги
К Нему на лист души, как на тетрадь.

МАРТОВСКОЕ

В жилы вливая весеннюю хворость,
Двигается Нечто:
Кутает улицы в блёклую морось,
В снов бесконечность...
Скрыв поутру повороты дороги,
Съев расстоянья,
Каждому в сердце вдыхает тревоги
Непониманья.

Каждого въёт водяной пеленою,
Сделав внезапно
Психом, живущим за мягкой стеною
Верю в «завтра», –
Глупым от мудрости, мрачным от света,
Жалким от спеси –
В полном всего равноденствии этом
Без равновесья.

Будто с трудом обещанье не плакать
Небо держало –
Зная, что скоро сквозь серую слякоть
Солнечным жалом,
Чтобы поймать нас на попранном слове,
Сжечь и разрушить,
Злая и долго молчавшая совесть
Ринется в души.

ЖУК

Посреди разговоров, движений рук,
словно кадр беспокойной боли:
Залетевший в окно золотистый жук,
не нашедший пути на волю...
Суетливо за шиворот держит день,
разрешения ждут проблемы –
Только, видимо, снова работать лень –
И «картинка» маячит в глазах, как тень,
Будто нет актуальней темы...

Я ведь всё понимаю прекрасно сам.
Сантименты фальшивы, гадки.
В мире дел на крови – и трагедий, и драм –
слишком много на всех без остатка,
Нищеты и войны беспросветен круг –
с инвалидами, со слезами...
Но опять – из подкорки тревожный стук:
У меня на полу пропадает жук
И без сил шевелит усами...

А за окнами льётся июньский мёд.
Всем, без разницы. С горних высей...
Насекомое... Жалости не поймёт
и спасения не осмыслит...
Расцветает шиповник, сияет луг,
небо светится мягким шёлком,
И пока не стемнеет совсем вокруг,
Всё пытается выбраться глупый жук.
Без надежды. Без слёз. Без толку.

РЕФЛЕКСИЯ

Как мягко плывут восходы над листьями
винограда...
Как медленно катят воды, вдыхая в луга
прохладу...
Как солнечно плещут травы! Как плавно
летают птицы!
Как трудно остановиться, в себе задержав
отраву...

Вот лист – совершенства полон над зёрном
новой жизни...
Вот слаженно бьются волны, скользя
в бирюзовом бризе,

Где рыб косяки тюлени в глубинах
гоняют дружно...
Вот в памяти – след мгновений, когда
был зачем-то нужен.
Как хочется быть причастным к тому,
что тебя мудрее!
Приникнуть клещом злосчастным к горячей
и верной шее!
Как сладко любить природу –
и ждать от неё заботы!
Как тяжело платить по счёту!
Как больно давать свободу!

Ведь всё доставалось просто: мне время
дарило небо,
А я выбирал свой воздух, но так и не стал,
кем не был.
Не вырастил. Не построил. Не сделал. Не спас.
Не вынес...

И Вечный Бухгалтер строгий
Выводит в балансе «минус».

* * *

Говори сквозь меня. Пожалуйста!
Самому мне и сказать давно нечего:
Всем всё ведомо, от злости до жалости,
Всем всё побоку, от капли до вечности.
Каждый сам своё найдёт в поворотах дней,
В зазеркалье милых глаз да ночной листве...
А моя душа – во сне, полон рот камней,
Чтобы просто не шуметь в одиночестве.
Говори же сквозь меня, ведь неважно здесь,
Кто когда прочтёт слова, кто послушает, –
Этим Словом и живёт всё, что в сердце есть,
Как росой – грибницы нить пересушенной.
Горяча вода реки, и как мёд глотки,
Даже краем, мимо, вскользь, с расстояния!
И пустыня – как часы без живой строки,
Дни и ночи, горький дым ожидания...
Говори же! Говори! Сквозь меня! Во мне!
Свежим голосом небес, родником в судьбе!..
Благодать весны моей до скончанья дней –
Обречённость быть мостом от Тебя к Тебе.

ЭТО БЫЛО ДАВНО

Как это было давно – лишь времени
пласт глухой.
Вправе ли я говорить? Вправе ли
промолчать?
Как это было давно: уходящий
за строем строй
В семнадцать последний раз в жизни
обнявших мать...

Как это было давно... Забылся жестокий дым
Выгоревшего хлеба среди опустевших хат,
Брошенный горькой виной на плечи
детям своим
Бывшими бравыми в сером – в сером
строю солдат.

Как это было давно! И выдержавших удар
Почти не осталось. И каждый из
выживших –
одинок.

Волнами поколений, разменянных на товар,
Смыты остатки грязи с прифронтовых дорог.

Как? Это было? Давно? В уютные сытые дни
Корячатся на заборах страшные знаки – те.
Буднично. Незатейливо. Молча. Но снова
к ним
Тянутся руки на марше чьих-то безумных
детей.

Как это было давно... Блаженство забвения
всем,
Словно анестезия уколom морфина, дано,
И важно фильтруют списки войной
подкрашенных тем
Корректные дикторы «Времени».
Как это было давно!

* * *

Подступают дожди, и шумят, и пугают
снегами,
Из пожухлого лета спешат перелётные дни,
И от ветра дрожит моя жизнь у меня
под ногами,

И горят в моей памяти прежних рассветов
огни.

Много суетных дней, прожужжавших
в волнении мимо,
Я старался, и жил, и всем телом внимал
тишине,
Примеряя то фрак, то поношенный плащ
пилигрима,
Исчезая стократно в неведомом утреннем сне.

Много летних ночей в восемь тактов
волшебною песней
Я качал свои струны под круглой и нежной
луной,
Не сдавался, и ждал, и с красавицей дали
небесной
Заплетал свои мысли в ажурный узор
неземной.

Много долгих часов погружаются в памяти
воды.

Много светлых минут – словно искры
на глади реки.
Я всегда принимал этот танец
жестокой природы,
Но настойчиво ткал свою правду,
ветрам вопреки.

И теперь, когда мир обернулся
холодным закатом,
Остаётся лишь память в обрывках
былого тепла –
Подступают дожди верной точкой
его невозврата,
Чтобы осень на стены рисунками нас нанесла.

Остаётся лишь небо, свидетель судёб
и событий,
И со мной угасает мой дом
в наступающем сне,
Бесполезных трудов обрываются
тысячи нитей...

Безымянный и новый –
Я открою глаза по весне.

СЕЛИГЕРСКАЯ (ВЛАДИМИРСКАЯ) ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

ИСТОРИЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ СЕЛИГЕРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ СВЯЗАНА С ИМЕНЕМ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СТОЛОБЕНСКОГО, НА МЕСТЕ ПОДВИГОВ КОТОРОГО НА ОЗЕРЕ СЕЛИГЕР, НА ОСТРОВЕ СТОЛОБНОМ, БЫЛ ОСНОВАН МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ НИЛО-СТОЛОБЕНСКАЯ ПУСТЫНЬ (НЕДАЛЕКО ОТ ГОРОДА ОСТАШКОВА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ).

Преподобный Нил родился в конце XV века в благочестивой крестьянской семье в небольшом селении близ Новгорода, рано остался сиротой и в 1505 году принял иноческий постриг в обители преподобного Саввы Крыпецкого под Псковом. После 10 лет подвижнической жизни в скиту он 13 лет провёл отшельником в лесу близ реки Серемхи на ржевской земле – в строжайшей аскезе (питался лишь дарами леса) и в непрестанной борьбе с бесовскими нападениями. Бесы являлись святому в виде свирепых зверей и гадов и с пронзительным свистом и шипением устрем-

лялись на него, но он отгонял их молитвой и крестным знаменем.

Из людей к подвижнику первыми пришли разбойники – в надежде найти какие-либо сокровища. Отшельник вышел им навстречу со своей келейной Владимирской иконой Божией Матери в руках. Злоумышленникам показалось, что с преподобным идёт множество вооружённых людей. Они испугались и стали умолять его о прощении. Святой Нил с любовью принял их покаяние и отпустил с миром.

Когда окрестные жители начали во множестве приходить к подвижнику уже в поисках

других – духовных – сокровищ, за наставлениями и советами, он стал молить Бога указать ему место для подвига безмолвия. Однажды после долгой молитвы он услышал голос: «Нил! Иди на озеро Селигер. Там на острове Столобном ты можешь спастись!»

Добравшись туда, святой был поражён красотой этих мест. В середине озера – покрытый густым лесом остров. На нём преподобный нашёл небольшую гору и выкопал пещеру, а через некоторое время построил часовню и келью, в которой прожил 27 лет. Подвиги строгого постничества и безмолвия он сопровождал ещё и другим, особенным подвигом – никогда не ложился спать, а позволял себе лишь лёгкую дремоту, опираясь на крюки, вделанные в стену кельи.

Богоугодная жизнь отшельника много раз возбуждала зависть дьявола, которая проявлялась через злобу местных жителей. Однажды кто-то поджёг лес на острове, где стояла хижина преподобного, но пламя, дойдя до горы, чудесным образом угасло. В другой раз в его келью ворвались грабители. Угрожая святому, они требовали, чтобы он отдал им свои сокровища. Преподобный Нил же в ответ на все их требования спокойно сказал:

– Сокровище моё находится в углу кельи; войдите туда и возьмите его.

В углу же находилась Владимирская икона Божией Матери.

«И гнев Божий поразил дерзновенных насильников. Лишь только разбойники вошли в келью подвижника, как все они были поражены слепотой. Но эта тьма просветила их сердца покаянием. Со слезами они стали умолять Нила о прощении их поступка. Преподобный помолился Господу о заблудших и раскаявшихся преступниках, и все они прозрели. Затем преподобный долго ещё поучал их в своей келье о душевном спасении, убеждая оставить навсегда порочное дело и вернуться к спокойной и трудолюбивой жизни. Разбойники с сердечным сокрушением слушали речи духовного своего вразумителя и дали слово никогда не возвращаться к своему прежнему занятию. В заключение своей беседы прп. Нил просил их никому не рассказывать о своём дивном обращении на путь добродетельной

жизни. И они тогда никому не поведали обо всём случившемся с ними. Но после кончины святого Нила они рассказали о явленной к ним милости Божией. Прп. Нил преставился в 7-й день декабря 1554 года, в воспоминание чего в это число и установлено празднование прославившемуся у него образу Богоматери Селигерской, называемой иначе ещё Келейной Владимирской иконой» (Евгений Поселянин, «Сказания о чудотворных иконах Богоматери», 1919 г.).

На списках Селигерской иконы слева изображён преподобный Нил, по центру – Столобенский монастырь, а в верхнем правом углу – Владимирский образ Пресвятой Богородицы.

Сразу после Октябрьского переворота по России прокатилась волна вскрытий мощей святых угодников Божьих. 25 февраля 1919 года были кощунственно вскрыты и мощи преподобного Нила. А позднее их вывезли из обители и поместили в Вознесенском соборе уже закрытого Знаменского монастыря города Осташкова, в котором разместились экспозиция местного краеведческого музея (в 1947 году в этом храме возобновили богослужение). Все драгоценности Ниловой пустыни новые властители изъяли, обитель была разграблена. И всё же она продолжала существовать ещё несколько лет. В 20-е годы власти с целью закрыть монастырь устроили судебный процесс над братией во главе с архимандритом Иоанникием (Поповым) и осташковским викарным епископом Гавриилом (Аболымовым). Вскоре в обители не осталось ни одного монаха, лишь архивы НКВД могут поведать об их дальнейших судьбах. Последняя литургия была отслужена в монастыре в 1928 году. Затем здесь на долгие годы разместились детская колония, позже – дом престарелых и турбаза. К концу 80-х годов монастырь стоял уже заброшенный, так как без восстановительных работ, требующих вложения больших средств, использовать его было невозможно. Некоторые из зданий были срыты до основания.

Возрождение обители началось в 1991 году. А 9 июля 1995 года торжественным крестным ходом святые мощи преподобного Нила, Столобенского чудотворца, были перенесены из Вознесенского храма Осташкова в Богоявленский

собор Ниловой пустыни. К этому дню в монастыре собрались тысячи богомольцев со всех концов России. Крестный ход из г. Осташкова плыл в обитель на теплоходе, украшенном разноцветными флагами, в сопровождении целой флотилии больших и малых судов, наполненных народом. В день перенесения мощей Патриарх Московский и всея Руси Алексей II освятил озеро Селигер; в то время оно стало единственным освящённым озером в стране. Сейчас традиционным стал четырёхдневный крестный ход 9 июля, на который собираются тысячи верующих.

Местонахождение чудотворного Селигерского образа, принадлежавшего прп. Нилу, который до революции долгие годы пребывал рядом с мощами святого, к сожалению, сейчас неизвестно.

До советского периода Нилова пустынь по количеству паломников была самой посещаемой святыней на Руси и второй в мире после Гроба Господня в Иерусалиме. Обитель порой принимала до 100 тысяч паломников в год. В летописи монастыря хранится множество свидетельств о чудесной помощи преподобного Нила, в том числе после возрождения монастырской жизни.

В 1995 году в монастырь пришёл пожилой человек с орденами на груди. Он рассказал, что был в монастыре в 1942 году, когда здесь располагался госпиталь, и чудом остался жив благодаря преподобному Нилу. В боях подо Ржевом он получил тяжёлое ранение в живот. Врачи считали операцию невозможной. Солдата вынесли в монашескую келью. Одна из медсестёр рассказала ему про Нила Столобенского и посоветовала помолиться святому.

– Я лежал в мертвецкой и еле-еле пере-сохшими губами шептал: «Нил, помоги...» Я чувствовал, что уже ухожу, – рассказывал ветеран. – Вдруг входит монах с длинной седой бородой и в тёмной одежде. Положив руку мне на живот, он стал гладить окровавленные бинты и говорить: «Потерпи, ещё поживёшь». Я думал, что это предсмертный бред, и ничего не говорил, только в знак благодарности кивнул головой. Очнулся от толчка по ноге. Передо мной стояли санитары. Они думали, что я уже умер, и хотели в этом удостовериться. Я их спросил: «Где монах, который ко мне при-

ходил?» Они стали смеяться и сказали, что это смерть за мной приходила, а монахов здесь нет с двадцать седьмого года. Позвали доктора. Он пришёл, велел отнести меня в перевязочную. Там, сняв окровавленные бинты, с удивлением увидел затянувшуюся рану. А я уже на своих ногах вышел из перевязочной. Воевал до конца войны. Когда узнал, что монастырь открыли, решил приехать к своему благодетелю.

В 2004 году по молитвам к преподобному Нилу исцелился житель Калининградской области Алексей, который 11 дней находился в коме с черепно-мозговой травмой после автокатастрофы. Надежды выжить у него практически не было. И тогда его знакомая помазала тело больного святым маслом, привезённым от мощей преподобного Нила, и попросила: «Господи Иисусе Христе, молитвами преподобного Нила помоги страдальцу: или заberi его, или воздвигни с одра». Перекрестив его, женщина хотела выйти из палаты. И вдруг кровать заскрипела. Больной, сев на кровати, громко сказал: «Я так сильно есть хочу. Покормите меня». Ноги у «мироносицы» и медперсонала подкосились. Все были в шоке и не верили своим глазам. Уже через несколько дней «безнадёжного» пациента выписали домой.

Братия рассказывает, что был в монастыре и настоящий вор в законе, известный карточный игрок. В советские времена он ездил по стране с охраной. В начале 90-х годов, катаясь с возлюбленной на лодке по Селигеру, он услышал голос, который указал ему год и день его смерти. Он пришёл в обитель с чемоданами, сказал, что решил потрудиться, искупить грехи и жить здесь до самой смерти. Подарил монастырю Иверскую икону Божией Матери, которая до сих пор висит в трапезной. Нёс послушание у ворот дежурным – считал, что недостойн жить среди братии. В 2008 году у него возникла проблема с ногой, требовалась простейшая операция. Он со всеми попрощался, всё раздал, сказал: знает, что не вернётся. Поехал в Москву и во время операции умер – именно в тот день, который предсказал ему голос.

Татьяна НИКИТИНА

23 октября ушёл из жизни член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ, член редколлегии журнала «Александръ» Владимир Чистяков.

Он родился в 1956 году в селе Новосеславино Первомайского района. После окончания Мичуринского педагогического института работал в школе, затем проходил срочную службу в Вооружённых силах. С юношеских лет писал стихи, был активным автором районной газеты, пишет «Тамбовская жизнь». Начало творческой трудовой деятельности Владимира Чистякова связано с первомайской районной газетой «Серп и молот». Затем он работал в «Вестнике», где прошёл путь от корреспондента до главного редактора. Кроме того, Владимир Чистяков был заместителем главы администрации Первомайского района. Здесь он занимался социальной и культурной сферами. За этот период в районе было создано эфирное лицензированное телевидение и радиовещание, построена и оснащена начальная школа в посёлке Первомайский.

Затем Владимир Чистяков работал заместителем начальника управления по делам полиграфии и средств массовой информации, а с 2005 по 2016 год – директором – главным редактором «Тамбовской жизни». С 2007 по 2016 год Владимир Чистяков возглавлял региональное отделение Союза журналистов России. Был он и членом Общественной палаты Тамбовской области трёх созывов, Общественного совета ЦФО второго созыва, возглавлял Общественный совет при Управлении Росреестра по Тамбовской области.

В последние годы Владимир Чистяков работал в СТЦ «Тамбов», где осуществлял связь с общественностью и СМИ. Владимир Чистяков награждён медалями, нагрудным знаком администрации области «За трудовые достижения», почётными грамотами областной администрации и областной Думы, Союза журналистов России.

Редакция литературно-исторического журнала «Александръ» выражает соболезнования близким и родным Владимира Чистякова.

Владимир ЧИСТЯКОВ

ПАМЯТЬ

Я памяти не предал, в сердце свято
Храню на самой звонкой глубине
Год сорок первый, и отца-солдата,
И всё, что от войны осталось мне.
Листая времени страницы
И в каждый прорастая миг,
Я вижу, как горят станицы,
Я слышу горький вдовый крик.
«Освенцим» в сердце мне стучится,
Блокадный стынет Ленинград,
Я, как живые, вижу лица
За всё простивших нас солдат.
И нету в том моей вины –
Я на десятки лет моложе, –
Что не пришли они с войны,
Но всё же, всё же, всё же...
Я памяти не предал, в сердце свято
Храню на самой звонкой глубине
Год сорок первый – год сорок пятый
И всё, что от войны осталось мне.

МОЛИТВА

Жить безгрешным не удастся,
И рубаху зря не рви.
Но над нищим не смеяться,
Господи, благослови!
Не мздоимцем быть, не вором,
Постоянным стать в любви
И не встретиться с позором,
Господи, благослови!
Быть не пасынком Отчизны,
Но не клясться на крови
И друзей прощать до тризны,
Господи, благослови!
Всё проходит, годы мчатся,
Хоть зови, хоть не зови.
Но самим собой остаться,
Господи, благослови!

Любимая ученица АЙСЕДОРЫ ДУНКАН

ОНА МОГЛА СТАТЬ ПРИЁМНОЙ ДОЧЕРЬЮ «ЗВЕЗДЫ», НО СУДЬБА СЛОЖИЛАСЬ ИНАЧЕ

Как известно, после приезда из Европы в Россию знаменитая Айседора Дункан создала 3 декабря 1921 года в Москве Школу пластического танца. Одной из учениц (причём вне конкурса) стала 12-летняя девочка Маша Борисова из небольшого подмосковного текстильного посёлка. Есть сведения, что спустя какое-то время бездетная Айседора даже побывала – возможно, вместе с Есениным – в гостях у её родителей. Она пыталась убедить их дать согласие на удочерение Маши. Но те с недоумением восприняли эту просьбу. Среди потомков М. Борисовой бытует предание, что сам Есенин любовался дарованием юной танцовщицы.

Мария родилась в 1908 году в посёлке Дрезна, что в 12 километрах от Орехова-Зуева, в многодетной семье рабочих. Её мать была ткачихой, а отец электротехником на той же Зиминской фабрике. Родные брат и сестра Маши тоже были ткачами.

Уже через 7–8 лет танцевальные соло ослепительно стройной и изящной Маши (по свидетельству современников) производили ошеломляющее впечатление. Она будто парила над подмостками. Потом быстро стала звёздочкой в школе Айседоры.

Что представляла собой Школа пластического танца, в учреждении которой участвовал народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский? Он же, кстати, и пригласил Айседору в Советскую Россию и обещал помочь финансами, после того как правительство США лишило её гражданства за исполнение танца с красным знаменем.

Учащиеся были в основном выходцами из бедных семей в возрасте от четырёх до десяти лет. Школе выделили особняк, прежде принадлежавший знаменитой балерине Большого театра Александре Балашовой. Предполагалось, что учёба в школе будет занимать семь лет. Вскоре газета «Правда» писала: «...дети, поступившие болезненными и хилыми, робкими, быстро начали крепнуть, смелеть, буквально перерождаться».

Практичная и здравомыслящая (несмотря на всю романтичность и бесшабашность) Айседора организовывала и летний отдых ребят, а их в школе было более четырёхсот. В подмосковном имении дети занимались гимнастикой, подвижными играми, плаванием, изучали английский, французский, немецкий языки. И работали в огороде, запасаясь на зиму картофелем, капустой, морковью. Дункан не собиралась воспитывать белоручек. Кстати, часть средств, заработанных в турне по Европе и США в 1922–1923 годах, куда она отправилась вместе с Есениным, Айседора планировала потратить на поддержку школы, поскольку правительственная финансовая помощь быстро закончилась. Но получилось не так, как хотелось, а звёздный союз танцовщицы и поэта вскоре распался.

Школа, однако, работала. С 1925 по 1929 год Мария работала в ней уже старшим инструктором, выступила более чем в двух тысячах спектаклей в СССР и Китае. После гибели Айседоры в 1928 году её приёмная дочь Ирма Дункан и Мария Борисова поехали вместе с ещё одиннадцатью лучшими воспитанницами школы на гастроли в Северную Америку и Канаду. Они длились полтора года, пока из Москвы не последовало требование вернуться.

Одна из газет Нью-Йорка писала о Марии Борисовой: «Кто видел танцовщиц студии Айседоры, тот заметил ослепительную, стройную и прекрасную фигурой темноволосую девушку, которая кажется более гибкой и динамичной, чем остальные из этих юных замечательных танцовщиц, див и русалок в красных рубашечках. Марии Борисовой – 19 лет...»

Тридцатилетняя Ирма Дункан (кстати, родом тоже из бедной многодетной семьи, как и Борисова, только из немецкой) осталась в США, а Мария в 1929-м вернулась в СССР и совершила многомесячную поездку по стране. Она поразила её не только размерами, но и энтузиазмом людей, которые после танцевальных номеров скандировали: «Ура-а! Даёшь индустрию!», «Да здравствует ВКП(б)!»

А быт был тяжёл. Например, на концерте в Челябинске часто гас свет, фальшивил почти вконец разбитый рояль, пол сцены был ужасен. Но артистки делали свою работу. Газета «Челябинский рабочий» 26 июля 1930 года, освещая приезд ансамбля «революционной танцовщицы мира», новатора и красного борца Айседоры Дункан, писала: «В Челябинск приезжает московский ансамбль балетной студии имени Айседоры Дункан под руководством Марии Борисовой. Выступление ансамбля – зрелище новое, волнующее...»

К тому моменту именно так называлась бывшая Школа пластического танца. Вскоре ансамбль переходит в административное ведение Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького. Появляется и новое название – «Концертная студия Дункан», идет подготовка концертных программ в стиле Дункан, которые ставит Мария Борисова. Лишённая помещения для регулярных занятий, студия не сдавалась,

постоянно гастролировала, воспитывала новые поколения танцовщиц. В 1930-е годы Мария Борисова с коллективом много раз выступала и перед земляками – в Орехове-Зуеве (в знаменитом Зимнем театре, построенном меценатами Морозовыми) и в родной Дрезне. Возможно, что в эти годы М. Борисова ещё сотрудничала с руководителем студии Ильёй Шнейдером, хотя их брачный союз где-то в начале 1930-х был расторгнут. Мария вышла замуж за кадрового офицера РККА, родила, ей было уже не до танцев... Кстати, первой женой Шнейдера была Ирма Дункан – в жизни, как всегда, многое переплеталось, особенно когда речь шла о творческой среде.

С началом сороковых студию перевели в Москонцерт, где она действовала до 1949 года. Тогда творческий коллектив расформировали в формате нового политического тренда – «борьбы с низкопоклонством перед Западом», как «болезненное, декадентское искусство, завезённое в нашу страну из Америки». Илью Шнейдера, как руководителя студии, арестовали и посадили по ст. 58-10 УК РСФСР. Борисову не тронули. Быть может, за неё заступился новый муж – фронтовик-орденоносец и политработник – или она успела к тому времени уволиться из студии? Доподлинно неизвестно.

Время шло. В 1963-м, в разгар «хрущёвской оттепели», группа бывших учениц Айседоры Дункан, в том числе Мария Борисова, обратились с письмом к министру культуры Екатерине Фурцевой с предложением оказать помощь в восстановлении в Москве Студии танца А. Дункан. Ответ был таков: «Искусство пластического танца как художественное направление, представляемое А. Дункан и её последователями, имело прогрессивное значение в первые годы советской власти. С этого времени пластический танец утратил самостоятельное значение для советского зрителя. Подчинить обучение современных танцовщиц изучению пластики было бы неправильным. Отдел музыкальных учреждений Министерства культуры СССР не считает целесообразным организацию студии пластического танца».

К тому моменту ушли из жизни некоторые выдающиеся солистки студии, такие как Алексан-

М. Ф. Борисова 1950-е гг.

И. Шнейдер. 1949 г.

дра Аксёнова, которой восхищался Есенин. И хотя были ещё полны сил другие последовательницы великой танцовщицы – Мария Борисова, Мария Мысовская, Елена Терентьева, Валентина Бойе, Юлия Вашенцева, Елизавета Белова, Тамара Семёнова, Вера Головина, – отрицательный ответ из правительства отбил у них охоту напоминать о себе. Тем и закончилась последняя попытка спасти уникальное и хрупкое искусство, привезённое в Россию Айседорой Дункан.

Мария Борисова жила к тому времени уже много лет в столице, работала консультантом в Большом театре. Не раз в 1950–80-е годы вместе со своими воспитанниками приезжала и в родную Дрезну, где выступала перед земляками в местном Доме культуры имени Волкова.

Непросто складывалась её личная жизнь. Хотелось бы подробнее рассказать об упомянутом первом муже, с которым она прожила недолго. Илья Ильич Шнейдер (1891–1980) был разносторонним человеком. Именно его в 1921 году Анатолий Луначарский направил на работу секретарём и переводчиком Дункан. Он не только сопровождал Айседору и коллектив в поездках, но и писал либретто программ. В 1922–1946 годах занимался организационным руководством школы, а затем театра-студии имени Дункан. Расставшись с Марией, Шнейдер женился на актрисе Наталье Балдиной.

После ареста весной 1949-го на Лубянке его допрашивал сам министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов. 23 декабря 1950 года Постановлением Особого совещания при МГБ И. Шнейдеру присудили 10 лет ИТЛ за антисоветчину. В лагере он написал книгу воспоминаний «На реке жизни». При Хрущёве 19 мая 1956 года он был реабилитирован, а Абакумова к тому времени уже расстреляли. Вскоре вышла новая книга воспоминаний Шнейдера – «Встречи с Есениным» (издательство «Советская Россия»). Почему у него не сложилась жизнь с Марией Борисовой? Спросить уже не у кого, живых свидетелей не осталось.

Хотя... если учесть детали биографий начинающей танцовщицы Борисовой, вышедшей из провинциального посёлка, и коренного москвича Шнейдера, прошедшего, как говорится, огонь и

воду, выполнявшего одно время даже спецпоручения наркома иностранных дел Чичерина... то вообще стоит удивиться странному союзу «трепетной лани» и «светского льва».

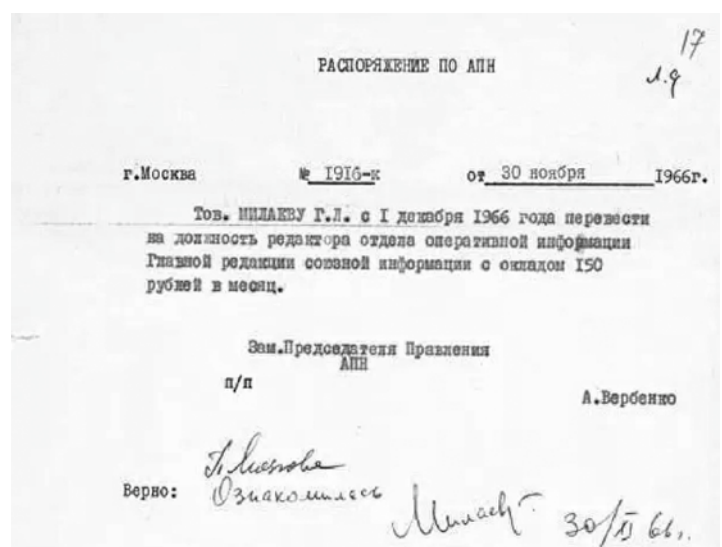
Шнейдер, как свидетельствуют современники, был изумительным рассказчиком, мог заговорить кого угодно, особенно обаятельных дам. Он был знаком со многими знаменитостями – от итальянской певицы, красавицы Лины Кавальери, до Ленина. Илья Ильич был знающим человеком, часами работал в кремлёвской библиотеке. Однажды раздался телефонный звонок, и мужчина твёрдо попросил принести ему некоторые книги. Шнейдер ответил, что эти книги запрещены к выдаче товарищем таким-то. Последовала пауза, затем голос раздался снова: «Принесите мне эти книги. Это Ленин говорит».

У некоторых исследователей жизни и творчества Есенина и Дункан я прочитал о «проделках Шнейдера»: к примеру, именно он подправил в паспорте Айседоры год рождения, сильно уменьшив её возраст. А пока Есенин с Дункан колесили по Европе и Америке, Шнейдер женился на приёмной дочери Дункан Ирме. Сам Илья Ильич о скандальной истории с паспортом рассказал в мемуарах «Встречи с Есениным. Воспоминания» (М.: «Советская Россия», 1965):

«Накануне Айседора смущённо подошла ко мне, держа в руках свой французский паспорт.

– Не можете ли вы тут немножко исправить? – ещё более смущаясь, попросила она.

Я не понял. Тогда она коснулась пальцем

цифры с годом своего рождения. Я рассмеялся – передо мной стояла Айседора, такая красивая, стройная, похудевшая и помолодевшая, намного лучше той Айседоры Дункан, которую я впервые, около года назад, увидел в квартире Гельцер.

Но она стояла передо мной, смущённо улыбаясь и закрывая пальцем цифру с годом своего рождения, выписанную чёрной тушью...

– Ну, тушь у меня есть... – сказал я, делая вид, что не замечаю её смущения. – Но, по-моему, это вам и не нужно.

– Это для Есенин, – ответила она. – Мы с ним не чувствуем этих пятнадцати лет разницы, но она тут написана... и мы завтра дадим паспорта в чужие руки... Ему, может быть, будет неприятно... Паспорт же мне вскоре будет не нужен. Я получу другой.

Я исправил цифру».

И ещё. Я внимательно прочитал все опубликованные письма М. Борисовой и И. Шнейдера (в книге И. Краснова «Айседора Дункан и Сергей Есенин. Их жизнь, творчество, судьба», издательство «Тerra», 2005), обращённые к Луначарскому, уже после приезда Борисовой из США (как сама писала, добиралась оттуда до Москвы одна 15 дней на пароходе). В этих письмах Шнейдер обращает внимание народного комиссара на то, как патриотично поступила М. Борисова (называет её в письме женой) и как непатриотично выглядела Ирма Дункан, в отношении неблагонадёжности которой Илья Ильич уже предупреждал Луначарского раньше (так следует из письма).

Успел ли Луначарский прочитать письма и ответить на них? Ведь осенью 1929 года он, как известно, был смещён с поста наркома просвещения... Возможно, Мария в какой-то момент всё же проникательно поняла, что лучше ей расстаться с этим человеком, чьи заслуги перед школой в обращении к Луначарскому она также отметила, называя в тексте Илью Шнейдера своим мужем.

На мой взгляд, судя по стилистике всех этих писем, автором их был один человек. Конечно, не танцовщица Борисова, а опытный, искушённый журналист Шнейдер. Он вёл какие-то свои игры – таким было время...

Второй муж Марии Андрей Андреевич Вербенко (1908–1998) – кадровый военный РККА.

Танцовщице он наверняка показался более надёжным, чем секретарь и переводчик Айседоры.

Вербенко начал Великую Отечественную войну 1 июля 1941-го комиссаром 201-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона, батальонным комиссаром, а затем продолжил её в должности начальника политотдела 3-й зенитно-пулемётной дивизии, был кавалером нескольких боевых орденов.

Интересно, что последним местом работы Вербенко было престижное в СССР Агентство печати «Новости» (АПН). Там, кстати, в 1963–1969 годах работала редактором одного из отделов дочь Леонида Брежнева Галина Леонидовна Милаева (окончившая в 1962-м заочно филфак Орехово-Зуевского пединститута). Как заместитель председателя правления АПН, Вербенко подписал приказ о её переводе с 1 декабря 1966 года на более высоко оплачиваемую работу с окладом 150 рублей в месяц. Может, одно с другим не связано, но с весны 1966-го Леонид Ильич стал первым человеком в СССР – Генеральным секретарём ЦК КПСС.

В журнале «Искусство кино» (№ 1, 2015), в публикации «Конспект воспоминаний», киносценарист и актёр Павел Константинович Финн пишет: «...Валенки я презирал, они мне казались неприличной обувью бедных – а сам-то! – из простых. А вот бурки, маленькие бурочки... На ком я видел их? На старшем Вербенко? На младшем Вербенко? Андрей Андреевич Вербенко, крестивший Алёшку Габриловича (А. Е. Габрилович – известный кинорежиссёр. – **Прим. авт.**). Он был тогда полковником, замполитом, кажется, дивизии.

Нина Яковлевна, Алёшкина мама, великая женщина, ставшая Зиночкой – Шиккульской в «Объяснении в любви», вызвала Андрея Андреевича с фронта, и он крестил Алёшку. Потом он стал директором Московского ликероводочного завода. Однокомнатная квартира Вербенков ниже этажом, на одной площадке с Габриловичами. Раки из Ростова в ванне. Вина без этикеток, чёрные и словно пыльные – такими, конечно, их делало воображение, раздражённое чтением Дюма, – бутылки с белыми наклейками, на которых было написано чёрными чернилами что-то. Пакеты и свёртки. Футболисты и боксёры. Вратарь Саная,

великий тяжеловес Королёв. Пистолет “Вальтер”, который тайно показывает нам Вовка (Владимир Андреевич Вербенко – сын Марии Борисовой и Андрея Вербенко. – **Прим. авт.**).

Марья Филипповна, жена замполита и директора ликероводочного, училась в московской школе Айседоры Дункан и была среди её юных босоножек.

Потом, когда Вербенкам дали квартиру на Калужской, в их квартиру поселили безрукую женщину, ногами вышившую бисером подарок Сталину. Я видел этот подарок в музее на Волхонке...»

Вовка с «Вальтером» (сын Вербенко), который родился 6 декабря 1938 года, окончил МГИМО, работал послом в Индонезии, был женат, правда, недолго на популярной в 1960-е актрисе Людмиле Марченко (1940–1997), умер в начале 2000-х, похоронен на Ваганьковском кладбище. Самой же любимой ученицы Дункан, Марии Борисовой, не стало в начале 1990-х, похоронена на Даниловском кладбище... Андрей Андреевич Вербенко лет на шесть пережил супругу и, несмотря на «восемьдесят с гаком», женился ещё раз.

А как сложилась судьба приёмной дочери Айседоры Ирмы Дункан, урождённой Эрих-Гримм?

После отъезда Айседоры в Европу в 1924 году Ирма осталась за неё руководить Школой танца. Тогда-то и стала женой Ильи Шнейдера. Но после смерти Айседоры Ирма развелась с мужем, который «переметнулся» к более молодой Марии Борисовой.

В 1929 году, вскоре после отъезда Марии, Ирма открыла танцевальную школу в Нью-Йорке, которой руководила многие годы. Также занималась живописью и литературой, была супругой юриста Шермана Роджерса. Но танец всегда оставался с ней. Она написала книги, посвящённые технике танцев Айседоры, методике их преподавания. В 1977-м Ирма Дункан скончалась в Калифорнии в возрасте 80 лет...

Полные биографии самых известных учениц и последовательниц великой Айседоры – Ирмы и Марии – до сих пор не написаны, биографию своей землячки я не один год собирал по крохам из вышедших изданий и по сдержанным воспо-

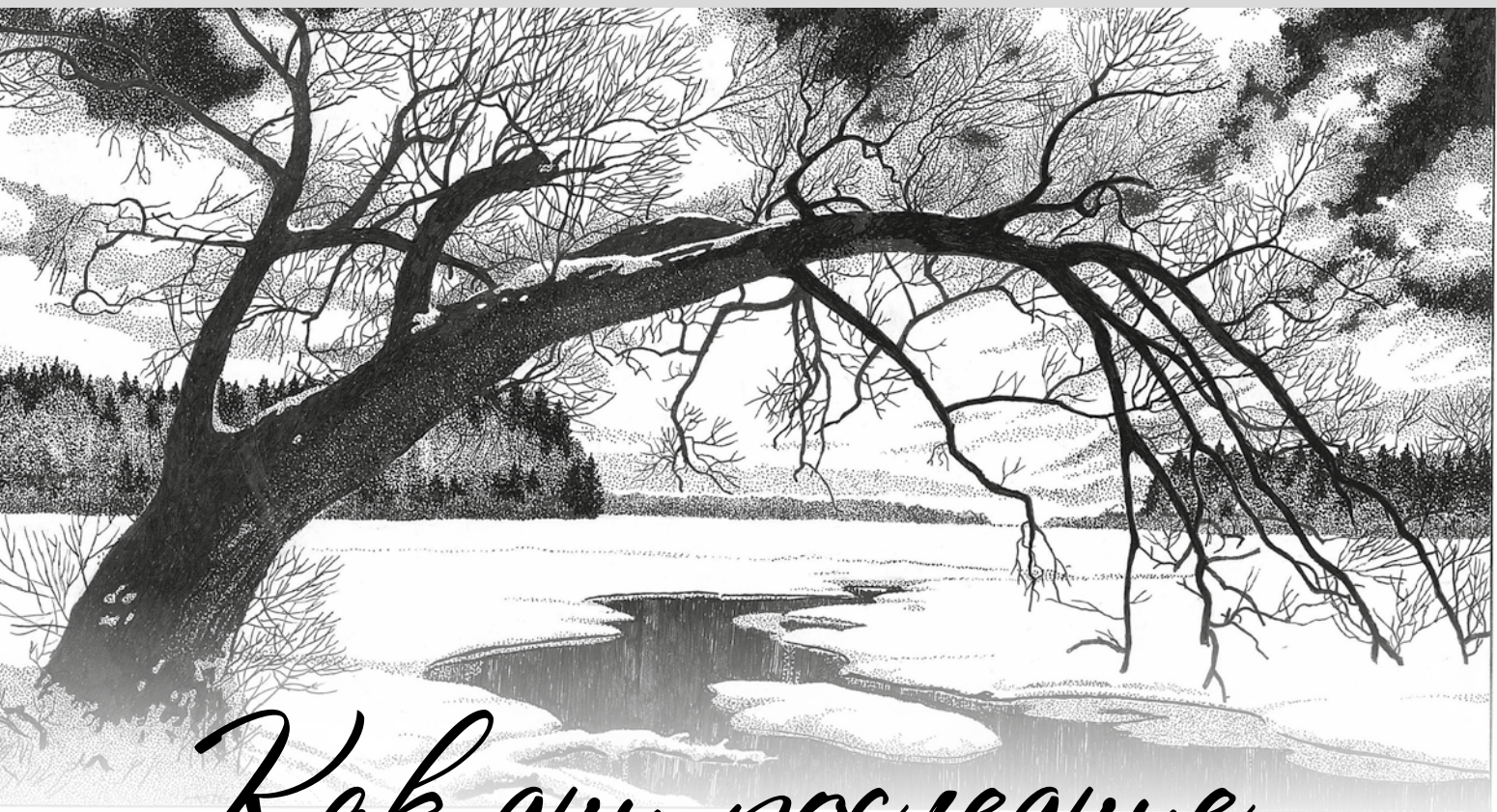
Открытие мемориальной доски
в честь М. Борисовой в Дрезне. 2019 г.

минаниям её родных, проживающих в Дрезне и в Орехове-Зуеве.

У меня родилось желание увековечить имя замечательной женщины.

По моему предложению, поддержанному родными танцовщицы, 16 мая 2019 года в рамках Года театра и 90-летия Московской области на здании Детской школы искусств Дрезны (ул. Зимины, 6), неподалёку от места, где проживала с родителями в 1908–1921 годах Маша Борисова, открыли мемориальную доску. Среди тех, кто профинансировал проект, мои друзья и родные Марии Филипповны. На открытии выступил заслуженный работник культуры Московской области, лауреат международных конкурсов Игорь Коротков. Он предложил назвать её именем местную молодёжную хореографическую студию и установить на одной из площадей монумент в память о ней. Танцовщиц у нас нечасто жалуют вниманием. Да, голоса остаются в записи, а движения трудно сохранить...

Евгений ГОЛОДНОВ,
член Союза краеведов России,
член Союза журналистов РФ

Как дни последние пронзительны...

Ольга НАРКЕВИЧ
(ЛЕВИЦКАЯ)

КАК ДНИ ПОСЛЕДНИЕ
ПРОНЗИТЕЛЬНЫ...

Как дни последние пронзительны...

На грани
Ушедшей осени, в преддверии зимы
В природе вечные законы мироздания
Ещё предельней и больней обнажены.

В ней спорят инь и ян, тепло
и влажный холод,
Тьма длинной ночи и мучительный рассвет.
Трава давно мертва, и птиц съедает голод,
И иней по утрам сменяет мокрый снег.

Но загляни за белый саван – и заметишь,
Что почки на кустах беременны весной
И говор струй хранит под тонким
льдом осенним
Ручей, пока ещё озябший и немой...

САЛОМЕЯ

Золототканый лотос цвёл
На первом покрывале,
Скрывая под собой узор
Из страсти и печали.

Как ненависть твоя сильна –
Моей любви сильнее;
И ищет мёртвого луна –
Танцуй же, Саломея.

Как лезвия, остры края –
Язык деревенеет...
Плывёт на льдине голова –
Твоя ли, Саломея...

МАКЕДОНЕЦ

ЭПИЛОГ

«Бык, увенчанный цветами,
Станет жертвой для закланья...» –
Помнишь, что тебе когда-то
Прорицали мудрецы?
Ты ведь думал, это – Дарий.
Оказалось, это – ты.

Прах велел доставить в Сиву –
В ней гробнице быть твоей.
Но совсем другое мыслил
Хитроглазый Птолемей.
И тайком, схватив по-волчьи
Твой непогребённый труп,
Чёрной ночью вавилонской
Гроб счастливицы волокут.

В белую Александрию,
Что тобой возведена,
В драгоценной домовине
Привезли тебя для сна.
Прах в гробнице освящённой
Сохранив в стремнине дней,
Станет позже фараоном
Прозорливый Птолемей.

Что ты знал про обречённость,
Смерть этнических химер,
Воин, эллин утончённый,
Глобализма пионер?
Как реке не течь попятно,
Вверх от устья на исток, –
Не сойдутся вместе Запад
И загадочный Восток.

И империю, что наспех
Ты кроил своим мечом,
Диодохи разорвали –
Каждый мнил себя царём.
Всё развеял вечный Хронос.
Так ответь сквозь пласт веков:
«Для чего ты, Македонец,
Мерил ширь материков?»

Кровью меченный и славой –
Расскажи: в какой стране
Ты лежишь, золотоглавый,
И твоя могила где?»
В вечном сне слабеет память,
Да в глаза летит песок –
Заметает, засыпает,
Проседает в глубь веков.

Во главе своей агемы –
Будто крылья на плечах –
Ты летишь в пернатом шлеме,
Буцефала горяча.
Ветер времени полощет
Край пурпурного плаща.
И стекают капли крови
С македонского меча...

ДОМ С КОЛОКОЛЬЧИКАМИ

Это – дом-музей Булата Окуджавы в Переделкино. В этом доме много колокольчиков, а трогательную историю, связанную с ними, нам рассказала сотрудник музея Лидия Васильевна Кириллова.

Первый колокольчик подарила Булату жившая в соседнем доме Белла Ахмадулина. Она сказала: «Булат, если я буду тебе нужна, позвони в колокольчик, и я приду».

С тех пор друзья Булата дарили ему колокольчики. Их становилось всё больше и больше. И однажды Булат подвесил колокольчики на ниточках к потолку в своей комнате. От дуновения ветерка они нежно звенели, напоминая о друзьях.

А теперь появился такой чудесный праздник в конце августа – день рождения музея Булата Окуджавы – День колокольчика. В этот день здесь собирается много друзей Булата, которые по-прежнему с любовью и благодарностью приносят в его дом свои колокольчики.

Приходят с колокольчиками и новые маленькие друзья Булата – дети. А с портрета на своих гостей смотрит с улыбкой Булат и как будто говорит: «Собирайтесь-ка, гости мои». Гостей приветствует Ольга Владимировна Окуджава, звучит колокольчик, и мы слышим мягкий спокойный голос Булата, его песни. Потом выступают друзья поэта. Здесь я услышала свои любимые песни – песни Булата – в исполнении Галины Хомчик и Сергея Никитина.

Мне очень нравится приезжать сюда, в дом Булата Окуджавы в Переделкино. Здесь остался его Мир, Мир его друзей, теплая и доброжелательная атмосфера. Здесь звучит живой голос Булата, звучат его песни, много его друзей и много колокольчиков.

В августе я была на празднике День колокольчика, а через некоторое время появилась моя песня «Колокольчик».

Жанна ТАШМА

Жанна ТАШМА**КОЛОКОЛЬЧИК***Посвящается Булату Окуджаве*

Колокольчик – символ Дружбы –
 Зазвонит, и я приду.
 Посажу с тобою рядом
 И тревогу отведу.
 Этот звонкий колокольчик
 У Булата нас собрал,
 Чтоб его спокойный голос
 Нам о главном вновь сказал.
 С этим голосом росла я,
 Он воспитывал меня,
 Ненавязчиво и мягко
 Мне о главном говоря.
 И про Лёньку Королёва,
 Про разлуку и любовь,
 Про ночной троллейбус синий
 Говорил мне голос вновь.
 Колокольчик нежный тихо
 У меня в руках звенит.
 И Булат как будто рядом,
 Он на помощь мне спешит.
 Колокольчик – символ Дружбы –
 Зазвонит, и я приду.
 Посажу с тобою рядом
 И тревогу отведу.

В МУЗЕЕ

«Итак, я жил тогда в Одессе», –
 Написано его рукой.
 А берег для души так тесен
 Стонал он пушкинской строкой.
 Здесь появляются «Цыгане»,
 «Онегина» ещё глава,
 «Бахчисарайского фонтана»
 Финал, той грусти синева.
 В музей пришли, как на свиданье,
 Всё это было так давно...
 Вот здесь бывал он на фонтане,
 На даче ловкого Рено.
 А здесь глядел на рейд одесский –
 Манила творчества стезя.
 А вот Тургенев и Раевский –
 Его сподвижники, друзья.
 Тут волны моря штормовые,
 Стоит он грустный среди скал.
 «Прощай, свободная стихия!» –
 Он с болью в сердце восклицал.
 Подходим мы к планшету близко –
 Тут документы под стеклом.
 Поэта ссыльного расписка,
 Что покидает край и дом.
 Мы словно видим конвоира,
 Что до Михайловского вёз.
 Всё звонче пушкинская лира –
 Талант певца мужал и рос.
 Вся благодарная Одесса
 Наследьем ценным дорожит,
 Клеймит презренного Дантеса,
 Кем светлый гений был убит.
 Прошло уж полтора столетия,
 Но оживает вновь и вновь
 Святая память о поэте
 И всенародная любовь.

Р. ТАШМА

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО, или Как хорошо мы плохо жили

ПРОДОЛЖЕНИЕ

МНЕ ПОЧЕМУ-ТО кажется, что мы больше зиму любили. Другие игры, наверное. Летом вот – можно соорудить крепость (хотя шалаши из всяких веток-досок делали)? А тут, когда небольшая оттепель, катали из снега большие комья, ставили их один на другой, спереди и сбоку, – пожалуйста, фортеция или цитадель. А оборонялись от «противника» снежками. Как и он, пытаюсь сломать оборону.

А снежных баб, из этих же комьев, как-то не очень любили. Игры-то никакой.

Но самое интересное – катание с горок. На лыжах и на коньках – да-да, именно на коньках, хотя в основном гоняли на «снегурочках» по дороге. Откуда горки? Я же говорил про шлаковую насыпь по краю железной дороги, за сараями. Вот как раз по границе этого вала, от железнодорожного техникума, который был почти напро-

тив белого дома, тянулся забор. А перед ним по вершине насыпи шла как бы тропа. От неё-то мы вниз и съезжали. Самый хороший, более длинный склон – к дровяному складу. Проходили туда через какую-то калитку и свободно катались, даже устраивали трамплины. Никакая охрана, сторожа нам не мешали.

Лыжи... Самые простые, без каких-то там креплений – посередке как бы петля, ремешок, – всё надевалось на валенки. То же и с коньками: какими-то тесёмками-верёвками накручивали опять же на зимнюю обувь. Два вида: с закруглённым носиком – «снегурки», с треугольным передком – «норвежки». А с горки катались где? Тоже за сараями – там стояла колонка, вода, значит, рядом, и ребята постарше заливали проложенный спуск на склоне водой. Катались на чём попало – фанера, кусок доски, санки... и на коньках тоже.

Один раз всего-навсего я так плашмя уже внизу грохнулся, не удержался, что с тех пор и по сей день с горок не катаюсь.

Но самое интересное – санки. Или салазки. Конечно, не магазинные, а сделанные, сваренные, свинченные нашими отцами. Разных размеров. Один изобретательный мальчик, мой ровесник Мишка Сычёв, придумал даже такую как бы треугольную конструкцию: спереди санки и пара их – сзади, и всё связывалось-соединялось палками, дощечками и чем-то ещё в одни большие сани. Передними можно было рулить. Умещались на этом сооружении три-четыре пацана, а может, и смелая девочка. И ехали от ворот угольного склада – там же всё укатано-утрамбовано – вниз через Железнодорожную (машины, повторяю, редкость, так что сбить какую-нибудь «Победу» мы не могли), дальше уже по Кронштадтской и до пруда почти. О нём потом расскажу.

И ещё зиму использовали – играли в хоккей. На катке. Откуда он? Очень просто: сбоку от нашего дома была как бы площадка для въезда во двор с дороги разных подвод (конных повозок), иногда машин. Так вот кто-то из взрослых догадался вкопать там столб, а в нескольких метрах от него уже стояло дерево – канадский клён. И между ними натягивалась волейбольная сетка. Те, кто постарше, и играли как раз в этот волейбол. Ну а зимой площадка заливалась водой – каток получался. На нём-то мы и устраивали хоккей.

А откуда шайбы, клюшки? Да ниоткуда. Бралась обыкновенная консервная банка – её-то и гоняли. И клюшки не в «Спартаке» покупали, которого ещё и не было. Всё проще: недалеко, сбоку от дома, росли жёлтые акации, такие кустообразные. Мы и отрезали какую-нибудь изогнутую ветку, обрабатывали ножичком – и, пожалуйста, клюшка, очень подходящая для хоккеиста девяти-двенадцати лет.

Зимняя пора хороша ещё тем, что были морозы. После январских каникул случалось – вдруг минус там двадцать с чем-то, и в школу не надо идти. А кататься на санках, лыжах, коньках, играть в хоккей – пожалуйста. И не помню, чтобы кто-нибудь нос или что-то другое отморозил...

НУ И ЕЩЁ две-три игры вспомню. Летние.

В ножички. Прямо как знакомство с геометрией. Дома брали самые простые ножи (родители не возражали), очерчивали круг диаметром, может, метра полтора, делили его пополам, на двоих, и, бросая-втыкая нож в землю, не двигаясь с места, как бы отнимали у противника кусок или кусочек площади. Если получалось, конечно. Всё отнял-отрезал – значит, победил. Занимательная игра, какие-то качества – ловкость, расчётливость – прибавлялись...

Сейчас, когда во дворах девяти-шестнадцатиэтажек асфальт и плитка, а также «ауди», «фольксвагены» и «тойоты», в ножички-то и не поиграешь. И не только в них. В «классики», например, тоже. А жаль, правда? Так называемые детские площадки, даже с турникетами, совсем не то.

Ну а какие-нибудь опасные увлечения были? Конечно. Хотя и ничего страшного... Ну стреляли из луков. Сами их делали из той же акации. Стрелы – из палок-дощечек. А я к своей стреле приделал наконечник – школьное сломанное перо. Тогда перьями писали, а вовсе не авторучками, тем более шариковыми, – чернила же были в чернильницах. И играли мы «в войну» (да-да, было такое летнее развлечение), две команды. Прятались среди штабелей дров, берёзовых, на том самом дровяном складе. Выскакивает из-за прохода между брёвен Олег Осадчий (я ещё о нём скажу), спускаю, дурачок, лук, и стрела попадает ему в грудь. Даже капельки крови были. И хотя он постарше меня года на три, а мне тогда – лет девять-десять, не стал выяснять отношений, как-то мстить мне, дать подзатыльник... Всё закончилось мирно. Но лук всё-таки штука опасная.

Как и поджиг. Что это такое? Деревянный наган (пистолет, маузер, браунинг), какие мы делали из куска доски. К стволу прикручивалась медная трубка, в ней сбоку пропиливалась дырочка, а в основное отверстие набивали серу со спичек. Вроде как порох. Вот сбоку-то, через дырочку, и поджигали – и гремел (ну не на весь двор, конечно) выстрел. Слава богу, никакими пулями (огрызками гвоздей, например) всё это не заряжалось. У меня, честно скажу, никогда поджига не было. Наверное, папа не рекомендовал.

Ну а если бы нам попался порох, то зарядили бы и его вместо серы. Так вот однажды этот Осадчий нашёл где-то винтовочный патрон – да, совершенно целый: гильза, пуля, капсюль, порох внутри. Наверное, Олег и хотел воспользоваться этим взрывчатым веществом, решил достать, но задел как-то капсюль... В общем, мы увидели уже его окровавленные пальцы. Ранка оказалась, видимо, небольшой, так что никаких тяжёлых последствий не было.

А остатки войны нам время от времени попадались. Прежде всего – большие гильзы от снарядов. От зенитных, наверное. Где-то недалеко от двора, за сараями на насыпи, стояли эти орудия – хотел же враг бомбить железную дорогу...

И ещё неприятность – ну никак с войной не связанная. Уговорили нас, меня и друга Кольку Патрина, второклассников, ребята повзрослее, тот же Олег и Славка Радаев, забраться на крышу дома и на чердак. Железная лестница – снаружи перед окнами. Залезли, прошлись по крыше до чердачного входа, потом – по всему потолочному перекрытию до противоположного окна. А там, между прочим, увидели пожарные инструменты: какие-то крюки, большие клещи, багры, ещё что-то... Во время воздушной тревоги кто-то из взрослых, по очереди, должен был дежурить наверху, спасая дом от фугасных бомб и зажигательных снарядов. Но всё тогда обошлось.

У мальчишек на сей раз – нет. Эти старшие соблазняли нас, второклассников, сигаретами – именно ими, а не папиросами, которые, например, курил мой отец, – «Казбек». Я для приличия подержал что-то в губах, но затягиваться не стал. А Колька поддался, и слезали мы с крыши очень даже непросто: у него кружилась голова, ребята помогали ему спускаться. И помогли, наверное, дойти до дома. А когда утром я зашёл за ним, как обычно, в школу, мама его сообщила: Коля заболел, тошнит, голова кружится... Я товарища выдавать не стал, но с тех пор не курю, чего и всем советую.

Ну и ещё игра. Стрельба из рогаток. Две резиновые полоски прикреплялись к рогатулке из дерева – из ветки, как два пальца растопыренных. На конце резинок – кусочек кожи.

Вот в него-то можно было положить камешек, огрызок железяки, шарик – и, оттянув всё до предела, отпустить. То есть стрелнуть. Друг друга, помнится, не целились, а вот в воробьёв пытались. Правда, не попадали.

А откуда резинки? Да от противогазов. Во время войны для защиты от отравляющих газов их, эти спецприборы, закрывающие голову и лицо, раздавали по семьям. Не знаю, на весь ли город, но у железнодорожников они были. И где-то в конце сороковых – начале пятидесятых нужда в резиновых масках отпала. Вот мы их и резали.

ВОЙНА... Наши отцы провели её здесь, в тылу, – может, потому о ней особенно-то и не вспоминали. Мама, правда, рассказывала, куда они бежали с детьми во время воздушной тревоги. Были у нас во дворе как бы специальные погреба, не под крышей, а засыпанные сверху землёй, куда и залезали в 1941–1942-м. Я не бежал – не было ещё меня.

И ещё один рассказ помню. Отец мой и дядя Вася Иванов сидели тёплым летним вечером на лавочке у подъезда, о чём-то говорили по-соседски, и дядя Вася завёл разговор о бомбёжках. Показывая рукой на юг, в сторону Лермонтовской, Петропавловского кладбища, Ахлебиновской рощи, рассказывал, как низко летел немецкий самолёт – то ли на бреющем, то ли сбитый уже зенитками...

Ну а в ясли, в детский сад кто-нибудь ходил? Из ребят вроде бы – только я. В детсад. Может быть, потому, что папа был после войны на руководящей должности – начальником вагонного депо, которое прямо сбоку от вокзала, южнее, метрах в ста. Вот такая должность, наверное, и позволяла пристроить ребёнка в воспитательное учреждение. И ещё вспомнилось что-то вроде частушечки. Стояли мы с сестрой Неллей где-то среди клумб и у берёзы, а кто-то из мальчишек-девчонок пропел-проговорил между прочим:

– Чайник, чайник – твой отец начальник.

Сестрёнка как бы надулась, обидевшись на что-то. Потом, позже уже я догадался: чайник-то чайником, а начальник-то – наш папа Борис Иванович. Вот Неллю и задело...

Итак – детский сад. Ходил я туда почему-то

(так уж запомнилось) урывками, и все впечатления – ну никакие. Скучные. Отложилось в памяти, только как мы поливали из каких-то баночек что-то вроде бархоток на газоне. И ещё эпизод. Стоял я около каруселей, смотрел, как катались ребята постарше. И вдруг сзади, за затылком, что-то странно зашипело. обернулся – двое мальчишек держали почти возле моего уха... живого ужа. Он и шипел. Не из-за этой недовитой змеи, конечно, но зимой я уже перестал туда ходить. Года три-четыре мне, думаю, было. Дома лучше, тем более что мама-то – с печкой, стиркой, приготовлением еды на троих детишек (брат ещё Коля появился) – всегда тут. А детский сад, кстати, был совсем недалеко от нашей Железнодорожной – именно за железной дорогой, за путями, как у нас говорили, на краю ТВРЗ. Маршрут туда – через перекидной мост, а можно и через линию, как мы с мамой неоднократно и ходили.

Ну что ж – прятались, скакали, стреляли, на лыжах с горки... А хоть где-то плескались, кроме как в лужах, плавать-то умели? Ну конечно. В том самом пруду, до которого зимой доезжали на трёхместных санках. Он почти на углу Кронштадтской и ещё одной, с частными домами, Железнодорожной, параллельной нашей. Ориентир – железобетонная башенка, с царских времён до недавних пор без единой трещинки. (Вот бы нынешним строителям-штукатурам разгадать секрет тогдашнего бетонирования.) От нашего дома до пруда – метров сто пятьдесят, от соседнего – ещё меньше. Вода – чистейшая, но прохладная, потому что родниковая. Но ничего, не простужались. А башенка с давно оторванной дверью как раз предназначалась для насоса: вот эта чистая вода куда-то там шла – к железной дороге, может быть, даже по Кронштадтской до Введенской церкви на углу Базарной. Нельзя же оставлять храм без чистой воды. А улицу эту, Кронштадтскую, называли ещё более предметно – Труба. Спросите у краеведа Горелова – подтвердит. И мама, отправляя дочку, сестру мою, в школу, говорила что-то в этом роде: или «иди по Трубе», или «не ходи по Трубе». В зависимости, наверное, от погоды.

Так вот о купании-плавании. В этом самом овальном и очень глубоком в середине пруду

мы у восточного бережка, где помельче и откуда, кстати, вытекает ручеёк, и учились плавать. Не брассом или баттерфляем, а «по-собачьи». Что интересно, без инструкторов или родителей, а под присмотром старших товарищей. И никто не тонул. А плавать научились.

А вот зимой как-то один конфуз случился. Юрка Иванов, друг тоже мой из соседнего дома, провалился в небольшую прорубь. Слава богу, недалеко от берега. Зачем там эти дырки во льду рубили – понятия не имею. Зимней рыбной ловли вроде бы не было – караси водились всего-навсего... Возможно, некоторые хозяйки из ближних домов воду там брали для домашних нужд – водопровода-то им ещё не провели... Вот Юрка и ухнул сквозь тонкий ледок. Сам вылез или ребята помогли – но домой он бежал рысцой мокрый по пояс. Недалеко, но на второй этаж. И ничего, всё обошлось. А мы про это себе на носу зарубили.

Сейчас, конечно, пруд угроблен, зарос по берегу камышом, чего раньше и близко не было, но караси ещё, местные ребята говорят, остались. Я бы, будь владельцем хотя бы одного из нынешних коттеджей, замков и других шикарных особняков на Кронштадтской и вдоль бывшего луга до Лермонтовской, уговорил соседей сложиться и очистить-окультурить водоём для детишек, экологии и вообще для красоты. Это ж надо, будут туристы говорить: такое озерцо в старой части города!

И ещё кто-то спросит: а на Цну-то ходили? Конечно. Тем более что она не была такой камышованной по берегу и по дамбе, как сейчас. Купался народ где угодно. На ту сторону – кажется, за 15 копеек – перевозил специальный лодочник. Отец наш всю семью водил под вечер – пешком по Кронштадтской, потом по Ленинградской, и выходили к реке возле суворовского училища. Это где – суворовское-то? А там сейчас ТГТУ, напротив кафе «Карина». Спускались к воде, и нас тот лодочник переправлял на правый берег. Но пруд мне всё-таки больше нравился.

И, кстати, тот непересыхающий ручеёк не куда-то там бежал вдоль Трубы, а впадал в большой ручей, который тоже булькал по Пролетарской, аж от самого «Ревтруда» (а может, и ещё западнее), под Интернациональной (мост тут каменный был, ничуть не меньше, чем нынешний на

Советской над Студенцом) и куда-то на юг – где Астраханская... Не Ржавец ли? Ну а тот, что на Пролетарской струился, – он давно загнан в трубы, как и Студенец частично, и течёт или не течёт сейчас, не в курсе.

НУ А КАКИЕ ещё дары природы были, кроме чистого пруда с родниками? Вот тут опять вспомнишь: как хорошо мы плохо жили. Потребляли много, так сказать, витаминов, которыми аптеки и родители нас не баловали. Рвали их. Например, с удовольствием кашку ели. Так называли розовые цветочки клевера. Рос где попало. А ещё – пышки, похожие на маленькие пуговицы, семена какого-то невысокого, без стебля растения почти с круглыми листьями. Рвали что-то цветущее с того самого канадского клёна, который был опорой для волейбольной сетки. А ещё – колубарышня, непоспевшая, бледно-зеленоватая. Так наши старшие сёстры называли боярышник, которого много было в палисаднике возле железнодорожного техникума и белого дома рядом. Ели не поштучно, а горстями. И ничего ни у кого – ни диареи, ни других расстройств.

А мальчишек-девчонок, напомним, во дворе было много. Для сравнения – один из нынешних дворов на несколько домов: трёхэтажный, в пять подъездов, такой же напротив во дворе – на два подъезда и рядом ещё дом, а закрывает площадь от бешено застраивающегося квартала красивая, в шесть подъездов шестизэтажка. Вот ближе к ней как бы детская площадка – с качелями, каруселями. Количество ребят примерно одного возраста, от девяти до двенадцати, которые сыграли бы в штангер или прятки, – ну, двое-трое... И не очень-то получится с такой малолюдной демографией в этом квартале сбоку от Октябрьской.

А у нас тогда... Домов поменьше – и ни качелей, ни каруселей. Сейчас посчитаем: из мальчишек, моих ровесников, – упоминавшийся Мишка Сычёв, семья его, мама и сестра, жила в построенном на наших небольших огородах как бы общежитии. Колька Патрин – из соседнего дома. Оттуда же – Юрка Иванов. Приходили из белого дома Лерка Стрельников и Жорка Перегудов. Девчонок же – побольше: Милка Осадчая, над нами жили они. Томка Холоднова, Людка

Петровская и сестра Маринка в другом подъезде, Алка и Танька Артём (фамилия такая), та же Галька Дудкина... И ребяташки помладше – Серёжка Грибанов, Жорка Ледовской, Люська Костикина... Сколько? Немало. К нам подключались (или мы к ним – смотря какая игра-забава) ровесники моей сестры.

Печальный момент, но мы об этом не думали: по меньшей мере у пяти девчонок – подружек нашей Нелли – мамы были вдовами. И три из них жили на втором этаже в одной вроде как коммунальной квартире – общая большая кухня с печкой, а остальное – по комнатке. Но у Гали Счастливецовой была ещё бабушка – Лидия Карловна, они из Ленинграда выбрались. А в соседнем доме жил Александр Карлович. Так вот с этими Карлами – знали: у них немецкие корни. Но мы их, пожилых, уважали, а они, наверное, нас.

Соседями же Александра Карловича по подъезду, на втором этаже, были ещё две вдовы и сыновья их, хорошие ребята, – Толька Дуванов и Юрка Паньшин. Все эти мамы, в отличие от наших, где-то работали (но не железнодорожниками) – семью-то содержать надо.

Ну и об именах. В силу необразованности я думал, что Мила, Люда, Люся – девочки с такими вот разными прозваниями. Потом дошло: все они – Людмилы. А в белом доме, напомним, обитал Лерка – тёзка мой, оказывается. Ну вот, значит, все мы – Лерки, Людки, Кольки и другие – бегали, прыгали, стреляли... А не конфликтовали? Не оскорбляли друг друга? Не употребляли ненормативную лексику? Может, в азартных играх и были какие-то столкновения, но насчёт ныне популярного у многих девушек и юношей словаря – тут всё чисто. Знали мы, конечно, какие-то непечатные выражения, но не употребляли, особенно в присутствии Мил и Люд. Тут надо сказать, что отцы наши в двух домах ничего такого себе тоже не позволяли – во всяком случае, в нашем присутствии. И не пили так, чтобы шатаясь-валяясь являться домой. Не знаю почему, но это, честное слово, так.

А В ШКОЛУ-ТО как? Да никак. Почему-то мы этим не были озабочены, не рвались к алфавиту и ничего не знали про то, как «мама мыла

раму». Что странно, и старшие сёстры и братья не приставали с букварём. Вот близко к азбуке только и было, кажется:

А и Б сидели на трубе,
А упала, Б пропала,
Кто остался на трубе?

Ну ясное дело – никто. На самом же деле И осталась, потому что трое их сидело: А, И, Б.

Может быть, только Милка Осадчая кое-что и освоила для преодоления в будущем вершины знаний. Дело в том, что папа её, Мартын Михайлович, был юристом на «Ревтруде», а мама – учительницей, и вроде бы по русскому и литературе. Наши девчонки постарше у неё и учились в 65-й школе, железнодорожной тоже, на Ленинградской.

Никаких наставлений, родительских советов, передачи опыта старшей сестры – ничего такого нудного не было. Папа мне говорил лет за пять до школы, что у меня хорошая память. Он брал малыша на новогодние утренники. И там я читал стишки, которые заучил с подачи родителя. Сейчас, конечно, всё забыл. А тогда в узловом клубе (потому что – железнодорожный узел у нас), который метрах в ста от вокзала, сбоку от папиного депо, меня ставили на табуретку, и я разражался поэзией – наверное, из отцовского детства, из 20-х годов – папа-то с 1913-го.

Ну и ещё о новогодних радостях. Только уже не утренники, а, скажем так, вечерники. Не знаю, откуда это, но была в наших двух домах традиция: устраивать детские торжества – мальчишки и девчонки гостями были.

Да, ёлка – сосна большая, под потолок, на ней стеклянные игрушки, но немного их, и какие-то самодельные картинки, куклы, орехи... Раздавались и подарки – что-то кондитерское: конфеты, печенье, какая-нибудь домашняя выпечка. По сравнению с веком XXI – ну очень скромно, о чём мы и не догадывались. Помню, ёлка у Трухачёвых – у подружки Нелли, в соседнем доме. Девочки уже большие – они сами клеили пакеты для подарков, разрисовывали их, и там, конечно, соответствующий набор. Приглашали же обычно человек пять-шесть подходящих по возрасту, дошкольному ещё.

У Дудкиных, в том же доме, – всё хорошо, а ещё – необычно! – Галя дала как бы концерт: играла на скрипке. Это ж где ещё услышать такое?!

У Петровских (в нашем уже доме), где Людка и Маринка, тоже что-то новгоднее было. И мои родители не раз устраивали ёлку. У Ивановых – которые наши соседи – тоже.

А Грибановы сделали так: песни, пляски, какие-то игры, загадки-разгадки... И вдруг – стук в окно, на первом этаже-то... Отодвигает мама Серёжки шторку, а там, за стеклом, бородастое

лицо – ну да, Дед Мороз. А чтоб его лучше видели – свечка горящая в руке... Первый раз я, кажется, даже удивился, и сильно, а на следующий Новый год мы уже радостно смеялись. Ну и Дед Мороз, обозначив свой приход, шёл к нам, и он же, Иван Петрович Грибанов, раздавал из мешка подарки.

Сейчас в многоэтажках – ну, скажем, на девятом или на пятом хотя бы – очень трудно такой сюрприз детям устроить, у окна-то да со свечкой.

И ВОТ ЯНВАРЬ, февраль, май, лето в лужах и прятках... А там и 1 сентября. Это я к началу первого в жизни учебного года, 1950-го. Напомню: почти все мы были безграмотными. Ну что – у наших пап-мам, может быть, начальное образование, а у кого-то, знаю, и того меньше. Ничего удивительного: в те годы, и особенно раньше, многие даже государственные деятели имели «аттестаты» после двух-трёхклассного обучения. У моей мамы – четыре в Малой Талинке, а у папы – семилетка в Тамбове. Ещё, правда, какие-то курсы в самом конце войны в Москве, после которых он как раз и стал начальником вагонного депо.

И вот родной отец где-то в конце августа отвёл сына в 51-ю школу, где меня и записали в первый класс. 1 сентября родитель проводил туда же и после уроков встретил. 2 сентября ничего такого не было – домой я шёл сам. Не помню, каким маршрутом, но не заблудился. Потом узнал: папа где-то в засаде ожидал моего выхода и отслеживал, куда я и как. Всё получилось у сына нормально.

А где эта 51-я, да ещё мужская? Да рядом – рядом с Казанским храмом и за памятником Зое Космодемьянской. Километра три от дома. Сначала до вокзала, дальше – по Интернациональной. Потом уж с Колькой Патриным выбрали путь вроде покорооче – по Кронштадтской, на Ленинградскую, ещё на Комсомольскую и к Советской, где «Модерн» (Звезда), а тут уж чуть-чуть. Пешком, конечно. Утомлялись? Да нет – о чём-то говорили, фантазировали, рассуждали, как далеко ещё до десятого класса: учиться, учиться и учиться... А осенью, когда уже морозики начинались, любили ходить по Интернациональной, потому что там вдоль гранитных бордюров на булыжной (да-да,

не асфальт ещё) мостовой лужицы покрывались льдом. По этим каточкам длинным и – гораздо быстрее – приближались к школе.

А почему так далеко? А потому... Школа-то железнодорожная, и куда же ещё пристраивать мальчишек из таких семей? Правда, у нас были ученики, чьи родители никакого отношения не имели ни к путям, ни к паровозам, ни к ТВРЗ. На втором или третьем этаже, между прочим, висела такая растяжка: «СССР – железнодорожная держава». Что такое «держава» – понятия не имел, а в остальном – полная ясность.

А уставали? Приходили после уроков и с ног валились? Да ничего подобного! Песенка такая есть: почему я не болею, почему я здоровее всех ребят из нашего двора? Потому что утром рано заниматься мне гимнастикой не лень... Ну уж не знаю, кто спозаранку её успевал и успевает делать, но нам упражнения заменял этот короткий маршрут. Вместо зарядки.

Вставали, конечно, рано. Меня мама будила. А её и папу поднимали... Нет, не будильник (и не было его), а заводские гудки. Очередность не помню, заводы же остались в памяти: «Ревтруд», ТВРЗ и имени Кагановича (ЗПС нынешний). В шесть первые гудки, следующие, может быть, через пятнадцать минут, через полчаса – другие... Не проспи, токарь или слесарь, на работу, а мы – и на уроки.

Про будильник я уже сказал. Но у нас (и не только – это уж точно) и других часов не было. У папы лишь на руке. Поэтому время иногда спрашивали по телефону. Вот аппарат этот в семье у начальника депо точно был. Никаких шестизначных номеров не существовало, гораздо меньше – надо было снять трубку и сказать «барышне», чтобы с кем-то соединила. Она и соединит.

Вот как-то занятая мама вечером сказала мне, совсем ещё мальчишке, но уже умеющему говорить, чтоб позвонил и узнал, который час.

Телефон висел на стене, трубку сняла мама, и я, употребляя свою орфографию, спросил:

– Тётя, сколько время?

– Целое берем, – ответила, наверное, с улыбкой этому мальчику тётя.

Я понял? что-то не то, но что именно это «берем» – не сообразил и передал ответ маме.

Она как бы усмехнулась, но выяснять отношения с «барышней» не стала.

А первые часы – наручные – появились у меня к окончанию десятого класса, то есть лет через пятнадцать после того «беремя». Настенные же – раньше, в 1954-м, в Монголии, о которой я ещё расскажу. Такие ходики – с цепочкой, маятником, гирькой, очень симпатичные. Но всё равно в школу меня и брата Колю будила мама.

И ещё о гудках, но не о точном времени. Над нами жил с семьёй – женой и дочкой Любой – машинист дядя Лёша. Наверное, они все любили друг друга, а дядю Лёшу ждали с нетерпением из очередного рейса. И у них была договорённость: когда его паровоз приближался к станции, к вокзалу (это с юга, со стороны Саратова) и проезжал уже мимо дома, то какой-то определённой подачей паровозных гудков дядя Лёша давал знать: еду, мол, я! Ну, может быть, тётя Лёля что-то на печку срочно ставила, самовар разогревала... А нам, ребятам, эти сигналы тоже нравились.

ВОТ ТАКАЯ, значит, у меня неблизкая школа. А была ещё одна ж/д – 52-я. Она за перекидным мостом, за линией, ближе к улице Гастелло (так она тогда, наверное, и называлась), куда после переехал наш железнодорожный техникум. И там учились мальчишки с нашего двора. Но отец, наверное, посчитал, что 51-я – посолиднее (наверное, так и было), и пусть Валерик здесь получает знания. И хорошо, что так. Тут уже учились тоже хорошие ребята, упоминавшиеся Юрка Панышин и Толька Дуванов.

А сестра моя и несколько её подружек ходили не так далеко – на Ленинградскую, не доходя даже до Пролетарской, – в 65-ю, тоже железнодорожную школу, но женскую.

Насчёт вот этого отраслевого принципа: ж/д, не ж/д – не знаю, как и когда всё сложилось, но ведомство такое было. И наши отцы, особенно если командные должности у них, ходили в форме – китель, брюки, сапоги – и с погонами. Зимой ещё шинели и шапки-ушанки. Кстати, в этих шапках, уже поношенных родителями (может быть, слегка ушитых), мы с Колькой ходили в холодное время в школу. И ничего. Хотя как-то в автобусе какой-то весёлый пассажир, увидев такое на голо-

вах мальчишек, сильно удивился, рассмеялся – но не обидно. Кстати, добавлю о транспорте: иногда мы в школу от вокзала ездили на автобусе, но почему-то нечасто. Или долго ждать его (опоздать на уроки можно!), да ещё в нём чуть не задавят тебя, или, может, идти-то приятнее по свежему воздуху, по красивой Интернациональной, где, начиная от Пролетарской, у каждого дома были хорошие палисадники с чугунной оградой. И по чётной, и по нечётной стороне.

Я не оговорился: действительно попал в мужскую школу. Да, наша 51-я – для мальчиков, а 7-я, например, – девочкам. И так далее по всему городу. А 65-я, где сестра училась, – тоже женская. Двухэтажное бревенчатое строение (зданием не хочется называть) с печками. Не так уж давно это место заняли солидные особняки. А начинала Нелля учёбу на Кронштадтской в полутораэтажном сейчас здании, которое сбоку и позади 9-й школы. А принадлежало оно когда-то церкви.

И ВОТ я пришёл в 1-й «А», сел за парту, а в классе – аж под сорок ребят. И ни одной девочки, не как во дворе...

Но ничего. Пережил. Ребята неплохие, другом моим так и был Колька Патрин, и ещё двое на долгие годы и до сих пор – Валька Гурьянов с улицы Максима Горького и Борька Бровин с Базарной... нет, Сакко и Ванцетти.

Смутно помню, в каком порядке мы осваивали азбуку, но – без проблем. И первым художественным произведением для меня был «Гадкий утёнок». Да, как сейчас помню – Ханс Кристиан Андерсен, датский писатель (1805–1875). Читал я по слогам, полулёжа на кровати, в присутствии сидевших недалеко родителей. Была бы моя воля, я б порекомендовал мальчикам для первого чтения что-то поинтереснее, тем более что городские дети не очень-то и представляют, что такое птичий двор.

Ну а учительница – Екатерина Фёдоровна Мед... То ли Мединская, то ли Медникова – всю-то фамилию мы не видели, в дневнике лишь три буквы в подписи, а дальше хвостик. Хороший педагог. Грех жаловаться, тем более что учился я хорошо. Один раз только она оставила меня

после уроков: какую-то прозу я не доучил, чтобы пересказать, вот и дозубривал. А вообще-то – не только со мной так, с каждым, с любым, у кого не всё ладно получалось. Не на родителей и не на репетиторов это перекладывалось.

Строгая? Ну, наверное. А как же с сорока мальчишками-то? Но не орала, не стучала пальцами по лбу или линейкой по голове. В угол ставила или из класса выгоняла? Не помню. Родителей – один случай в голове отложился – вызывала для разборки тут же, в классе. Моих – нет. И понимала, как хорошо мы плохо жили. Случай был: кто-то посмеялся над одноклассником, у которого на локте рукав был заметно заштопан. Кстати, не только у него одного. Екатерина Фёдоровна прошептала нас: это нормально, главное же – чтобы и рукава и брюки на коленках были чистыми, хоть и с залатанными дырками. Мальчик этот с фамилией крупного государственного деятеля окончил десять классов с золотой медалью. Ну а школьную форму мы ещё не носили – не было её.

А брюки, наверное, почти у всех были с карманами. И почему-то тянуло туда засовывать руки. А Екатерина Фёдоровна следила, чтобы мы так не ходили – почему-то это считалось неприличным. А я и не засовывал. Может, штаны-то мои были без карманов.

И насчёт обуви. По сезону – в ботинках ходили, с галошами, в ботах и валенках. Ни бахилы не надевали, ни во что-то другое не переобувались. А в классах, в коридорах, на лестнице было чисто. И почему? А потому, что на улицах грязи не было – той самой, которую чистюли-снегоуборщики разводят на тротуарах, – соль и что-то другое и вредное.

И ещё я помню, что учительница ничем, помимо программы, не докучала, не говорила ни о политике, ни о патриотизме, а также о товарищах Ленине и Сталине.

Кстати, когда его не стало, мы восприняли это как-то не трагически, не со слезами на глазах... И наставница наша не была печальной. А когда всех построили длинными шеренгами по классам в актовом зале на третьем этаже, чтобы, наверное, отдать дань памяти, сбоку от нас мальчишки из другого класса как-то слегка схулиганили, а остальные захихикали.

И ещё кстати. Дома в шесть утра нас, всех Седых, разбудил настойчивый стук в дверь (звонков-то не было). Оказалось – плачущая, чуть ли не навзрыд, соседка тётя Дуся Иванова. Она-то и сообщила: Сталин умер! Радио в шесть начинало говорить. Как ни странно, ни папа, ни мама не зарыдали, не пустили слезу, ни сестра, ни шестилетний брат Коля, а родители вполголоса обменялись какими-то репликами. Может, они оба вздохнули с облегчением. Я же не знал, сколько железнодорожников в тридцатые, да и позже, определили во «врагов народа». Между прочим, у нас дома никаких портретов вождя не было. И в классе не помню.

Ну и – от сталинизма к атеизму. Удивительно или не удивительно, но Екатерина Фёдоровна религию на уроках не хаяла. И на переменах тоже. Не говорила, что это опиум... Мы знали, что посещение октябрятами и пионерами церкви всячески пресекалось, а на Пасху учителей (по очереди, наверное) заставляли как бы дежурить у Покровского храма и отлавливать таких-сяких учеников. Думаю, вряд ли Е. Ф. с охотой этим занималась, так как у неё, вероятно, сохранились частично ещё старые убеждения. Она была явно постарше моего отца – он, напомним, с 1913-го, – и в детскую душу Катеньки что-нибудь запало. Как и у моего папы: он, например, всячески помогал маме, откровенно верующей и беспартийной, готовиться к Пасхе. Добывал где-то краску для яиц, делал форму из фанеры для творожного блюда (кажется, тоже пасхой называлось) и что-то ещё, в результате на семью получалось шесть-семь куличей и куличиков разных размеров. А меня даже два водили (но не партийный папа) к Петропавловской церкви вечером – куличи святить. Но тут, наверное, я ещё даже октябрёнком не был, а только, о чём уже говорил, крещёным.

А книжечки после «Гадкого утёнка» ещё читал. Дома-то их не было, и не только у нас. И в первом классе с родителей собрали деньги и всем раздали четыре тоненькие как бы брошюрки – сказки, рассказы... Конечно, я их все и прочёл.

И ещё об учительнице. Были в школе и другие педагоги. Мы – 1-й «А», а в «Б» ребят учил крупный мужчина, наверное, участник войны. Нам в «А» было как-то непонятно: дядя, а детей

учит... Кстати, в этой 51-й, которая потом стала 83-й, но тоже железнодорожной (поэтому-то и номера такие громоздкие), мужчин было немало. История, физика, астрономия, математика с геометриями-тригонометриями, русский язык и литература, двое по физкультуре... Сколько их, мужского рода, в других школах было – не ведаю.

А в четвёртом классе, в самом конце, но ещё не сдав экзамены (да-да, по двум, помнится, предметам), я расстался с Екатериной Фёдоровной и нашим классом. Без грусти, без торжественных проводов, без напутственных советов, без поглаживания по стриженной голове (так мы все ходили), без девичьих слёз (ах да – у нас девчонок и не было) – просто как-то незаметно. Я уезжал из Тамбова за несколько тысяч километров. Другая школа, другой климат, другие ребята.

Вот это и будут последние главки о счастливом детстве. Но уже без «плохо жили», честно скажу.

ПОРАБОТАЛ отец начальником депо, и тут молодых командиров производства (так уж, помнится, называли), большую группу, направили в железнодорожный техникум. Да-да, тот, что в трёхстах метрах от дома, где как раз палисадник с боярышником и где, в техникуме том, проходили разные выборы. Вот поэтому устраивались и концерты по выходным, на которые мы, ребята, с удовольствием ходили, усаживаясь на полу перед первыми рядами, поскольку мест ближе к сцене просто не хватало, хотя зал был очень немаленький. А в день выборов мы, ещё не электорат, всё равно приходили сюда, потому что там работал буфет и что-то необычно вкусное (по тем временам) мы могли купить. А ещё были лошади с санями. Это в марте. На них, кажется, развозили урны для голосования тем, кто не мог сюда прийти (болен, стар, инвалид и т. д.).

И вот после двух лет учёбы, вовсе даже не заочной и не вечерней, когда папе стукнуло всего-навсего сорок, ему предложили (или приказали) поработать в МНР – Монгольской Народной Республике. Три года. А раз так, то с семьёй.

Ну кто же откажется от такой заграничной командировки? И капитан железнодорожной службы (четыре звёздочки на погонах) отправил-

ся в Монголию где-то в феврале, а семья – в мае, наверное, из-за меня: учебный же год, а ехать до Москвы да за Байкал почти десять дней. Это ж сколько уроков пропустить!

Мама, братишка Коля, я и... ещё один братик уже давал о себе знать маме. Сестра не поехала, так как надо было окончить педучилище, после чего попасть на север Урала – своих воспитателей в детсадах там почему-то не хватало.

Столица нашей родины на меня особого впечатления не произвела, а сибирская дорога – да! Пересечение больших рек по огромным мостам – это впечатляло. А про Байкал, который мы объезжали по южному берегу, и не один час, по многочисленным тоннелям, и говорить нечего – это стало таким добавлением к счастливому детству, что до сих пор не забывается. И чистая байкальская вода – сосед по купе сбегал, принёс.

Километров двести от нашей границы – и станция Дзун-Хара. Отец на вокзале, поцелуй и объятия, наверное, его слёзы (папа был очень сентиментальным), метров двести до двухкомнатной немаленькой квартиры в финском домике, с мебелью, которая переходила от одного командированного к другому. Хороший дом на два подъезда, с торца каждый.

Вот тут уж не скажешь: как хорошо мы плохо жили. Просто хорошо. И с белым хлебом, и с шоколадными конфетами, и с зефиром, и с жирной копчёной воблой... А вот чёрный хлеб почему-то не продавали. Но мы его всё-таки ели – папа покупал. Надо было пойти на станцию к приходу какого-то поезда из СССР и у проводников купить. Небольшой такой бизнес у них: специально везли.

Отложилась в памяти сгущёнка – молоко, какао (самое приятное) и кофе (не очень). На рыбалку мы брали баночку, продёльвали в ней дырочку и устраивали себе завтрак, лёгкий перекус, доливая через ту дырочку речной воды из той самой Хары.

Красная икра продавалась, наверное, килограммовыми банками, а чёрная и крабы – в обычных консервных. Последних я как-то недооценил, за что, повзрослев, ругал себя. А ещё – Китай рядом, потому оттуда очень много товаров, чему женщины особенно сильно радовались.

А всё это изобилие – чтобы, наверное, показать монгольскому народу, ещё не шагнувшему из феодализма в капитализм, какая это замечательная штука – социализм.

Не буду вспоминать, как мы стали одеваться, во что обуваться и так далее. Лучше о нашем досуге – детство всё-таки.

Ровесников моих – ну и плюс-минус год-два разницы – оказалось очень немало. И Валерка Липаткин со станции Икша из Подмосковья, и Олег Заверюха из Мелитополя, и Борька Шипша из Кишинёва, и – из Тулы, Ростова, Омска, Ленинграда... Были ребята и местные, как их называли. Из деревни, хотя этот посёлочек за железной дорогой, почти у речки, деревней не смотрелся: какие-то неуклюжие домики, а совсем не избы, ни садов, ни полей – только луг вдоль Хары. И там обитали наши одноклассники.

Ну а самый-самый друг – это Витька Курикалов. Отец – китаец, школьный шофёр на «студебекере», мать – русская, уборщица в школе, а потому они и жили в этом самом учебном заведении – квартирka такая была. Как и для директорской семьи. С Витькой мы много-много времени проводили вместе, тем более что школа от нашего дома – три минуты ходьбы.

Так вот ещё: детство детством, а экзамены-то сдавать надо. Я только два полугодия за четвёртый класс окончил, а потом – путешествие за тысячи километров. И сдал. Хорошая учительница, молодая, симпатичная, что-то мне диктовала, я писал... Пятёрка.

А вот в этой самой советской школе, двухэтажной, я получил первую в жизни почётную грамоту с портретами товарищей Ленина и даже Сталина, поскольку шёл ещё 1954 год.

Ну и в пятый класс в сентябре пошёл, конечно. Не мужской школы, а смешанной. И был ли я шокирован, растерян – две трети девчонок почти на три десятка пятиклассников? Ни капельки. Воспринималось всё это просто, как с подружками во дворе. Тем более что (из-за почётной грамоты, наверное) я как бы повзрослел. Двенадцатый год уже шёл.

И ПЕРВОЕ монгольское лето. А игры?... Да почти те же, что на Железнодорожной. Правда, без штандера, без прятков, без рогаток и «я садов-

ником родился». Дело в том, что двора такого не было. Посёлок разместили в степи, в долине между сопками, которые почти окружали его. Единственный проход-выход природа оставила для железной дороги на юг – к Улан-Батору, на север – к пограничному Забайкалью.

Вот в этой степи и была построена наша хорошая Дзун-Хара, четырьмя небольшими кварталами. Дома по периметру, а в середине – та же степь: ни деревца, ни кустика. Правда, у клуба и школы что-то, и неплохо, росло – земля-то хорошая.

Так что, повторю, прятаться было негде, а вот в футбол, в лапту – на таких-то просторах – пожалуйста. С нами играли иногда и монгольские ребята, которые жили не в юртах (не кочевали), а в нашем посёлке: их папы-мамы где-то работали, а не пасли курдючных овец или верблюдов. Хорошие ребята, наивные, честные, и мы, нехорошие, пытались их обмануть, когда кричали «гол», хотя мяч пролетал сбоку от «штанги» (просто камня на земле). Но до разборок дело не доходило.

Кстати, их школа была рядом, но одноэтажная, деревянная, куда ученики из юрт приезжали на... лошадях. Не как мы. А пристраивали этот гужевой транспорт к длинному бревну – коновязи – у школьной ограды. На весь учебный день. Ребята из Союза – мы то есть, – повторяю, пешком добирались.

И ещё о посёлке. Улиц пять-шесть было, но ни одна не называлась, например, имени Чойбалсана или Сухэ-батара. И никакой путаницы безадресной не было.

Ну а главными нашими увлечениями были походы по сопкам и рыбалка. Мы просто, как бы сейчас сказали, спонтанно собирались и шли на эти возвышенности – рядом же: где метров триста, где четыреста до них. Занятно – вверх, вниз, по вершинам, как по лабиринтам, с одной на другую. То змею вдруг встретишь, то лиса сбоку пробежит, ёжики попадались, дикие голуби в большой трещине в скале, куропатки почти из-под ног...

С Олегом Заверюхой вдвоём ходили и на охоту – отец его разрешал брать малокалиберную винтовку. Но не везло, возвращались без добычи. А вот змею одну, от страха, в расщелине выстрелами прикончили.

Рыбалка... Такой азарт! Ходили по двое, по трое на Хару. Или днём и до вечера, или рано утром, навстречу солнышку, очень яркому, большому, которое как бы с опозданием появлялось из-за сопок.

Бамбуковых удочек или спиннингов ни у кого не было – не везти же из СССР. И как же? А так: в каких-то рощицах возле речки срезали длинную ветку или ствол с дерева вроде ивы, обдирали кору и, выпрямив, прибивали гвоздями на завалянку. Сохла. И вот тебе удочка – метра, может, три длиной. С ней и ходили – на плече или в руке. С лесками проблем тоже не было, как и с грузилами или поплавками. С последними вообще ничего такого: они, поплавки, не очень-то и нужны были в речке с быстрым течением. По дну ловили или без грузила, внахлёт, по поверхности воды с кузнечиком на крючке. А клёв... По дёргающейся леске или даже начинающему сгибаться концу удочки и определяли – схватила или ещё нет. Рыба в Харе другая, не тамбовская: самая-самая доступная, как наша плотва или красноглазка, – чебак, а ещё – ленок крупный, краси-

вый хариус, обычный налим, а более опытным рыбакам и таймень попадался.

Речка, повторю, почти горная, бегущая по камням-булыжникам и гальке, особенно-то не поплаваешь, тем более что вода холодная. Поэтому, если надо было перейти на другой берег – может, там лучше клюёт, – шлёпали по дну в ботинках, не разуваясь (потом высохнут), а вода едва коленок достигала.

Рыбачили часами и без добычи не возвращались. Еду – опять про сгущёнку – с собой брали, а воду... воду пили прямо из реки: ложились, опирались руками на гальку и прихлёбывали. Ни разу ни у кого ни живот не заболел, ни что-нибудь другое. Не Цна же.

И ещё увлечение – велосипед. Мне его купили впервые в жизни, марки ХВЗ – Харьковский велосипедный завод. Почти у всех моих друзей велики тоже были. И мы гоняли – по дороге неширокой, но не земляной или глиняной и не песчаной, а какой-то горно-грунтовой, которая никогда грязной и не была – всегда сухой. Тем более что не как на Железнодорожной – «дождик, дождик, перестань», – гроза-то там была, может,

раз за всё лето. Поэтому уже в марте и чуть ли не до конца ноября можно было устраивать велогонки по этой волнистой – из-за выходявших на неё склонов сопки – трассе.

А ещё – лыжи, хотя зима и недлинная, но морозная – иногда до сорока градусов. На физкультуре отходили недалеко от школы – и кругами, кругами по этой равнине. Обычное занятие. А вот с сопки вниз!.. В свободное от уроков время. Зимы в Дзун-Харе не очень снежные, сугробов не было, а толщина снега – ну сантиметров пять. Вот по этому слою с вершины или с середины сопки и мчались вниз. А кто побоязливей – пониже старт устраивал. А вообще-то, сейчас думаю, довольно рискованные спуски – скорость приличная. Но – ничего, как-то не очень падали. А ездили без лыжных палок – чтоб не проткнуться. Да, ещё деталь: вверх поднимались, как говорится, пешком, лыжи в руках. Не одолеть было на них эти подъёмы.

А ЧТО ЕЩЁ интересного? Ну, например, землетрясение. Где-то, помнится, в 1956-м. Это я уже на другой день узнал, что действительно трясло, а так... Вышёл под вечер из нашей детской на кухню, а там пол подо мной стал как бы дёргаться. У чайника на холодной печке (да, они были, дровами их топили) почему-то прыгала крышка, как при кипении... Тоже тамбовчанин, железнодорожник, дядя Володя Кузьмищев (рядом жили) потом рассказывал: часа в четыре утра слышал какой-то гул – тяжёлый, непонятный, пугающий... Но всё обошлось. А вспомнить интересно.

Со змеями не так хорошо. Не могу сказать, сколько штук мы видели этих гадюк, но не одну, не две и не пяток. В основном на сопках. На нас они не кидались, но было как-то неприятно. Поэтому ходили там не в сандалиях или шлёпанцах (о кроссовках и не знали ничего, как и о кедах), а в ботинках.

Тарантулы. Этих крупных ядовитых пауков – ну очень много, особенно по пути на рыбалку. Одного я поймал – двумя пальцами за спинку схватил. Принёс домой, посадил в банку, а он ночью убежал. Немного страшновато было: а где теперь это насекомое? Может, на

нашу детскую постель залезло... Нет, убежал тарантул куда-то.

Сусликов ловили – петлю возле норы ставили. Тушканчиков – ни разу, но видели мы этих красивых животных много. Орлы дважды попадались: пара молоденьких как-то парила над нами за Святой горой (о ней ещё скажу). А в другой раз большо-о-ой метрах в ста сидел на камне. Почему-то не взлетел.

Очень нравились верблюды двугорбые. Красивые, необычные, не то что лошади. Монголы пригоняли их целыми стадами к краю посёлка – по пути куда-то на день-два. Кто-то из наших слегка созорничал. И всадник на верблюде рысцой, не галопом, вроде преследовал нас, нескольких ребят, а мы спрятались где-то между сараями, куда верблюд пролезть не мог. И монгол повернул к стаду и поскакал... Нет, верблюды не скачут – они плавно вроде бы как бегут...

Как и лошади, небольшие, поменьше привычных наших отечественных. Вот на них-то на двухколёсных шарабанах или таратайках монголы и перемещались с места на место. Кочевали. Поживут на одной лужайке недалеко от реки (пить-то надо, да и скотину поить), в другое место перебираются. Разобранные юрты привозят, собирают их как шатры и живут. Без электричества, конечно, без канализации и т. п. Печки же какие-то посерединке этой «квартиры» были.

А мы-то хоть раз заходили в их жилища? Я – да. С товарищами. Приглашали нас всегда женщины, хозяйки. Мужья, небось, верблюдами и баранами занимались. Один раз во время неожиданно начавшейся грозы (мы на рыбалку шли), другой раз – просто так. Это в ста метрах от посёлка, но за каким-то «татарским валом». Чем-то женщина нас угостила – то ли каким-то бульоном, то ли каким-то верблюжьим молочком... И очень по-доброму улыбалась. Наверное, нравились мы им, такие ребяташки.

А что интересно, в наших компаниях девчонок почему-то не было. Ни советских, ни местных. Наверное, их папы-мамы считали всё это опасным. А нас, пацанов, кстати, обычно трое-четверо набиралось.

На охоту папа один раз брал меня и много раз на рыбалку. Стал он там заядлым рыболовом

и охотником, ружьё купил. Никого мы с ним тогда не убили – это рядом, на сопках, – но стреляли. А сам он с кем-то из товарищей много чего привозил: и тетеревов, и гусей, и зайцев... Может, ещё кого-то, а вот что касается тетереватины – самое вкусное мясо.

О чём не могу не вспомнить ещё – это о Святой горе. Так её у нас называли. Может быть, и не святая, но какая-то необычная. Во-первых, возвышалась в середине долины, одна, без каких-то вокруг и около других взгорьев. Во-вторых, поднималась она как сопка, а дальше шли вертикально стоящие скалы. Вот, наверное, на них-то и гнездились орлы.

Но самое интересное – как бы легенда: вроде с плоской скальной вершины, как с трибуны, Чингисхан и устроил смотр своих войск перед походом на запад, чтоб нам иго навязать. А могучая конница – и кто-то там ещё могло быть – как раз и расположилась вокруг этой горы, на месте будущего нашего посёлка.

Мы как-то не интересовались тогда, не спрашивали у монголов, была ли это «торжественная линейка» или русские придумали. Но нынешняя монгольская молодёжь, которая в ТГТУ училась (и учится, наверное), не в курсе дела. Ну и ладно.

И ещё: не знаю почему, но мы, мальчишки, ни разу за три года туда не забрались. Как бы далековато всё-таки до горы и высоковатое по сравнению с обычными нашими восхождениями. Но один мой приятель и сосед, Колька, в домике рядом и напротив (отец – интеллигентный монгол, без верблюда, а мать – русская), рассказывал, что был там. В одиночку – вряд ли, а с кем – я не уточнил. Так вот якобы у вершины – какие-то ходы-пещерки в скалах... А в них что-то вроде религиозной, буддистской, утвари – посуда и т. п. – ламы оставили, когда их новая власть в 20-х, как и у нас, разгоняла. Но почему-то Колька не предложил туда сходить, а я не настаивал, не намекал – так всё и осталось загадкой.

Между прочим, на ближайших к нам сопках, метрах в трёхстах и даже меньше от нашего посёлка, мы такую храмовую утварь не раз находили. Что-то вроде чайников, чашек-бокальчиков и т. п. из тонкого металла (меди, латуни?). Мы устраивали развлечения: с вершины сопки

швыряли куски сланцев (это слоистая горная порода), чтоб они катились вниз – всё быстрее, быстрее... Очень занятно. Иногда слышался какой-то звон: значит, сланец налетел на остатки ящичка из тонких дощечек, в котором как раз и была та утварь. Делили по-товарищески и несли домой. В чулане у меня накопилось такой посуды штук пять. Собирался привезти в Тамбов – ребятам во дворе показывать, а может, какой-нибудь Людке-Милке подарить... Но папа почему-то в наш багаж, в большие ящики-то, не уложил. Или уже места не хватало, или боялся, что через границу такие реликвии не пропустят. А я бы с удовольствием и сейчас это хранил и любовался.

Ну а что бросалось в глаза на этой Святой горе – выложенный на склоне раскрашенный большими камнями лозунг, что-то вроде «Да здравствует советско-монгольская дружба!». На двух языках. Хорошо справа видно, когда поезд отходит от Дзун-Хары в сторону Улан-Батора.

ДВАЖДЫ и впервые в жизни был в пионерском лагере. В двух, точнее. После пятого и шестого классов. Почти в горах, у лесистых сопках, возле быстрых речушек... Экзотика! Вот тут-то после завтраков-обедов, шахматных конкурсов и чего-то ещё обязательного мы проводили время. На природе. Бродили по этим возвышенностям, совсем не голым, как возле Дзун-Хары. Ходили по речушкам, протекающим возле лагеря (а как же без воды-то? Водопровода туда не проводили ещё). С пионервожатыми интересные прогулки тоже совершали.

А вот кедровые орехи употребляли без этих старших товарищей. Да, уж чего-чего, а кедров на сопках и между ними было много – не ливанских, конечно, а сибирских. Мы изобретательно сшибали эти большие шишки и... Дело в том, что лагерные смены – это летние месяцы. То есть орехи ещё не успели и созреть. Это ближе к концу осени заготовители с большими деревянными молотками, вроде кувалды, ходили по сопкам и били по стволам. Шишки и падали, готовые для еды и для продажи.

Мы поступали по-другому: разводили небольшой костёр (откуда у ребят спички – понятия не имею), бросали туда шишки, они как бы

жарились, раскрывались, и мы извлекали оттуда вполне съедобные орешки.

И ещё о кедрах. О смоле. Знающие люди её собирали-сдирали с этих деревьев, выпаривали-вытапливали потом, и получалась жвачка. Не помню, была ли она у местных русских и, значит, у наших одноклассников, а вот китайцы (нет, как раз не монголы) ею торговали. На рыночке у вокзала. Сколько такой шарик стоил – один или пять «рубель» (так уж они выговаривали в общем-то невысокую цену), но мы запросто у них эту смолу покупали. И жевали. Как чёрный вар на родине. Но кедровая жвачка лучше – для чистки зубов. А чем-нибудь ещё чистили – пастой, например? Понятия не имели – не было её ещё. У Маяковского-то вот как:

Если мальчик любит мыло
И зубной порошок...
И я такой.

Жаль, что кедры под Тамбовом не растут. Поэтому остались только в воспоминаниях. А вот орешки – пожалуйста, есть в продаже.

Ну а китайцы ещё и кумыс продавали – ездили с бочками по Дзун-Харе и что-то выкрикивали. Мама или папа покупали. Что это такое? А кобылье молоко, очень полезное. В первом пионерском лагере нам в полдник давали по кружке. Я столько там выпил, ну и от китайцев тоже за три года, сколько и близко не поимел в следующие пять-шесть десятилетий. А жаль – сейчас бы ещё здоровее был.

Ну и ещё о хороших китайцах. Мы их всех: и на рыночке, и с этими бочками – почему-то звали так: Миша. Им, наверное, больше нравилось.

Орехи орехами, а вот другая планета – это, конечно, событие. Больше такого я, да и другие миллиарды жителей Земли, наверное, не увидят. Год 1955-й, первый мой пионерский лагерь, и где-то в июле-августе, к концу лета, какое-то стояние-противостояние (или ещё это как-то называется) – Марс. Да, очень необычная ситуация. Огромный-преогромный шар, крупнее полной луны, к вечеру появлялся над вершинами наших небольших, но всё-таки гор. И, как говорится, висел или стоял. Пугающе даже. Никто нас из взрослых не предупредил о возможном облу-

чении или ещё о чём-то, но мы, пацаны, глядели на эту планету с опаской.

Всё вроде обошлось. Но такое астрономическое явление позабыть нельзя. Как и землетрясение.

КОЕ-ЧТО добавить надо об этой вольнице – пионерских лагерях. С ними как раз связаны наши – мальчишеские – вокальные увлечения. Да, да, не только как на Железнодорожной, «дождик, дождик, гуще, чтобы травка гуще», но и что-то посolidнее. И исполнение я услышал не от взрослых, а от ровесников из разных городов СССР. Вот это самое, что потом, уже в 90-х, наверное, звучало по радио в передачах Эдуарда Успенского «В нашу гавань заходили корабли»:

В неапольском порту
С пробойной в борту
«Жанетта» поправляла такелаж.
Но прежде чем уйти
В далёкие пути,
На берег был отпущен экипаж.

Ну и – идут, сутулятся, по тёмным улицам... В общем, всё с подробностями, четыре очень маленьких куплета, без всякой ненормативной лексики, но как-то азартно, захватывающе. С тех пор и помню. А пели, конечно, как говорится, между собой, не при наших лагерных пионервожатых.

Кто-то может заметить: что же это, мол, товарищ, путаешь! «В кейптаунском порту», а не «неапольском»... Наверное, так, но мы почему-то Неаполь использовали. Благозвучнее, что ли, да и легче произношение, когда тебе всего-то двенадцать лет...

А вот из патриотических песен тоже одна запомнилась. Ещё до Монголии. Это где-то во втором, в третьем классе нас с ней познакомили. Уже пожилая учительница пения (потом мы её не встречали) рассказывала о композиторах, что-то играла на рояле в актовом зале. А потом и эта песенка...

Коричневая пуговка валялась на дороге,
Никто не замечал её в коричневой пыли...
Ну а ребята шли гурьбою,
Алёшка там больше всех пылил...
Случайно ли, нарочно, того не знаем точно,
На пуговку Алёшка ногою наступил...

Очень как-то захватывающе, тем более что – «и так шпион был пойман». А Алёшке... «за маленькую пуговку ему большой почёт!» Все семь куплетов до сих пор помню.

И вот тогда, мне кажется, как раз совпало с «в неапольском порту» – стал я как-то отступать от детства. А тут ещё с этим Витькой Курикаловым мы влюбились в одноклассницу – в Лариску Шумскую. Ни одной девчонкой в СССР не увлекался, а в МНР – на тебе. Отец её, между прочим, был машинистом паровоза, и до этого они ездили даже в КНР, в Китай, – тоже командировка. Лариса показывала нам фотографию и какой-то текст про своего папу в журнале «Огонёк». И вот влюбились прямо оба, но об этом она, кажется, и не подозревала. А ревновали её к Валерке Сидорову, моему соседу по парте, – как же без ревности? Уехать же она должна была в Воронеж, совсем рядом с моей родиной... И я не догадался ни ей оставить свой адрес или у неё попросить координаты, ни у Витьки ничего не взял... Ни у кого! А жаль. Как они там, мои товарищи, кем стали и где?.. Грустно всё это.

И ещё детство начало как бы отступать, потому что уже осенью, в год нашего приезда в Дзун-Хару, появился на свет брат Андрюшка, которого мама как бы тайком перевезла и через Обь, Енисей, мимо Байкала и через границу. Так я же должен был уделять братишке внимание. Всё-таки будущий генеральный директор завода «Электроприбор» в Тамбове... Катать его на санках, гулять возле дома... Какое уж тут собственное детство?

Ну а в марте 1957-го отец оставил свою должность в вагонном депо станции Дзун-Хара, и мы благополучно – через те же реки и озёра – вернулись в Тамбов. Ехать было нескучно: в вагоне целая компания мальчишек и девчонок подобралась.

И тут-то тот же двор, квартира в том же доме, но в другом подъезде. Те же девчонки и мальчишки. Но уже не счастливое детство, а, наверное, юность (или как ещё?), поскольку меня где-то в конце учебного года, семиклассника, приняли в комсомол. Пионерия же моя как-то незаметно прошла.

А школа та же, но уже не 51-я, а 83-я, всё ещё железнодорожная. И класс – теперь «Б», а не «А» поскольку в Монголии начал учить немецкий, а мои прежние товарищи увлеклись английским. В классе новом теперь и Макарова, и Михайлова, и Зубрева, Широбокова, Пономарёва... В общем, смешанный коллектив, чему я совсем не удивился после дзунхаринских трёх лет.

А потом она, школа эта, стала многим очень известной 32-й. Совсем не ж/д, но всё ещё «за Зоей». Теперь и с таким номером школы нет – совсем нет. Что-то церковное. Как очень грустно заметила моя знакомая:

– А где же мы, бывшие одноклассники, будем теперь встречаться?

Нигде.

А с номерами домов... Так было: счёт по Железнодорожной от вокзала – по одной стороне. Поэтому и 24-й, 25-й... Сейчас наоборот, как положено: с юга, почти от Лермонтовской, к вокзалу – наш дом 8-й, а соседний – 10-й. Сходите посмотрите, кому интересно.

И ВОТ ПОЧТИ МЕМУАРЫ. А надо ли? И кому? И подумал: а если я не напишу, не расскажу о нашем послевоенном детстве, о необыкновенном дворе и многом-многом другом – кто ещё вспомнит то время, 40-е и 50-е? А может, кому-то даже помоложе нас, детей войны, будет интересно?

И ещё: так вышло, что из нашего подъезда на пять семей стали пишущими я, газетчик с 1965 года, и тот самый Олег Осадчий. Не знаю его жизненный путь с Железнодорожной и дальше, но известно: стал писателем и был даже заместителем редактора солидного журнала «Волга» в Саратове. Мою известную юмореску «Стеклотара», кстати, там напечатали в 70-х, но не через Олега. А его рассказ я давал в «Комсомольском знамени», тамбовской молодёжке, когда стал там редактором, в середине 70-х. Текст приносила его мама, бывшая, значит, соседка.

Так, может, и он что-то где-то навспоминал о счастливом детстве? Не знаю...

Валерий СЕДЫХ

Александр РАЛОТ

ТАЙНА МЫСА ДЖЕКСОН

НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ¹

2021 год. Факультет журналистики

Аркадий Кириллович, или попросту Пенсоне, заведующий кафедрой литературной публицистики, резво для своих восьмидесяти поднялся из-за стола и подошёл к трибуне, стоящей в главном лекционном зале университета.

– Судари и сударыни! Бесконечно рад тому обстоятельству, что имею честь здесь и сейчас лицезреть вас воочию, а не на экране старого, как я, монитора. Надеюсь, что все привились от этой чумы двадцать первого века, а посему можете безопасно пожимать друг другу руки и даже целоваться в уединённом местечке, коих в этом заведении предостаточно. Скажу больше, подобное времяпрепровождение частенько приводит молодых людей в контору с многообещающей вывеской «Запись актов гражданского состояния».

Заслышав это, женская часть присутствующих в едином порыве хихикнула, а парни сделали вид, что не расслышали.

¹ Имена некоторых действующих лиц изменены.

– Согласитесь, средства массовой коммуникации способны на многое, но пока ещё не могут создавать маленьких человеческих особей посредством удалённого доступа. – Аркадий Кириллович снял с переносицы очки без заушных дужек, протёр их и аккуратно положил в футляр.

Студенты по опыту прошлых семестров уже знали, что эта манипуляция приводит к оглашению очередного курсового задания.

– Итак, будущие акулы пера и лауреаты многочисленных премий, – профессор выдержал театральную паузу, – вам хорошо известны имена Марка Твена, Стеффенса и Уитмора. Может, кто-нибудь поведает, что между этими господами общего?

Несмотря на попытку сидящей рядом подруги Зойки удержать руку, Марина подняла её и даже встала с места.

– Слушаю, сударыня.

– Журналистское расследование. Они были основоположниками этого инфопродукта.

– Превосходно! Прошу опуститься на место и записать самую лучшую тему из тех, что я приготовил для курсовых заданий. А звучит она так: «Михаил Леркантов. Тайна гибели».

– Но ведь это всем известно. О его смерти писано-переписано, – возмутилась девушка.

– Милочка, имейте совесть не перебивать преподавателя! Извольте набраться терпения и дослушать тему до конца. Записывайте: 1986 год, гибель лайнера, названного в честь нашего великого соотечественника.

После занятий. Кафе «Веллингтон»

– Ничегошеньки в инете нет. Ну старикашка-Пенснешка! Подсунул тему! – Маринка в сердцах вытащила из стакана коктейльную трубочку и, облизав, завернула в салфетку.

– Во-первых, не надо было высовываться, как динозавриха. А во-вторых, зачем она тебе?

– Не поняла.

– Чего же тут непонятного? Гиганты эти бродили по планете, свысока поглядывая. И где они теперь? Вымерли. А мышки серые вроде меня сидели тихохонько в норках и до сих живут, сыр с кухни приворовывая.

– Я если имышь, то уж точно не серая! Скорее, белая. Лабораторная. На мне профессор опыт ставит. Выживу или утону, как этот корабль. А трубочка для горла нужна. Кофе холодный обожаю. Из холодильника. Вёдрами пью, когда пишу. Ангину схлопотать как раз два. А если через соломинку...

– Ещё заказывать будете? – К девушкам подошёл молодой официант.

– Дамы желают знать, каким образом отправился на дно шикарный теплоход «Михаил Леркантов» и как это прискорбное событие связано с названием этого заведения, – съехидничала Марина.

– Сей Веллингтон

Я в книге нашёл.

Красивое имя,

Высокая честь –

Веллингтонская волюсть

В Новой Зеландии есть! – переиначил известное стихотворение официант и продол-

жил: – «Цигель-цигель, ай-лю-лю, "Михаил Светлов"! Ту-ту-у-у»¹. А вот затонул кораблик или до сих пор плавает, не знаю. Сок хотите? За счёт заведения. От злых преподавов здорово помогает. По себе знаю, – парень улыбнулся и забрал со стола пустые стаканы.

Зоя стукнула себя по лбу:

– Клянись сейчас же! На томатном соке. Что отныне и до конца учёбы выпендриваться не будешь! Тогда я, так уж и быть, окажу братскую, то есть сестринскую, помощь!

– Клянусь на скотче, которым ты мне руки стянешь, что впредь не буду их тянуть. За исключением чрезвычайного случая, когда один симпатичный молодой человек вознамерится твою подружку окольцевать! А теперь выкладывай, что такое умное в кудрявом котелке вдруг сварилось.

– Помнишь, я рассказывала про свою знакомую Лильку, ту, которая подрабатывает художницей? Портретики прохожих рисует на аллее в парке. И продаёт, чтобы от маман финансово не зависеть.

– И что? Курсовая при чём?

– Знаешь, кто у неё мамаша? Настоящая детективщица! Про сыскное бюро «Крулевская и партнёры» слыхала?

– Ты, подруга, часом коктейлем не траванулась? Симптомы налицо. Предлагаешь обратиться в эту контору? Так, мол, и так. Задание горит ярким пламенем. По журналистскому расследованию. Подсобите, пожалуйста. Тугриков монгольских не пожалею. Отвалю с полтыщи.

– Была я в этом бюро, – огрызнулась Зоя, – всяких всячин из разных стран и городов хоть пруд пруди. А на столе у директрисы рисунок в рамке стоит с пейзажем – морским корабликом вдали.

– Лилькина работа?

– А вот и нет! Маргарита Сергеевна, мамаша Лили, однажды разоткровенничалась и рассказала, что картиночка плавала на том самом «Михаиле Леркантове». Я тогда ушами хлопала, как слониха индийская, а сейчас пазл взял да и сложился. Это не «Гугл» с «Яндексом», а самый настоящий ар... ар... артефакт! Ты нашему

¹ Цитата из фильма «Бриллиантовая рука».

Пенсне интервью с самой владелицей рисунка представишь, да ещё в придачу и пару фоток присовокупишь! Прикинь! Он на радостях не курсовую – сразу дипломную оформит! Давай дармовое угощение быстренько выпьем – и погнали!

Офис сыскного бюро «Крулевская и партнёры»

Марина, Зоя и Лиля расположились на мягком диване и, затаив дыхание, слушали рассказ Маргариты Сергеевны о делах давно минувших дней.

– Я тогда в нашей южнороссийской прокуратуре трудилась. Только что советника юстиции третьего класса получила. Вызывает меня начальник и прямо в лоб ошарашивает:

«Отправляйся в КГБ. Там уже ждут. Пропуск выписали».

Стою, глазами хлопаю, в уме прикидываю: за что? Со шпионами не якшалась, валюты не имею, цеховиками¹, правда, занималась, но не лично, а как член объединённой следственной группы. В общем, оказалась я в составе ещё одной следственной команды, созданной специально для расследования обстоятельств гибели флагмана советского круизного флота. Первым делом велели дать подписку о неразглашении. Но поскольку уже и комитета этого нет, да и страны тоже, будем считать, что эта формальность утратила юридическую силу.

Марина, словно школьница, подняла руку и затрясла ею в нетерпении.

Крулевская недовольно покачала головой и молвила:

– Слушаю.

– Маргарита Сергеевна, так он же у берегов Новой Зеландии... того... Прямо туда в командировку ездили? На место гибели?

– Товарищи из органов поездку через ЦК КПСС пробили. Подозревали, что дело это рук диверсантов. Допрашивали потерпевших. Мой английский здорово пригодился. Все бланки подшивались в папку с грифом «Секретно». Нас обязали сдавать даже личные блокноты.

О существовании портативных диктофонов прокурорские в те годы слышали, но в глаза ещё ни разу не видели.

Лиля округлила глаза и пялилась на мятую коленкоровую тетрадь, которую мать держала в руках.

– Дочь, не мне объяснять: если нельзя, но очень хочется, то можно. Делала записи тайком. Вечерами. По памяти. Ведь эта была моя первая поездка за границу. Мечтала: выйду в отставку и в писатели подамся. Буду романы сочинять, как Юлиан Семёнов. Необычные и жутко интересные. Как видишь, не сложилось. Но сегодня кое-кому тетрасточка ой как поможет!

Марго улыбнулась и протянула её Марине:

– Девочки, изучайте пока. А я текучкой займусь. Компаньон звонил. Заказ везёт. Позже загляну и отвечу на вопросы, если таковые возникнут.

* * *

Из допроса подменного капитана Всеволода Птицына:

(Крулевская) – Почему в столь сложном круизе на теплоходе не оказалось основного капитана?

(Птицын) – Руководитель пароходства счёл возможным предоставить ему очередной отпуск. Ведь этот маршрут считался штатным, тем более что власти Новой Зеландии требовали обязательного присутствия на борту лицензированного лоцмана.

Американцы, после того как наши войска вошли в Афганистан, ввели всевозможные эмбарго. Запретили входить советским кораблям в их порты. Пришлось осваивать австралийское направление. «Леркантов» был сильным конкурентом. Буквально костью в горле у тамошних капиталистов. После того как судно реконструировали², оно стало пользоваться у зарубежных туристов

² Впервые установили диковинку – станцию спутниковой связи. На отделку всех помещений и их убранство не поскупились. Увеличили количество кают-люксов. Затраты колоссальные!

Одиннадцать миллионов фунтов стерлингов. (Уточняющая запись на полях тетради М. С. Крулевской.)

¹ Подпольные предприниматели в СССР.

бешеной популярностью! Ещё бы: пять палуб, двести тридцать девять кают, кино-театр, казино.

(Крулевская) – На теплоходе, плавающем под советским флагом, было казино? Такое возможно?

(Птицын) – Это стандарт. Неотъемлемая часть любого круизного судна. Конечно, оно было закрыто, когда мы находились в портах стран, запрещающих азартные игры. Но в нейтральных водах – пожалуйста.

Перед командой стояла задача заработать как можно больше валюты. Вот и старались. Цены на круизы у нас были ниже, чем у других фирм. Зато казино, ресторан, пять баров, магазины разной специализации и даже парикмахерская приносили солидную выручку.

(Крулевская) – Понятно. А про несостоявшийся взрыв в порту Сан-Франциско вам есть что рассказать?

(Птицын) – Об этом инциденте наш капитан подробно докладывал в Комитет государственной безопасности.

(Крулевская) – Отвечайте на вопрос. И называйте всё своими именами. Произошедшее никак не инцидент. Это настоящая диверсия.

(Птицын) – На теплоход передали записку. В ней сообщалось о минировании. А нам вот-вот отчаливать. Что делать? Знаете, сколько стоит лишний час пребывания в порту?

(Крулевская) – Ближе к делу! Без лирических отступлений.

(Птицын) – Бросились к водолазам местной военно-морской службы.

Те ни в какую. Помогать советскому судну?! Слыханное ли дело?

(Крулевская) – Уговорили?

(Птицын) – Растолковали, что если рванёт, так и их капиталистическим посудинам, да и порту, достанется так, что мама не горюй. Ребята понятливые. Одно слово – профи. Побросали дела и примчались осматривать днище. Нашли магнитную мину. К счастью, без взрывателя.

(Крулевская) – Это всё?

(Птицын) – Нет. Угрожали. И не раз. Предупреждали: не уйдёте с австралийского

направления – получите новый сувенир. Но подарок будет снаряжённый.

(Крулевская) – И всё-таки в чём конкурентное преимущество «Михаила Леркантова»? Экономика во всём мире живёт по единым законам. И капиталисты получише нашего умеют каждый цент считать.

(Птицын) – Так ведь мы же заправлялись прямо в океане. Любой танкер, проходящий мимо нас, обязан дать топлива, сколько попросим. И неважно, к какому пароходству он принадлежал, ибо его капитан обязан в точности исполнить приказы Министерства морского флота и Министерства рыбного хозяйства. Конечно же, советскому лайнеру оно отпускалось по внутренним расценкам и в рублях: о рыночных ценах никто и не заикался.

В Великобритании стоимость на наши круизы определяли из расчёта семьдесят долларов за сутки. Вот и получалось, что путешествие на советском комфортабельном лайнере для иностранцев обходилось дешевле, чем их обыденная жизнь на берегу. Мы приобретали постоянных клиентов, которые покупали путёвки ежегодно, помнили по именам членов экипажа. По возвращении домой писали письма, звали в гости. Ничего подобного у западников не наблюдалось!

(Крулевская) – С этим разобрались. Теперь о главном. Теплоход вёл лучший новозеландский лоцман. Или я не права?

(Птицын) – Команда полностью доверяла Дэну Мессону. Ведь он утверждал, что является хозяином специализированной фирмы. Уже потом я узнал, что в этой конторе числился только один сотрудник – он сам! Простить себе не могу, что ушёл после вахты отдыхать. На мостике остались штурман, второй помощник капитана, два матроса и лоцман. Тот веселился и через судовое радио рассказывал пассажирам о местных достопримечательностях. Потом попросил штурмана проложить курс поближе к берегу. И вдруг неожиданно скомандовал: «Руль влево, десять градусов». «Леркантов» изменил направление движения и оказался в узком проливе между мысом Джексон и маяком. Теплоход настолько близко подошёл

к утёсу, что пассажиры могли, вытянув руку, достать ветки деревьев, растущих на камнях.

А потом судно на полном ходу врезалось в подводную скалу. Но команда сделала всё от неё зависящее. Никто из пассажиров не погиб.

(Крулевская) – А как же рефрижераторный механик?

(Птицын) – Я же сказал: из пассажиров, а он член экипажа, оказался в затопленном отсеке и не смог...

* * *

Марина перевернула страницу, но больше записей в тетради не обнаружила. Дальше шли аккуратно подшитые вырезки из газет тех лет. Советских и иностранных.

Новозеландская пресса сообщала:

«Лоцман – счастливчик, ибо обладал редким патентом на проводку крупных судов по водным путям новозеландского национального парка. На следствии Мессон заявил, что отдал команду спонтанно, хотел показать пассажирам красоты мыса и маяка. Утверждал, что по морским законам за судно и его курс отвечает капитан или уполномоченный офицер, который запросто мог не согласиться с предложением лоцмана и вести теплоход заданным курсом».

«Ленинградский мореход» информировал читателей, правда, самым мелким шрифтом:

«По факту кораблекрушения теплохода возбуждено уголовное дело. В действиях Всеволода Птицына состава преступления не обнаружено. Второй помощник капитана осуждён на четыре года исправительных работ».

* * *

В комнату вернулась Маргарита Сергеевна. Взглянула на притихших девочек.

– Ну что? Хватит материала для курсовой?

Маринка кивнула, не зная, как попросить разрешения на копирование.

Марго догадалась сама.

– Дело прошлое. Не стесняйся, фотографировуй. Ещё вопросы будут?

– Ага! – неожиданно для себя выпалила Зойка. – А с этим Дэном что стало? В тюрьму уткнули? Надолго?

– О! Это отдельная песня. Детектив, можно сказать. Во время спасательной операции лоцман исчез! Воспользовался суматохой и удрал. Сдаётся, сильно испугался гнева наших матросов.

Полицейские Новой Зеландии его отыскали и арестовали. Никому из нашей следственной бригады допросить его не позволили. Результаты собственного расследования немедленно засекретили. Но посадить виновника трагедии отказались. Официальной бумагой уведомили наше посольство, что он добровольно сдал лицензию, сославшись на состояние здоровья. Через несколько лет Мессон прошёл медкомиссию. Конечно, его признали здоровым. После этого Дэн получил назад лоцманские привилегии. Сделал карьеру и трудился в качестве капитана грузового судна.

После гибели «Леркантова» круизные суда всех стран мира лет пять обходили Новую Зеландию десятой стороной. Финансовые потери от халатности, а по-моему, блестяще выполненной диверсионной операции, не сосчитать.

– Неужели наши не захотели поднять такое классное судно? – вставила свои «пять копеек» Зойка.

– В Минтрансе посчитали, что подъём теплохода и дальнейшее восстановление будут стоить больше самого судна. Да, чуть не была! По необъяснимой причине теплоход не был застрахован. Наше правительство вчинило иск властям порта и лично лоцману на сумму сорок пять миллионов долларов. Но гуманный международный суд удовлетворил исковое требование лишь на скромные два миллиона семьсот тысяч.

– Мамуля, а почему ты про картину ничегошеньки не сказала? Как она к тебе попала? Из вещдоков¹ с затонувшего судна? – поинтересовалась Лиля. – Сто тысяч раз на неё глядела и не задумывалась.

– Допрашивала я как-то матроса с «Леркантова». Весёлый такой балагур.

¹ Вещественное доказательство.

Вот он её мне и подарил. Говорил, что купил этот морской пейзаж в Ялте, на набережной, у девушки-художницы. Утверждал, что если её с тонущего корабля спасли, то уж второй раз ни за что на дне не окажется и её новую хозяйку от всяких передраг спасёт. Я же тогда была молодая, привлекательная. Вот и оказывал мне знаки внимания.

– «Анна Давыдченко», – прочитала дочь маленькую подпись внизу рисунка. – Хранишь как память об ухажёре?

– Рисунок нашего Чёрного моря – подарок непосредственного участника тех страшных событий – теперь мой талисман, стоит на столе и помогает в работе. Гляжу на него – и, случается, очень нестандартные версии в голову приходят. Знаешь почему?

Лиля покачала головой.

– Дело в том, что крымская художница – человек удивительной судьбы. Самая настоящая графиня. Прямой потомок графа, генерал-лейтенанта Ираклия Ивановича Моркова, известного участника русско-турецких войн, командира московского народного ополчения войны восемьсот двенадцатого года. В числе его многочисленных крепостных был и лучший портретист России, будущий академик Василий Андреевич Тропинин! Такие вот зигзаги судьба преподносит!

Девушки от удивления округлили глаза, но сдержались. Не проронили ни слова.

Крулевская же, выдержав паузу, повернула к девушкам ноутбук, на экране которого светилась фотография эффектной женщины. Ниже шёл текст: «Анна Владимировна Давыдченко. Член Международной ассоциации художников

"Палитра мира" и Союза художников России. Её картины представлены в лучших музеях и частных коллекциях многих стран мира».

* * *

Зоя и Марина рассматривали небольшую картину, передавая из рук в руки.

– А сейчас она где живёт? Наверное, за рубеж уехала? В Лондон или Париж?

– В нашем родном Крыму. Сдавайте сессию, и все вместе махнём туда. Может, она и ваши мордашки увековечит, если в зачётной книжке одни «отлы» будут.

Университет. Факультет журналистики. Амфитеатр главной лекционной аудитории

– Хорошо. Замечательно. И даже более того, – Аркадий Кириллович положил морщинистую руку на пухлую папку, – достойная работа. На пять. Почти.

Марина захлопала ресницами. В уголках глаз заблестели предательские слезинки.

– П-п-п-по-че-му почти?

– Сударыня, вы не сочли возможным добавить пару строк «про теперь».

– Про что?

– Журналистам крайне желательно в конце работы поведать читателям, что место гибели «Леркантова» в настоящее время – излюбленный объект для местных и приезжих подводных мародёров. Есть такие фанатики, которые готовы облететь полмира, дабы утащить с бедняги теплохода предметы канувшей в небытие советской эпохи. Скажу больше, не все возвращаются из морских пучин на грешную землю. Известно несколько случаев, когда дайверы обретали вечный покой в трюме и каютах. Об этом также следует написать. Уверю вас: получится увлекательное чтение, – профессор обвёл глазами аудиторию и посмотрел на одиноко сидевшую Зою. – Голубушка, не сочтите за труд, сделайте милость, подойдите сюда, пожалуйста. У меня для вас найдётся кое-что сногшибательное!

Как Маугли и Сильфидра утомили Никитку

В маленьком селе Ковылкино не было культуры. Не сказать чтобы совсем... Летними тёплыми вечерами на скамейке возле своего дома дед Матвей играл на гармошке, а баба Паша красивым голосом подпевала. Послушать импровизированные концерты собирались все соседи. И это всё: ни тебе оперы, ни балета, ни спектаклей заезжих артистов. Заезжать было некуда: сельский клуб закрыли на ремонт лет десять назад и забыли открыть. Основную культуру в массы нёс телевизор. Телевизор – это окно в большой мир, распахнутое двадцать четыре часа в сутки. Смотри что хочешь: папа хотел футбол, мама – сериал про Марию, дедушка – фильмы про милицию. На Никитку ширины окна не хватало.

Но однажды по телевизору показали цирк, и это оказалось потрясением для мальчика. На следующий день кошка Маруська против своей воли стала наездницей, а дворовый пёс Мухтар – резвым скакуном на арене цирка во дворе дома.

Через неделю Маруська перепрыгивала со шкафа на шкаф, а Мухтар приносил обувь со всей деревни.

– Глянь-ка, мать, какие способности у нашего сына, – сказал отец, разглядывая дырявую калошу, которую нашёл утром на крыльце. – Подрастёт, будет девок дрессировать.

– Тебе бы только посмеяться, а ведь сын растёт и ничего кроме деревни не видел, а где-то большая жизнь... искусство с цирками и теа-

трами. В Москве вон эскалатор есть... Катаются себе целыми днями... счастливые.

– А у нас мотоцикл в сарае, вот почию, и будем кататься...

– Да ну тебя, я ж серьёзно....

– Если на серьёзе, то на зимних каникулах свозим Никитку в Москву, пусть посмотрит на культурную жизнь, авось научится отличать оперу от балета.

– Тебе бы всё шутки...

К поездке в Москву готовились заранее – это вам не в соседний городок съездить. Можно было и в областной центр, что в ста километрах от деревни, но там тоже не было цирка, а уж балета тем более.

Родственники в Москве удивились звонку и просьбе родственников из деревни, но когда им сказали, что те едут одним днём и ночевать не будут, то сильно обрадовались и пообещали купить билеты в цирк, в кукольный и Большой театры. Москва – дело дорогое, поэтому нечего долго рассусоливать, надо успеть за день то, чего москвичи не могут позволить себе за несколько лет.

До Москвы добирались больше суток. Первым по списку шёл кукольный театр и спектакль «Маугли». Умаявшиеся с дороги родители к концу представления прекрасно выпалились. Никита держался до второй трети второго отделения, но и его сморили приключения мальчика Маугли.

Следующим по списку культурных достопримечательностей столицы шёл цирк. Слоны, тигры и верблюды, которых Никитка видел только по телевизору, потрясли мальчика. Тигры прыгали через горящее кольцо, ходили по канату, выполняли все команды дрессировщика агрессивно и как бы нехотя. Огромные неповоротливые слоны вставали на задние ноги и, обхватив хоботом красивую, всю в блёстках дрессировщицу, поднимали её высоко вверх. Наверно, ей было страшно, но она улыбалась.

– Господи! Что вытворяют, – причитала мать, – я бы ни за какие деньги не согласилась...

– А тебе бы никто и не предложил, у тебя таких ног нет, – неудачно пошутил отец.

Обидеться мама не успела – на арену выскочили лошади: длинноногие, в гриве не было репьёв, и шкура лоснилась под прожекторами. Это вам не Орлик деда Тимофея! Вокруг них бегали мужчины, которые на полном скаку запрыгивали на лошадь, делали сальто и спрыгивали. А один, особо шустрый, пролез под брюхом лошади, ловко вскочил на спину и стоя промчался мимо Никиты аж два раза.

«Вот бы мне так!» – подумал Никитка.

– Глянь-ка, мать, на сына. Лошади ему понравились больше, чем слоны. Да, и то... где в деревне взять слонов? Боюсь, Тимофееву Орлику предстоит много работы.

Потом были собачки, клоуны, акробаты и фокусники. К концу представления Никитка определился с главной целью в жизни – когда вырастет, работать будет в цирке. Если не получится дрессировщиком, то уж клоуном обязательно, на худой конец, акробатом – делать «мостик» и «коробочку» он уже умеет.

Когда вышли из цирка, отец сказал:

– Ну что, сын, гулять так гулять... Пошли посмотрим, как цари жили, – в Кремль.

Два часа ушло на Царь-колокол с пушкой, корону царя и брошки царицы. Последние силы покинули Никитку на балете «Сильфида». Он успел только спросить: «Это спектакль для глухонемых?» И уснул.

Искусство в большом количестве утомляет: будь ты мальчик из деревни Ковылкино или дядька, перелетевший океан для встречи с прекрасным, который спал в соседнем ряду.

Никитка возвращался домой, нагруженный впечатлениями по самую макушку.

«Нет, – решил он, – балериной я не буду – нужна партнёрша, а где её в Ковылкино взять? И артистом за ширмочкой не хочу, меня же там никто не увидит. Остаётся цирк. У бабы Нюры коза есть, у деда Тимофея лошадка Орлик. Это, конечно, не тигры, но работать можно».

К дому подъезжали уже ночью. Деревня спала и не подозревала, какая судьба ожидала деревенскую скотинку.

Наталья БАРАНОВА

ПАМЯТИ ГЕРОЯ РОССИИ

ЧЕМПИОНАТ И ПЕРВЕНСТВО РЯЗАНСКОЙ
ОБЛАСТИ ПО РУКОПАШНОМУ БОЮ
ПАМЯТИ ГЕРОЯ РОССИИ КАПИТАНА
ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СЕРКОВА

23 октября 2021 года в г. Рязани на базе спортивной школы олимпийского резерва «Академия единоборств» прошёл чемпионат и первенство Рязанской области по рукопашному бою памяти Героя России капитана Дмитрия Александровича Серкова.

Воспитанники МБУ «Центр патриотического воспитания им. Н. Е. Рогожкина» под руководством директора Д. О. Хромова и специалистов по работе с молодёжью В. В. Шишко и К. А. Графова приняли участие в церемонии открытия с показательным рукопашным боем.

Соревнования проходили в разных возрастных категориях, в них приняли участие более 100 спортсменов. Воспитанники специалиста центра по работе с молодёжью В. Д. Ремнёва показали хороший результат и высокий уровень спортивной подготовки:

Щеголихин Артём Евгеньевич – 2-е место;
Логунов Кирилл Александрович – 3-е место.

Поздравляем ребят с успешным выступлением! Желаем успехов в дальнейшей подготовке и выступлениях на спортивных аренах!

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru